В. ТРУТОВСКІЙ

II/676
автограф.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ПРЕДКОВЪ РОДА РОМАНОВЫХЪ

Многоуважаемому
Дмитрию Ивановичу
Успенскому
по добрым воспоминаниям от автора
В. Жуйко

II
676

Оттиски изъ 2 и 3 книгъ «Лѣтописнаго и Лицевого Изборника Дома Романовыхъ». Изд. С. Ермолаева.

Трутовский, В. К.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРЕДКОВЪ РОДА РОМАНОВЫХЪ

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ГПИБ России
10000868

ПОГАШЕНО
Государственная
Историческая
Библиотека СССР
№ 207-56

К главѣ исторіи Дома Романовыхъ, какъ и многихъ другихъ фамилій, ведущихъ свое происхожденіе отъ того же корня, ставятъ обыкновенно боярина Андрея Ивановича Кобылу, упоминаемаго въ лѣтописяхъ впервые подъ 1347 годомъ, когда онъ ѣздилъ по порученію великаго князя Московскаго Симеона Гордаго за его невѣстой, великой княжной Тверской Маріей Александровной, дочерью великаго князя Александра Михайловича. По нашимъ письменнымъ памятникамъ онъ—древнѣйшій представитель предковъ рода Романовыхъ и только по его отчеству можно судить, что отецъ его носилъ имя Ивана. Нѣкоторыя родословныя росписи прибавляютъ къ нему какъ его брата Ѳедора Ивановича Шевлягу, лицо не историческое, и про обоихъ братьевъ говорятъ, что тотъ или другой «выѣхалъ изъ Прусскія земли, изъ Нѣмецъ» или «родъ прусскаго княженія», или «пріѣхалъ

изъ Прусъ отъ своихъ предѣловъ», или же просто «выѣхалъ изъ Прусъ». На первый взглядъ эти отмѣтки относятся какъ будто къ самому Андрею Ивановичу и производятъ впечатлѣніе, что это онъ самъ «выѣхалъ изъ Прусъ», но отчество указываетъ, что отецъ его былъ уже извѣстенъ, что выѣхавшимъ надо считать, именно, его отца, ибо въ противномъ случаѣ ожидалось бы одно имя или прозвище, какъ Ратша, Ивоня и т. п. Еще больше въ пользу этого послѣдняго мнѣнія говоритъ то, что въ древнѣйшихъ родословныхъ спискахъ Андрей Ивановичъ называется не Кобыла, а Кобылинъ, т.-е. сынъ Кобылы. На этомъ основаніи, а также пользуясь семейными преданіями, герольдмейстеръ Петровскаго времени, ближній стольникъ, Степанъ Андреевичъ Колычевъ, также ведущій свой родъ отъ Андрея Кобылы, сдѣлалъ въ 1722 году попытку найти отца Андрея Ивановича и пришелъ къ заключенію, что таковымъ былъ нѣкій Гланда Камбила, сынъ Дивона, прусскій владѣтель Недровскаго «уѣзда», покинувшій свою родину подъ натискомъ Тевтонскаго Ордена и пришедшій на Русь въ 1283 г., въ Москву къ великому князю Даніилу Александровичу, который и крестилъ его по греческому обряду, давъ ему имя Іоанна. Кромѣ того, Колычевъ пошелъ еще дальше и вывелъ происхожденіе Гланды Камбилы отъ «Прусскаго короля Прутено», который въ 373 г. по Р. Х. «для старости своей отдалъ въ вѣчное обладательство свое Прусское королевство брату своему Вейдевуту». Отъ четвертаго сына Вейдевута—Недрона и происходилъ, будто бы, по прямой линіи Гланда. Предположенія Колычева нашли себѣ сторонниковъ и они повторены, напримѣръ, у Мальгина въ его «Зерцалѣ Русскихъ Государей» въ 1794 г. и въ «Общемъ Гербовникѣ», офиціальномъ изданіи 1797 года. Одно изъ его предположеній, именно о Гландѣ Камбилѣ, какъ отцѣ Андрея Ивановича Кобылы—Кобылина, встрѣтило горячую и убѣжденную поддержку еще у нѣкоего барона Балтазара Кампенгаузена «дѣйствительнаго камергера Двора Его Величества Россійскаго Императора (Александра I), директора Государственной медицинской экспедиціи», который издалъ въ 1805 г., въ Лейпцигѣ обширный трудъ по этому поводу, на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Genealogisch-Chronologische Geschichte der Allerdurchlauchtigsten Hauses Romanow und seines voralterlichen Stammhauses—Генеалогическо-хронологическая исторія Пресвѣтлѣйшаго Дома Романовыхъ и коренного рода ихъ предковъ». Однако, заключенія Колычева о предкахъ Гланды и объ его происхожденіи отъ Вейдевута онъ подвергъ рѣзкой критикѣ и отказался отъ нихъ. Со времени барона Кампенгаузена научная литература рѣдко останавливалась на этихъ предположеніяхъ Колычева и бар. Кампенгаузена, или же просто принимала ихъ указанія, какъ непреложный фактъ, какъ, напримѣръ, Крекшинъ, Мальгинъ, бар. Фридбургъ, кн. П. Долгоруковъ, Г. Студенкинъ, архим. Сергій и др., и лишь позднѣйшіе ученые высказались всѣ единодушно въ отрицательномъ смыслѣ, утверждая и отчасти доказывая, что разсказы о Гландѣ и его происхожденіи баснословныя выдумки. Въ концѣ концовъ литература вопроса разрослась до внушительныхъ размѣровъ, но все же до сихъ поръ не пришла ни къ какому соглашенію. Здѣсь будетъ представлена попытка сдѣлать выводы изъ всѣхъ этихъ взглядовъ.

* * *

Если сгруппировать теперь вмѣстѣ всѣ мнѣнія о происхожденіи рода Романовыхъ, какъ указанныя въ старинныхъ родословныхъ и лѣтописяхъ, такъ и высказанныя въ печати нашими историками, генеалогами и изслѣдователями родовъ одного происхожденія съ Романовыми, то получится ясное раздѣленіе ихъ на три системы, изъ которыхъ двѣ рѣзко противоположны другъ другу, а третья занимаетъ между ними среднее положеніе, не примыкая ни къ тому ни къ другому взгляду и обходя совершенно вопросъ объ

отцѣ боярина Андрея Ивановича Кобылы, являющагося первымъ и несомнѣннымъ историческимъ представителемъ, уже какъ бы чисто русскимъ родоначальникомъ цѣлаго ряда фамилій, въ томъ числѣ и Романовыхъ и ихъ ближайшихъ предшественниковъ—Захарьевыхъ, или Захарьиныхъ, и Юрьевыхъ.

Системы эти слѣдующія:

1. Мнѣнія о безусловно исконномъ русскомъ происхожденіи Романовыхъ. Эти мнѣнія, въ свою очередь, дѣлятся на два теченія. Одно изъ нихъ ведетъ Романовыхъ изъ Великаго Княжества Тверского и Андрея Ивановича Кобылу считаетъ чистымъ Тверичемъ, отвергая безусловно его иноземное происхожденіе; другое—также стоящее за русское происхожденіе Андрея Ивановича, желаетъ вывести его изъ Новгорода, изъ старыхъ Новгородскихъ родовъ, и третье указываетъ на Псковскую землю, какъ на прародину Романовыхъ. При этомъ первое и третье теченія оставляютъ совершенно въ сторонѣ вопросъ объ отцѣ или предкахъ Андрея Ивановича, а второе пытается найти ихъ въ самомъ Новгородѣ.

2. Мнѣнія совершенно отвергающія, наоборотъ, мѣстное, россійское, происхожденіе этого рода и ведущія его «изъ Прусъ» или «Нѣмецъ», при чемъ одно проводитъ Андрея Ивановича черезъ Новгородъ, а другое прямо «изъ Прусъ», называя отцомъ его Гланду Камбилу, державца Прусскаго, въѣхавшаго въ Россію при Великомъ Князѣ Дмитріи Александровичѣ (1276 — 1294), сынѣ Александра Невскаго.

3. Мнѣніе, не принадлежащее ни къ тому ни къ другому, одинаково считающее недоказаннымъ ни тверское, ни новгородское, ни псковское, ни иноземное происхожденіе и не высказывающее своего рѣшенія по этому вопросу, кромѣ предположенія о чисто русскомъ происхожденіи.

Какіе же взгляды на происхожденіе Романовыхъ можно считать наиболѣе вѣроятными, наиболѣе подтверждаемыми историческими данными и соображеніями, и наиболѣе возможными?

Отвѣтомъ на эти вопросы можетъ послужить лишь тщательное разсмотрѣніе всѣхъ мнѣній, каждаго въ отдѣльности, чему и посвящается дальнѣйшее изложеніе. Выводы по каждому отдѣльному взгляду и должны привести къ выясненію истины, или, лучше, къ возможно болѣе правильному рѣшенію всего вопроса.

I.

Въ первый разъ указаніе, или, лучше, намекъ, на возможность Тверского происхожденія Андрея Ивановича Кобылы былъ высказанъ въ видѣ догадки А. П. Барсуковымъ въ его извѣстномъ трудѣ «Родъ Шереметевыхъ» [1]). Говоря о томъ вниманіи и заботливости, которыя оказывали Бѣжецкому Николаевскому Антоньеву монастырю потомки Василія Андреевича Шереметева, постригшагося въ этомъ монастырѣ подъ именемъ Вассіана, онъ тутъ же высказываетъ догадку о томъ, что не въ тѣхъ ли мѣстахъ [2]) была и Бѣжецкая вотчина Василія Андреевича и не тамъ ли, въ тѣхъ же Бѣжецкихъ мѣстахъ, надо искать первыя земельныя владѣнія и помѣстья ближайшихъ потомковъ Андрея Ивановича, отъ котораго ведутъ свой родъ также и Шереметевы. Какъ на доказательства возможности такого предположенія онъ указываетъ на то обстоятельство, что именно въ Тверской губерніи, въ нынѣшнемъ ея объемѣ, встрѣчается, будто бы, болѣе чѣмъ гдѣ-либо

---

[1]) А. П. Барсуковъ «Родъ Шереметевыхъ». Книга первая. С.-ПБ. 1882 г., гл. VI, стр. 84 и 85 г.

[2]) Нынѣ около города Краснаго Холма, въ Бесѣгонскомъ уѣздѣ.

населенныхъ мѣстностей, носящихъ названія Кобылино и Кошкино, такъ напоминающихъ прозвища Андрея Ивановича — Кобыла, и его пятаго сына Ѳедора Андреевича—Кошка, Такъ, по его подсчету, въ Тверской губерніи населенныхъ пунктовъ съ названіемъ Кобылино имѣется 13, а съ названіемъ Кошкино—4, тогда какъ, напримѣръ, въ Московской губерніи первыхъ насчитывается всего 4, а послѣднихъ ни одного.

Этотъ намекъ не только на русское происхожденіе Андрея Ивановича Кобылы и его рода, но и какъ бы на выѣздъ его въ Москву изъ Великаго Княжества Тверского былъ энергично поддержанъ проф. Д. В. Цвѣтаевымъ. Въ первый разъ онъ высказался въ такомъ направленіи въ своей статьѣ «Московскіе бояре XVI и XVII вѣковъ» [1]), въ каковой, между прочимъ, сдѣлалъ и критическій разборъ генеалогіи, данной А. П. Барсуковымъ въ I книгѣ его «Рода Шереметевыхъ». Но такъ какъ статья эта печаталась въ газетѣ, то авторъ не могъ, конечно, развить вполнѣ подробно и обстоятельно свои соображенія и доказательства и сдѣлалъ это уже во второй своей работѣ, выпущенной имъ по случаю 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ, въ видѣ отдѣльной брошюры, подъ заглавіемъ «Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на Царство» [2]). Будучи безусловнымъ противникомъ иноземнаго происхожденія Андрея Ивановича, онъ выставляетъ два соображенія, говорящія, по его мнѣнію, въ пользу происхожденія его именно изъ Тверского Великаго Княжества. «Первымъ исторически извѣстнымъ предкомъ Романовыхъ,— пишетъ проф. Д. В. Цвѣтаевъ въ указанной брошюрѣ,—является Андрей Ивановичъ Кобыла, бояринъ великаго князя Московскаго Симеона Ивановича Гордаго, сына Калиты. Онъ или одинъ изъ его ближайшихъ предковъ могъ прибыть въ Москву изъ какого-либо русскаго княжества, только не изъ-за границы. Повидимому, такимъ княжествомъ было Тверское, откуда передъ тѣмъ многіе бояре переѣхали на службу къ Московскому князю, какъ это они дѣлали и впослѣдствіи. По свидѣтельству лѣтописи, Андрей Ивановичъ Кобыла ѣздилъ (1347) въ Тверь по невѣсту Симеона Гордаго, Марію, дочь Тверского великаго князя Александра Михайловича. Обстоятельство это имѣетъ здѣсь большое значеніе, такъ какъ въ древней Руси практиковалось посылать за невѣстами лицъ близкихъ къ нимъ, земляковъ (за Софіей Палеологъ ѣздилъ Иванъ Фрязинъ, къ Маріи Гастингсъ—Горсей). На дочери младшаго его сына, Ѳеодора Ивановича Кошки, женился сынъ великаго князя Тверского Михаилъ Александровичъ».

Итакъ, первое соображеніе проф. Цвѣтаева таково: разъ Андрей Ивановичъ ѣздилъ по царскую невѣсту, то значитъ онъ ей былъ землякъ, «такъ какъ въ древней Руси практиковалось посылать за невѣстами царя лицъ близкихъ къ ней, земляковъ». Доказательство этого онъ видитъ въ посольствахъ Ивана Фрязина за Софіей Палеологъ и Горсея за Маріей Гастингсъ. Согласиться и съ самимъ соображеніемъ и съ доводами почтеннаго историка въ его пользу никакъ нельзя.

Прежде всего надо отмѣтить, что исторія бракосочетанія великихъ князей древней Руси, а также и царей не даетъ никакихъ основаній сказать, что практика требовала посылки за невѣстой ея близкихъ или земляковъ. Всѣ подобныя бракосочетанія дѣлятся ясно на три вида: на выборъ невѣсты изъ числа своихъ подданныхъ, на избраніе невѣстъ въ сосѣднихъ, русскихъ же, княжествахъ и на женитьбу на иноземныхъ принцессахъ или княжнахъ. Въ первомъ случаѣ обыкновенно совершался предварительный

---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 1884 г., №№ 22—59.

[2]) Профессора Д. В. Цвѣтаева, управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи. «Избраніе Михаила Ѳеодоровича на Царство». М. 1913. 8°.

выборъ невѣстъ родителями жениха, смотрины ихъ, если ихъ предоставляли окончательно избрать самому жениху, и подготовка ихъ къ вѣнцу, уже въ стольномъ городѣ жениха. Конечно, родные невѣсты играли при этомъ выдающуюся роль и занимали въ торжествахъ первыя мѣста; конечно, они же и привозили невѣстъ на показъ, или смотрины, но это далеко не соотвѣтствуетъ тому, что хочетъ установить проф. Цвѣтаевъ. Тутъ играло роль лишь одно кровное, ближайшее родство, что вполнѣ естественно и ничего болѣе. При выборѣ невѣсты изъ сосѣдственныхъ русскихъ же княжествъ опять-таки ближайшія мѣста, вѣроятно, занимали ея родные, то-есть члены ея же княжескаго рода, кровные, близкіе. Но когда приходилось посылать за такой невѣстой, то, несомнѣнно, для того выбирались люди особо знатные, выдающіеся по своему положенію при дворѣ жениха, наконецъ, близкіе его родные. Понятно, если среди особо приближенныхъ лицъ двора жениха оказывались и родственники невѣсты или ея земляки, то это обстоятельство не могло мѣшать ихъ посылкѣ, а, быть-можетъ, давало и перевѣсъ въ пользу посылки такого именно лица передъ другимъ знатнымъ служилымъ человѣкомъ, но обязательства выбирать пословъ за невѣстой изъ ея родныхъ или земляковъ не было, да и не могло быть. Надо было въ этихъ дѣлахъ соблюсти, главнымъ образомъ, все возможное уваженіе, всякій почетъ къ невѣстѣ, къ ея родителямъ, не дать ни малѣйшаго намека на какое-либо ея униженіе, а къ этому вопросу люди древней Руси относились съ болѣзненной щепетильностью и болѣзненнымъ самолюбіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не была бы обидна дому невѣсты и ея родителямъ присылка за ней ея же родственника, занимавшаго незначительное положеніе при чужомъ дворѣ, только потому, что онъ былъ ея родственникъ? Вѣдь тутъ очень легко было усмотрѣть какъ бы желаніе жениха особо подчеркнуть превосходство своего положенія и своего рода и какъ бы намекнуть на особую честь для невѣсты, что сосѣдній князь выбралъ ее своей нареченной, какъ бы снизошелъ до нея. Еще болѣе прямо даже оскорбительнаго можно было бы усмотрѣть въ выборѣ пословъ за невѣстой исключительно изъ земляковъ невѣсты. Изъ этого легко бы было сдѣлать выводъ, что жениховскіе приближенные изъ мѣстныхъ родовъ, или его родные, слишкомъ знатны, чтобы ѣхать по невѣсту въ другое княженіе. Тѣмъ болѣе всѣ эти соображенія должны были имѣть мѣсто въ данномъ случаѣ потому, что Великое Княженіе Тверское всегда не только считало себя нисколько не ниже Московскаго, но неустанно претендовало на руководящую роль на Руси, изъ-за чего и шли непрерывныя столкновенія между Москвой и Тверью, кончившіяся лишь разгромомъ и уничтоженіемъ Тверского Великаго княженія при Іоаннѣ III. Наконецъ, и самъ женихъ долженъ былъ думать о томъ, чтобы неудачной, неправильной и вызывающей самолюбивыя подозрѣнія со стороны дома невѣсты посылкой не опорочить себя, не нарушить стародавнихъ обычаевъ, не унизить невѣсты и вмѣсто брачнаго союза не создать новыя затрудненія, а можетъ быть и войну.

Въ интереснѣйшей и въ высшей степени цѣнной работѣ своей «Князь Аѳанасій Даниловичъ, сынъ князя Даніила Александровича Московскаго» [1]) авторъ ея Г. С. Ш. сдѣлалъ крайне осторожно попытку установить, что у Андрея Ивановича Кобылы была дочь Анна, вышедшая замужъ за князя Аѳанасія Даниловича, брата Ивана Калиты. Князь Аѳанасій жилъ въ Новгородѣ, былъ тамъ очень любимъ народомъ. И вотъ, благодаря такому родству съ домомъ князя Даніила Московскаго, Андрей Ивановичъ и ѣздилъ, по предположенію Г. С. Ш., въ 1347 году въ Тверь за невѣстой великаго князя Московскаго Симеона Гордаго, сына Калиты, дочерью великаго князя Твер-

---

[1]) СПБ. 1908.

ского Маріей Александровной. Эти указанія почтеннѣйшаго автора, разъ они получили бы полное подтвержденіе, вполнѣ объясняли бы посылку Андрея Ивановича и соотвѣтствовали бы тому, что сказано выше. Налицо тутъ тогда было бы и близкое родство съ Московскимъ Великокняжескимъ Домомъ, и высокое положеніе посла у себя на родинѣ, и, вѣроятно, соотвѣтствующій высокому порученію возрастъ Андрея Ивановича. Посылать въ сосѣднее княженіе за молодой дѣвушкой, да еще за великой княжной, да къ тому же еще и невѣстой великаго князя, уже цѣлый рядъ лѣтъ сидящаго на престолѣ, не только молодого, но даже среднихъ лѣтъ человѣка, никоимъ образомъ не могло соотвѣтствовать понятіямъ русскихъ людей XIV вѣка. Но, къ глубокому сожалѣнію, родство Андрея Ивановича съ Московскимъ Великокняжескимъ Домомъ пока является только заманчивымъ предположеніемъ Г. С. Ш.

Наконецъ, въ третьемъ случаѣ, когда невѣста бралась изъ чужихъ земель, да еще въ ту эпоху, когда Московское Государство только еще сплочивалось и укрѣплялось и не имѣло достаточно знатныхъ и въ то же время европейски образованныхъ лицъ, хотя бы все ихъ образованіе сводилось къ знанію одного или нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ, поневолѣ пришлось бы прибѣгнуть къ посредничеству «земляковъ» намѣченной невѣсты, которые могли бы свободно и ясно передать все, что нужно и ей и ея роднымъ на ея родномъ языкѣ. Однако такихъ примѣровъ мы не знаемъ, ибо приводимые проф. Д. В. Цвѣтаевымъ не убѣдительны и не отвѣчаютъ положенію. Предложеніе Великому Князю Іоанну III вступить въ бракъ съ наслѣдницей византійской императорской фамиліи Палеологовъ—Зоей шло изъ Италіи, отъ епископа Никейскаго Виссаріона. Выразителемъ этого явился, по лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, «грекъ Юрій», очевидно тотъ самый «печатникъ», о которомъ Іоаннъ III упомянулъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи [1]); по другимъ же изысканіямъ, въ особенности Павла Пирлинга, итальянецъ Джанъ Баттиста делла Вольпе, извѣстный по нашимъ лѣтописямъ подъ именемъ Ивана Фрязина [2]). А разъ это предложеніе было въ принципѣ принято Великимъ Княземъ, то кому же другому могъ онъ поручить веденіе дальнѣйшихъ переговоровъ о бракѣ и замѣнить его при обрядѣ обрученія въ Ватиканской базиликѣ, какъ не тому лицу, который велъ всѣ предварительные переговоры, который былъ въ Римѣ, какъ у себя дома, съ которымъ и черезъ котораго говорили всѣ устроители этого брака и который въ совершенствѣ зналъ и итальянскій языкъ и латинскій, а быть можетъ и греческій, и происходилъ изъ хорошей фамиліи [3]). Но ни родственникомъ, ни землякомъ Зои-Софіи Палеологъ делла Вольпе никогда не былъ, ибо Италію нельзя считать родиной царевны, она была лишь случайнымъ убѣжищемъ осиротѣвшей въ 1465 году дочери Ѳомы Палеолога, а Вольпе по происхожденію своему былъ германецъ [4]). Что же касается до другого указанія проф. Цвѣтаева—на Горсея, то если вопросъ о бракѣ царя Іоанна IV Грознаго съ принцессой Маріей Гастингсъ и былъ поставленъ болѣе или менѣе серьезно, то развѣ только со стороны царя Московскаго. Въ Англіи о немъ думали совершенно иначе и Горсей являлся лишь дипломатическимъ посредникомъ между Іоанномъ IV и королевой Елизаветой, въ силу чисто политическихъ соображеній не желавшей сразу отвергнуть предложеніе Іоанна и тѣмъ быть можетъ лишить Англію выгодной торговли съ Москвой. Переговоры не

---

[1]) С. Г. Г. и Д. т. I № 144, «да у моего печатника у Юрья у Дмитріева сына у Грека».

[2]) Павелъ Пирлингъ. Россія и Востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. Іоаннъ III и Софія Палеологъ. С.-ПБ. 1892.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem. Приложенія, 210. «A Vulpe familiam antiquissimam esse comperio, quam ex germanicis partibus ad nos venisse rerum venetinarum scriptores testantur». Коммун. библ. Венеціи. Pagliarini, ms. стр. 114.

ПОСОЛЬСТВО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МОСКОВСКАГО СИМЕОНА ИВАНОВИЧА ВЪ ТВЕРИ У ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА. 1347 ГОДЪ.

Лѣто ҂ѕтне ҂атмз. Говорѣ лѣта Князь Великій Семенъ Ивановичь внукъ
Даниловъ, женился в третіи, зялъ за себе Княжну Марью
Дщерь Великаго Князя Александра Михайловича Тверскаго,
а вдалъ по нее во Тверь Андрей Ковылъ, да Мелетій Бобровъ.

окончились ничѣмъ, и Марія Гастингсъ никогда не была невѣстой Іоанна. Такимъ образомъ, тутъ и рѣчи быть не могло о «посылкѣ за царской невѣстой». Кромѣ того, Горсей былъ англійскій посолъ и представитель Елизаветы въ Москвѣ, и странно было бы начинать и вести хотя бы и безплодные переговоры о бракѣ царя съ принцессой—съ англійскимъ дворомъ, помимо него.

Если бы проф. Цвѣтаевъ привелъ хотя бы одинъ дѣйствительный примѣръ практики въ древней Руси посылки за великокняжескими или царскими невѣстами, чужеземными или выбиравшимися изъ сосѣднихъ княжествъ, ихъ «земляковъ или лицъ близкихъ къ нимъ», тогда можно было бы еще какъ-нибудь допустить на этомъ основаніи и то только одну лишь мысль о землячествѣ Андрея Ивановича съ княжной Маріей Александровной Тверской. Но онъ не указываетъ ни одного такого несомнѣннаго факта или случая. И не могъ бы указать, ибо такой практики никогда не было на Руси.

Такимъ образомъ указаніе на посылку Андрея Ивановича за Тверской княжной—невѣстой Великаго князя, какъ на доказательство его тверского происхожденія и не доказательно, и не убѣдительно, и исторически не подтверждается ничѣмъ.

Второе соображеніе проф. Цвѣтаева въ пользу тверского происхожденія Андрея Ивановича, какъ выше было уже отмѣчено, то же, что и у А. П. Барсукова, т.-е. основывается оно на нѣсколькихъ названіяхъ населенныхъ пунктовъ Тверской губерніи, напоминающихъ прозвища Андрея Ивановича и его потомковъ. Какъ видно будетъ ниже, онъ то, что А. П. Барсуковъ высказалъ лишь въ видѣ вопроса, считаетъ положительнымъ и вполнѣ опредѣленнымъ и достаточнымъ для того, чтобы считать эти соображенія несомнѣнно подтверждающими выѣздъ Андрея Ивановича Кобылы изъ Тверского Великаго Княжества. Однако, и эти предположенія приходится отклонить за весьма слабой ихъ доказательностью.

«На мысль о близкомъ отношеніи къ Твери, пишетъ онъ [1]), и о тверскомъ происхожденіи этого рода (т.-е. предковъ Романовыхъ) наводитъ еще тотъ фактъ, что старинныя владѣнія одной изъ самыхъ видныхъ, происшедшей также отъ Андрея Ивановича Кобылы, фамиліи Шереметевыхъ, находились именно въ Тверскомъ краѣ. Переѣздъ на службу къ другому князю тогда еще не влекъ, какъ впослѣдствіи, утраты имѣній въ прежнемъ княжествѣ: считали его явленіемъ законнымъ; великіе и удѣльные князья еще держались прежняго правила «а боярамъ и слугамъ межи насъ (князей) вольнымъ воля», и они обязывались «не держать нелюбья» на отъѣзжающихъ бояръ; такіе же договоры заключались и между московскими и тверскими князьями. Выѣхавшій въ Московское княжество оставался землевладѣльцемъ и въ Тверскомъ». Къ этому проф. Цвѣтаевъ дѣлаетъ ссылку на договорную грамоту Великаго князя Димитрія Іоанновича и брата его князя Володимера Андреевича съ Великимъ княземъ Тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ 1368 года. Далѣе онъ говоритъ такъ: «Надо отмѣтить также безспорное преобладаніе по числу мѣстностей съ названіемъ Кобылино въ нынѣшней Тверской губерніи по сравненію съ Московской [2]). Невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе также то, что въ одной только изъ находившихся тамъ вотчинъ Романовыхъ, Хабоцкомъ, были въ старину у пусто-

---

[1]) Op. cit., стр. 39—40.

[2]) Мѣстъ въ Тверской губерніи насчитывается съ названіемъ Кобылино до 13, въ Московской—3, съ названіемъ Кошкино въ Тверской—4, въ Московской ихъ совсѣмъ нѣтъ. А. Барсуковъ I, 85. Съ названіемъ Кобылино извѣстно намъ въ Тверской губ. 10 селеній: 1 село (Кашинскаго уѣзда) и 9 деревень (по уѣздамъ: Кашинскаго—3, при чемъ одна Большое Кобылино, другая Малое Кобылино, по одной и въ Тверскомъ, Калязинскомъ, Корчевскомъ, Зубцовскомъ, Бѣжецкомъ и Весьегонскомъ). Сюда не входятъ названія разныхъ урочищъ: пустошей и т. п.

Прим. проф. Д. В. Цвѣтаева.

1500 г., Кошка, сынъ боярскій, с. Ивашка Сѣкирина, 1500 г. Андрей Кошка, дворянинъ 1569 г.» [1]).

Всѣ эти соображенія заставляютъ совершенно отказаться отъ принятія мнѣній А. П. Барсукова и проф. Д. В. Цвѣтаева о тверскомъ выѣздѣ боярина Андрея Ивановича Кобылы.

Въ пользу Новгородскаго происхожденія родоначальника Романовыхъ высказался яснѣе и опредѣленнѣе всѣхъ извѣстный въ свое время генеалогъ П. Н. Петровъ, въ своей «Исторіи Родовъ Русскаго Дворянства», въ статьѣ «Юрьевы-Романовы». Всегда очень рѣшительный и настойчивый въ своихъ мнѣніяхъ, далеко не всегда подтверждаемыхъ не только убѣдительными данными, но даже и простыми фактами или ссылками на документальныя данныя, онъ, не менѣе проф. Д. В. Цвѣтаева, является рѣзкимъ противникомъ мысли о выѣздѣ Андрея Ивановича «изъ Прусъ» и слѣдующимъ путемъ приходитъ къ новгородскому его происхожденію.

«... сводя эти два термина («изъ Прусъ» и «изъ Нѣмецъ»), говоритъ онъ [2]), въ одно цѣлое и находя въ лѣтописяхъ тождественность (?) именъ мнимыхъ выходцевъ изъ Пруссіи или Нѣмецкой земли съ новгородскими дѣятелями, въ пользу которыхъ или противъ которыхъ устраивались (?) побоища и схватки Торговой стороны съ Софійскою, невольно Прусовъ усматриваемъ въ загородномъ концѣ Новгорода, на Прусской улицѣ. Изъ нея шла и дорога во Псковъ, такъ называемый Прусскій путь. И жители этой улицы, во всѣ (?) времена новгородской народной державы поддерживавшіе оппозицію (?) на вѣчахъ противъ стремленій аристократической консервативной партіи, безпрестанно называются Прусами. Къ чему же искать намъ чужихъ Прусовъ за время ненахожденія ихъ въ другомъ мѣстѣ, когда тѣ же самыя имена своихъ русскихъ людей въ преемственности колѣнъ являются въ родословіяхъ московскихъ фамилій, пользовавшихся въ царской столицѣ первостепеннымъ вліяніемъ до второй половины XVI в. Представители (?) родовъ этихъ «выѣзжихъ изъ Прусъ»—люди талантливые, энергичные и полные предпріимчивости и отваги, безплодно потративъ (?) свои труды въ подвигахъ, завоевывая Новгороду Сѣверъ, напрасно ожидали (?) отъ захватившихъ власть въ немъ соперниковъ признанія правъ на соучастіе въ правленіи. Борьба съ противниками довела ихъ до изгнанія только; и тогда-то, обратя взоры на Москву, они подняли (?) ее изъ удѣльнаго княжества до престольнаго великаго княженія... едва ли не большинство Новгородцевъ съ начала XIV вѣка находило пріютъ и поле дѣятельности въ Москвѣ»... Затѣмъ, далѣе, отъ общихъ разсужденій онъ переходитъ къ частнымъ и убѣжденно ведетъ родъ Андрея Ивановича отъ знаменитаго боярина XIII—XIV вѣка «Іакинѳа Великаго, убитаго въ 1304 году, слѣдующемъ за смертью сына Невскаго, Св. Даніила Московскаго»... «Если же мы знаемъ,—говоритъ онъ,—что Іакинѳъ Великій былъ современникомъ Даніила Александровича, то и сыновья его, Иванъ и Ѳедоръ, были современники Калиты, а ближнимъ бояриномъ сына Калиты, Симеона Гордаго, является Андрей Ивановичъ Кобыла, когда сынъ Андрей былъ и у Ивана Іакинѳовича и когда, какъ мы указывали, въ родословіяхъ болѣе древнихъ, даже XVI вѣка, отецъ Андрея Ивановича Кобылы не означенъ». Послѣднее обстоятельство онъ объясняетъ «сбитіемъ порядка основного родословія» «списками», неправильностью показаній «бездѣтный», и тому подобными большей частью голословными утвержденіями. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ проф. П. Г. Васенко, «....родословныя потомковъ Іакинѳа, извѣст-

---

[1]) Тупиковъ, Н. М. Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. «Записки Отд. Русск. и Слав. Археологіи Имп. Русск. Археолог. Общ.» Т. VI. СПБ. 1908., стр. 240.

[2]) «Исторія Родовъ Русскаго Дворянства». СПБ. 1886, т. I.

ныхъ московскихъ бояръ Челядниныхъ и Бутурлиныхъ, молчатъ о такомъ родствѣ, и мы ничѣмъ не можемъ провѣрить предположенiй П. Н. Петрова, высказанныхъ имъ очень рѣзко и утвердительно» [1]). Къ этому надо прибавить, что ни одно родословiе фамилiй, ведущихъ свой родъ отъ Андрея Ивановича Кобылы, а ихъ очень много (28), ни словомъ не упоминаетъ о какомъ-либо отцѣ Андрея Ивановича, а не только объ Iакинѳѣ Великомъ, чего не отрицаетъ и самъ Петровъ. А между тѣмъ если бы родословiе, составленное Петровымъ:

Ратша-Стефанъ, упом. 1146 г.

|

Якунъ-Михаилъ, посадникъ Новгородскiй, умершiй въ монашествѣ съ именемъ Митрофана, 1206 г.

|

Алекса-Гориславъ, въ монашествѣ Варлаамъ, преп. Хутынскiй, 1215 или 1243 г. [2]).

|

Гаврiилъ, герой Невской битвы, 1240—1241 г., убитъ не старымъ.

|

Iакинѳъ Великiй, 1304 г.

|

Иванъ.

|

Андрей

(т.-е., по Петрову, Андрей Ивановичъ Кобыла),

имѣло хоть какiя-нибудь основанiя, то было бы болѣе чѣмъ странно умолчанiе у потомковъ Андрея Ивановича о такомъ предкѣ, какъ Варлаамъ Хутынскiй. Слишкомъ большимъ почетомъ и уваженiемъ пользовался онъ при жизни и чтилась и чтится его память до сихъ поръ, чтобы его забыли совершенно его собственные потомки.

Утвержденiе, что терминъ «выѣзжiй изъ Прусъ» въ родословной не только Романовыхъ, но и другихъ родовъ произошелъ отъ названiя «Прусской», одной изъ улицъ древняго Новгорода, нельзя не назвать по меньшей мѣрѣ страннымъ. Само названiе этой улицы уже указываетъ, отъ кого она получила его—отъ прусскихъ купцовъ. Своеобразное дѣленiе Новгорода на «концы» и участiе въ его управленiи на вѣчѣ «уличанъ» ясно указываетъ, какое значенiе придавали Новгородцы своему разселенiю по частямъ города. Допустить поселенiе на «Прусской улицѣ» съ иноземцами своихъ исконныхъ Новгородцевъ, каковыми П. Н. Петровъ считаетъ предковъ Андрея Ивановича, было бы для древняго Новгорода явленiемъ необычайнымъ, чуть ли не измѣной не только своей улицѣ, своему «концу», но и всему городу,—вѣдь не сразу же эти предки Романовыхъ такъ и осѣли на Прусской улицѣ, если они были исконными Новгородцами,—а также и своей торговлѣ, если только они опять-таки не шли отъ «выѣзжихъ изъ Прусъ» купцовъ. Но если даже и случился такой казусъ и Iакинѳъ Великiй, или его сынъ Иванъ, или внукъ Андрей дѣй-

---

[1]) П. Г. Васенко. «Бояре Романовы и воцаренiе Михаила Ѳеодоровича». Изданiе Комитета для устройства празднованiя трехсотлѣтiя Царствованiя Дома Романовыхъ. СПБ. 1913. стр. 11.

[2]) П. Строевъ въ своихъ «Спискахъ iерарховъ и настоятелей монастырей Россiйской Церкви», СПБ. 1877 г. ст. 49, считаетъ его кончину въ 1195 г., а Е. Голубинскiй, «Исторiя Русской Церкви», т. I., стр. 596—послѣ 1207 г.

ствительно жили бы въ Новгородѣ на этой улицѣ и Андрей Ивановичъ выѣхалъ бы прямо съ нея въ Москву, то какой смыслъ, какое значеніе имѣлъ бы этотъ фактъ въ связи съ названіемъ улицы и для него самого, и для Москвичей, его современниковъ, и для потомства? Неужели же онъ былъ такъ важенъ, что память о немъ сохранилась на цѣлыя столѣтія, а память о Св. Варлаамѣ Хутынскомъ, да и объ Іакинѳѣ Великомъ, помогавшемъ Москвѣ противъ Твери, исчезла безслѣдно? Вещь совершенно немыслимая, и потому нельзя согласиться и съ уважаемымъ П. Г. Васенко, что «мы скорѣе допустили бы, что нѣкоторое смутное семейное преданіе о Прусской улицѣ, какъ мѣстожительствѣ Андрея Кобылы, могло бы еще болѣе натолкнуть его отдаленныхъ потомковъ XVI вѣка на мысль о Прусской землѣ, какъ его прежнемъ отечествѣ». Правда, П. Г. Васенко, какъ выше уже было отмѣчено, не допускаетъ правильность утвержденія П. Н. Петрова о родствѣ Андрея Ивановича съ Іакинѳомъ Великимъ и касается лишь теоріи его о Прусской улицѣ, но все же трудно и даже невозможно допустить какъ такое превращеніе — жительство на Прусской улицѣ въ Новгородѣ въ выѣздъ «изъ Прусъ», такъ и сохраненіе такого ничего не говорящаго факта въ семейныхъ преданіяхъ на два съ половиной столѣтія. Еще возможно было бы допустить для Новгородскихъ родовъ прозвища, происходящія отъ того «конца» или «улицы», въ которой жилъ родоначальникъ какой-нибудь фамиліи, и превращеніе этихъ прозвищъ въ родовое при переселеніи ихъ изъ Новгорода въ какую-нибудь другую область, но примѣненіе такого названія къ термину «выѣзда» изъ чужихъ земель—немыслимо, развѣ только для иноземцевъ. «Прусскій путь», указываемый П. Н. Петровымъ и ведущій, по его же утвержденію, въ Псковъ, повидимому не существовалъ совсѣмъ. Извѣстны три торговые пути изъ Новгорода—Вотскій, шедшій въ Ревель, Лужскій—на Нарву и Псковскій,—соединявшій Новгородъ съ Данцигомъ черезъ Псковъ, Ригу, Полангенъ и Мемель [1]). Въ 1301 г. Новгородцы писали Любчанамъ, Готландцамъ и Рижанамъ, что они дали имъ: «три пути горніи по своей волости, а четвертый въ рѣчкахъ ѣхати безъ пакости». «Прусскій» же путь историкамъ Новгорода совершенно не извѣстенъ [2]).

Наконецъ, слова Петрова, что «...жители этой (Прусской) улицы, во всѣ времена Новгородской державы поддерживавшіе оппозицію на вѣчахъ противъ стремленій аристократической консервативной партіи, безпрестанно называются «Прусами», — совершенно не соотвѣтствуютъ исторіи. Изъ всѣхъ указаній, лѣтописныхъ и иныхъ, на Прусовъ и Прусскую улицу въ Новгородѣ, и на народныя волненія тамъ, только два раза всего встрѣчается отмѣтка объ участіи Прусовъ Новгородскихъ въ мѣстныхъ распряхъ. Это— подъ 6726—1218 и 6728—1220 годами, въ разсказѣ о столкновеніи посадника Твердислава съ горожанами, при чемъ Прусы держали его сторону [3]). Затѣмъ о Прусской улицѣ, какъ участницѣ въ мѣстныхъ событіяхъ, говорится еще подъ 6798—1290 годомъ, когда, по случаю убійства Самойла Ратшанича, Новгородцы, прямо съ вѣча, отъ Св. Софіи и Св. Николы, въ доспѣхахъ, направились въ Прусскую улицу, взяли ее и сожгли, при чемъ сгорѣла бывшая тамъ церковь во имя Пресв. Богородицы [4]). Иначе говоря, Прусы упоминаются въ Новгородѣ пока существовала еще Прусская область, т.-е. до конца XIII ст. Послѣ завоеванія ея Тевтонскимъ Орденомъ они исчезаютъ изъ исторіи Новгорода,

---

[1]) Никитскій. «Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода». М. 1893.

[2]) Нѣтъ его и у Д. Прозоровскаго. «Новгородъ и Псковъ по лѣтописямъ». СПБ. 1887.

[3]) «Новгород. лѣт. по синод. харат. списку». Изд. Арх. Ком. СПБ. 1888 г., стр. 208 и 212.

[4]) Ibid., стр. 301—302. Да еще въ 1350 г., при изгнаніи посадника Ѳедора, Прусская улица была разграблена Новгородцами.

оставивъ по себѣ память лишь въ видѣ названія Прусской улицы. Всѣ же остальныя упоминанія объ этой улицѣ, относящіяся ко времени отъ второй четверти XIV вѣка и позднѣе, говорятъ только о построеніи на ней церквей (значитъ Прусовъ тамъ уже почти не было) или о бывшихъ тамъ пожарахъ.

Въ увлеченіи своей теоріей о новгородскомъ происхожденіи Андрея Кобылы, Петровъ совершенно упустилъ изъ виду время появленія въ Новгородѣ Прусовъ и возникновенія тамъ Прусской улицы. Первое упоминаніе о Прусахъ въ Новгородѣ и притомъ, что очень важно, наравнѣ съ Готами и Нѣмцами, слѣдовательно, какъ объ отдѣльной самостоятельной народности, встрѣчается въ XI вѣкѣ въ «Уставѣ о мостовыхъ», приписываемомъ Ярославу [1]), въ такой формѣ: «Осменьникѣ поплата въ Людинъ конецъ, черезъ гроблю, отъ Добрынины улицы въ Городняя ворота, до Пискупли улицы, а отъ Пискупля улицы съ Прусы до Бориса и Глѣба». Слѣдовательно, въ первой половинѣ XI вѣка [2]) Прусы уже осѣли въ Новгородѣ, хотя, повидимому, не имѣли еще своей «улицы», своей «черты осѣдлости» и, можно думать, жили на «Торговищи», т.-е. на Торговой площади, вѣроятно, въ какомъ-нибудь пунктѣ, спеціально предназначенномъ для иностранныхъ купцовъ вообще. Такъ, по крайней мѣрѣ, вытекаетъ изъ отмѣтки лѣтописи [3]): «въ 6664 (1156) году поставиша заморстьи церковь Св. Пятницѣ на Торговищи». Но уже 20 лѣтъ спустя, въ 1185 г. «заложена бысть каменная церковь Св. Вознесенія на Прусской улицѣ» [4]) и съ тѣхъ поръ эта улица постоянно упоминается въ Новгородскихъ лѣтописяхъ вплоть до XVII вѣка.

Что можно вывести изъ этихъ лѣтописныхъ указаній? Несомѣнно то, что Прусская улица создалась благодаря увеличенію количества купцовъ—Прусовъ въ Новгородѣ, что они перешли туда съ Торговища. Къ XIII вѣку они уже сжились съ Новгородомъ, и ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что часть ихъ перешла и переходила въ православіе, почему тамъ явились и православныя церкви и продолжали жить все тамъ же, на своихъ дворахъ. Возможно, что обновгородившіеся Прусы не только перемѣнили свои имена, но и прозвища, и стали въ дальнѣйшемъ казаться Новгородцами, но все же коренъ ихъ былъ Прусскій и исконными Новгородцами назвать ихъ было нельзя. Если взглянуть на теорію Петрова о происхожденіи Андрея Кобылы съ такой точки зрѣнія, то его можно было бы признать лишь обновгородившимся Прусомъ, не болѣе, и этимъ объяснить его жительство на Прусской улицѣ, если бы оно когда-либо было хотя кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь доказано. Но выводить происхожденіе термина «выѣзжій изъ Прусъ» только изъ жительства на Прусской улицѣ и считать Андрея Ивановича исконнымъ Новгородцемъ нѣтъ буквально никакихъ данныхъ.

Какъ-будто въ пользу новгородскаго или скорѣе новгородско-псковскаго происхожденія прародителя Романовыхъ высказывается Н. Н. Селифонтовъ въ своемъ изданіи матеріаловъ И. П. Сахарова для родословной рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ [5]). Въ примѣчаніи къ № 1 «Поколѣнной росписи», упоминая о предположеніи Г. В. Мещеринова, что отецъ Андрея Ивановича Кобылы вышелъ «изъ Литвы» или «изъ Прусъ», понимая, пожалуй, подъ послѣднимъ выраженіемъ новгородское происхожденіе въ виду того обстоятельства, что родъ владѣлъ обширными землями въ принадлежавшей Новгороду территоріи, Н. Н. Селифонтовъ говоритъ: «Вопросъ этотъ требуетъ, по нашему мнѣнію, болѣе подробнаго изученія и, между

---

[1]) «Собраніе памятниковъ» Устина и Лазаревскаго, стр. 37—38.
[2]) Ярославъ I княжилъ въ Новгородѣ съ 1014 по 1016 годъ.
[3]) П. С. Р. Л. III, 12.
[4]) Д. Прозоровскій. «Новгородъ и Псковъ». СПБ. 1887, стр. 61.
[5]) Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ Царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Ч. II. Родословная рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ по матеріаламъ И. П. Сахарова. СПБ. 1898.

прочимъ, съ принятіемъ во вниманіе названій разныхъ урочищъ и населенныхъ мѣстъ въ древнихъ Литвѣ и земляхъ Великаго Новгорода и Пскова. Укажемъ здѣсь, для примѣра, что изъ духовнаго завѣщанія Царя Іоанна Васильевича Грознаго 1572 года и Географическаго словаря Щекатова несомнѣнно видно, что около Чудскаго озера и г. Пскова было два городка: Кобылинъ и Кошкинъ».

Въ этомъ замѣчаніи опять все тѣ же точки отправленія—названія населенныхъ мѣстностей XVI вѣка, но уже въ Псковской области. Итакъ получается картина, что прозвища Андрея Ивановича, уже московскаго дѣятеля, и его пятаго сына Ѳедора Андреевича Кошки, прирожденнаго Москвича и дѣятеля конца XIV вѣка, и притомъ только ихъ двухъ, почему-то упорно даютъ два столѣтія спустя наименованія населеннымъ мѣстамъ и въ Тверской области, и въ Новгородской и, наконецъ, Псковской, только не въ Московской, какъ будто всѣ эти области были полны всѣ вотчинами Андрея Ивановича и Ѳедора, уже истинныхъ Москвичей. Опять приходится указать на недостаточность устоевъ такихъ теорій, не повторяя болѣе основаній этого вывода, уже приведенныхъ выше, но лишь дополнивъ ихъ слѣдующими соображеніями.

Какъ раньше было отмѣчено, всѣ указанія на владѣнія Романовыхъ, въ томъ числѣ и на такія, которыя носятъ названія, близко напоминающія прозвища и самого Андрея Ивановича и его потомковъ, не восходятъ ранѣе XV вѣка, точнѣе его второй половины, и принадлежатъ въ громадномъ большинствѣ къ древнимъ областямъ Новгорода и Пскова. Но извѣстно, что какъ разъ вторая половина XV вѣка была роковой для Новгорода, когда по Яжелбицкимъ договорамъ 1456 и 1471 годовъ онъ почти совершенно подпалъ не только подъ вліяніе, но и подъ власть Москвы. Извѣстно, что въ періодъ времени между 1483 и 1504 годами Іоаннъ III перевелъ массу Москвичей въ Новгородскія области, отошедшія къ нему. Грозный заключилъ начатое его дѣдомъ и, окончательно разгромивъ Новгородъ, увелъ оттуда еще большее количество Новгородцевъ, раздавъ ихъ вотчины Москвичамъ. Приблизительно то же было и съ Псковомъ, съ 1510 года перешедшимъ во власть Москвы. Въ эти эпохи роды, происходящіе отъ Андрея Кобылы, въ частности Кошкины, Захарьины, Лятскіе, Юрьевы, Романовы, Шереметевы и др., были уже близки къ Московскому двору, занимали мѣста воеводъ, окольничихъ и т. п., были боярами, а нѣкоторые представители ихъ и намѣстниками въ Новгородѣ, какъ, напримѣръ, братья Яковъ и Юрій Захарьевичи Лятскіе, бывшіе тамъ въ этой должности съ 1485—1489 гг. Ничего нѣтъ удивительнаго, если они также получили свою долю при замѣнѣ Новгородцевъ Москвичами или въ видѣ жалованья или путемъ купли. Получали они эти исконныя Новгородскія вотчины въ готовомъ видѣ, устроенныя, съ ихъ названіями и съ разными, приписанными къ нимъ, деревнями и пустошами, какъ тѣ же Тургиново и Хабоцкое. Всѣ эти новыя владѣнія, оставаясь за новыми владѣльцами, сохраняли свои наименованія и въ дальнѣйшихъ переписныхъ и иныхъ подобныхъ книгахъ, числились за тѣми же, напримѣръ, Романовыми или ихъ родственными фамиліями [1]).

Затѣмъ, къ этимъ же XV и XVI столѣтіямъ относятся сохранившіяся указанія на родство Московскихъ родовъ съ Новгородскими, что такъ обстоятельно и интересно отмѣчено Н. В. Мятлевымъ въ его уже упомянутой выше статьѣ «Родство Московскихъ Родовъ съ Новгородскими [2])», а также и Н. П. Лихачевымъ [3]). Въ этихъ трудахъ мы видимъ, между прочимъ,

---

[1]) Правда, еще Василій Дмитріевичъ взялъ у Новгородцевъ Бѣжецкій Верхъ, Волокъ Ламскій, Вологду, Торжокъ, но первый изъ нихъ—Бѣжецкій Верхъ вернулъ очень скоро обратно.

[2]) Изв. Русск. Генеалог. О-ва. Вып. 2.

[3]) Ibidem. Вып. I, Н. П. Лихачевъ. «О родствѣ Колычевыхъ съ Новгородцами».

какъ разъ потомковъ Андрея Кобылы роднящихся съ Новгородцами—Колычевыхъ и Лятскихъ и эти указанія датируются какъ разъ 1471—1477 годами, 1491 г., 1583 и др. Даты эти, совпадающія со временемъ послѣ Яжелбицкихъ договоровъ, едва ли могутъ быть названы случайными. Въ этихъ указаніяхъ отмѣчаются «приданныя вотчины», что брались Москвичами за женами въ Новгородскихъ областяхъ. Такимъ образомъ получается еще другой и весьма важный источникъ полученія родомъ Андрея Кобылы земельныхъ владѣній въ Новгородской землѣ.

Принимая во вниманіе эти два обстоятельства, можно будетъ съ увѣренностью сказать, что именно ими и объясняется хотя бы, напримѣръ, тотъ фактъ, что въ описи селъ Тургиново и Хабоцкое только одна деревенька—Юрьицово—носитъ имя ея владѣльца, а названія Кобылино и Кошкино пріурочены къ двумъ пустошамъ, т.-е. даже незаселеннымъ мѣстамъ. Остальныя же названія не имѣютъ ничего общаго ни съ именами ни съ прозвищами рода Андрея Ивановича.

Если бы нашелся какой-нибудь документъ, который съ непреложной очевидностью указывалъ бы на какое-нибудь владѣніе Андрея Кобылы или одного изъ его сыновей въ Новгородской области, еще можно было бы какъ-нибудь базироваться на этомъ въ пользу его новгородскаго происхожденія, но на это нѣтъ никакихъ даже намековъ ни въ лѣтописяхъ ни въ другихъ памятникахъ и поэтому всѣ подходящія по своимъ названіямъ къ прозвищамъ Андрея Кобылы и его сыновей земельныя владѣнія рода Кобылы въ XV—XVI вѣкахъ надо отнести за счетъ исконныхъ Новгородцевъ, такъ или иначе лишившихся этихъ владѣній послѣ Яжелбицкихъ договоровъ, каковыя, быть можетъ, частью переименовывались новыми владѣльцами.

Въ заключеніе остается только повторить слова П. Г. Васенко: «Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, новгородское происхожденіе Андрея Ивановича Кобылы доказать сколько-нибудь твердо нельзя. Это осталось до сихъ поръ въ области предположеній [1]).

Правда, въ другомъ изданіи, посвященномъ также исторіи Романовыхъ и въ которомъ онъ участвовалъ совмѣстно съ проф. С. Ѳ. Платоновымъ и Е. Ф. Тураевой-Церетелли,—«Начало династіи Романовыхъ», П. Г. Васенко какъ-будто высказывается въ пользу Новгородской теоріи. «Притомъ, пишетъ онъ [2]), не лишено нѣкотораго вѣроятія и то предположеніе, что предки Романовыхъ происходили изъ Новгорода и подъ «Прусами» разумѣли или сохранили смутное воспоминаніе о Прусской улицѣ этого города». Но это замѣчаніе, несомнѣнно, навѣянное трудомъ Петрова, было высказано въ популярномъ изданіи, появившемся въ свѣтъ еще за годъ до юбилейнаго 1913 года и раньше, чѣмъ авторомъ былъ окончательно разработанъ тотъ же вопросъ въ вышеупомянутомъ капитальномъ трудѣ его. Очевидно, вникнувъ глубже въ теорію о Прусской улицѣ, онъ самъ увидалъ всю несостоятельность такой теоріи и отказался отъ нея.

Таковы мнѣнія о чисто новгородскомъ родѣ Андрея Кобылы. Слѣдующія за ними какъ-будто считаютъ Новгородъ лишь второй родиной его, но не первой, какъ бы промежуточной станціей между выѣздомъ изъ иноземныхъ странъ, въ частности «изъ Прусъ» и Москвой и въ доказательствахъ пребыванія Андрея Ивановича въ Новгородѣ стремятся найти собственно доказательства этого выѣзда, но не чисто новгородскаго его происхожденія.

Изъ статей въ этомъ направленіи, какъ очень остроумная и въ то же время осторожная, наиболѣе интересна уже упомянутая выше статья

---

[1]) «Бояре Романовы», стр. 11.

[2]) П. Г. Васенко, проф. С. Ѳ. Платоновъ, Е. Ф. Тураева-Церетелли. «Начало династіи Романовыхъ». Историческіе очерки. СПБ. 1912, ч. I. стр. 8.

Г. С. Ш. о князѣ Аѳанасіи Даниловичѣ. Пользуясь рядомъ документовъ XIII и XIV вѣковъ, тщательно анализируя ихъ, авторъ дѣлаетъ изъ нихъ подходящія подъ вопросъ выборки и ставитъ ихъ рядомъ, избѣгая, однако, со свойственной ему осторожностью, дѣлать какіе-либо опредѣленные выводы, считая это преждевременнымъ и предоставляя развивать эти намеки въ дальнѣйшемъ другимъ изслѣдователямъ. Подведеніе итоговъ этихъ намековъ приводитъ къ слѣдующему. Въ XIII вѣкѣ жилъ въ Новгородѣ знатный мужъ, нѣкій Иванъ или Ивонъ, однако не изъ коренныхъ Новгородцевъ, а, повидимому, выходецъ изъ той же Пруссіи. По мнѣнію автора, этому «Иванкѣ» Новгородцы отдали въ 1265 году цѣлый рядъ волостей—Торжокъ, Бѣжецкъ, Городецъ, Палицъ, Волокъ и другія. У этого-то Ивана и были тѣ дѣти, о которыхъ уже упоминалось выше, т.-е. Андрей Кобыла и дочь Анна, жена князя Аѳанасія Даниловича. Однако П. Г. Васенко указалъ на то, что не все въ этой статьѣ можно считать совсѣмъ обоснованнымъ и кое-что остается недоказаннымъ. Въ примѣчаніи 40, въ первой главѣ своего уже цитированнаго труда «Бояре Романовы», онъ такъ говоритъ по этому вопросу «...неясно, почему «Иванка» новгородскихъ грамотъ называется авторомъ также «Ивоней». Затѣмъ въ вопросѣ о владѣніяхъ, данныхъ «Иванкѣ», мы рѣшительно не можемъ согласиться съ уважаемымъ Г. С. Ш. Дѣло въ томъ, что въ грамотахъ... на которыя ссылается Г. С. Ш. и которыя говорятъ объ одномъ и томъ же пожалованіи «Иванкови» земли Новгородской, такъ какъ обѣ написаны въ одно время, читается объ этомъ фактѣ слѣдующимъ образомъ. Въ первой грамотѣ стоитъ[1]: «А се княже, волости Новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми, Тьржькъ, Бежиць, городьцъ Палиць, а то есме дали Иванкови; потомъ Мелѣча...» Если изъ приведеннаго мѣста можно было бы заключить, что Иванка получилъ Волокъ, Торжокъ и т. д., то вторая грамота разъясняетъ въ чемъ дѣло. Тамъ находимъ: «А се волости Новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми. А держати ти свой тивунъ на половинѣ, а Новгородецъ на половинѣ въ всей волости Волоцькой, а в Торжку, княже, держати тивунъ на своей части, а Новгородецъ на своей части. А Городецъ (здѣсь пропущено Палиць) княже, далъ Дмитрии съ Новгородци Иванкоу; а того, ти, княже, не отьяти...» Ясно, что Иванкѣ данъ былъ одинъ «Городецъ Палиць» притомъ не въ потомственное владѣніе (см. (ibid., т.-е. Гос. Гр. и Дог., стр. 3) [2]); въ грамотѣ, написанной въ 1270 году о дареніи Иванку уже не упоминается» [3]).

Съ этими замѣчаніями П. Г. Васенко нельзя не согласиться, но, къ сожалѣнію, они касаются уже подробностей, не главнаго вопроса, насколько можно считать возможнымъ этого «Иванка»—«Ивоню» отцомъ Андрея Ивановича Кобылы? Отсутствіе въ древнихъ документахъ болѣе характерныхъ подробностей дѣлаетъ пользованіе ими очень затруднительнымъ. Вѣдь Андреевъ Ивановичей существовало, вѣроятно, немало и въ XIII и въ XIV ст., какъ и вообще одинаковыхъ именъ и отчествъ. Достаточно указать на двухъ бояръ Ѳедоровъ Андреевичей, одного Кошки, другого Свибла, обоихъ служившихъ при дворѣ великаго князя Димитрія Донского и обоихъ подписавшихся на второй духовной князя Димитрія Ивановича Донского, но не отмѣтившихъ своихъ прозвищъ. Предполагаемый зять князя Аѳанасія Даниловича прозвища Кобылы не носилъ, по крайней мѣрѣ яснаго указанія на это нѣтъ въ приводимыхъ данныхъ, такъ что такой выводъ является пока только предположеніемъ, правда очень заманчивымъ, какъ и другое предположеніе, что Анна была сестрой Андрея Кобылы. Однако, думается,

---

[1]) Собр. Государ. Грам. и Догов. I, стр. I. См. факсимиле грамоты стр. 44; текстъ въ приложеніи.
[2]) Факсимиле грамоты стр. 48; текстъ въ приложеніи.
[3]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, стр. 3; факсимиле стр. 52; текстъ въ приложеніи.

ъ Великокняжескимъ
, тѣмъ болѣе что, на-
отмѣчено выше, весь
квѣ, въ Московскомъ
. С. Ш., то, принимая
одних Андрея Ивано-
съ Тверскимъ Велико-
столѣтіи оставалось
о родствѣ съ княземъ
50 лѣтъ. Срокъ этотъ
ольшимъ и сглаживаю-
росписи XVI вѣка если
нныхъ имъ фамилій со-
бы о нихъ и при бракѣ
и избраніи Царя Михаила
и древнихъ документовъ
ныхъ подробностей, эти
ать очень цѣнными и на
й степени, близкими къ
ь направленіи.
сторона статьи Г. С. Ш.—
вно достовѣрные, повиди-
анки» «изъ Прусъ». Въ ле-
ужеземныхъ странъ, какъ
стоятельства. Родоначаль-
рещеніи ему придается имя
тъ послѣдняго Ѳедоръ Ше-
Но объ этомъ въ другомъ

время съ крайне слабыми
ъ пользу выѣзда Андрея Ива-
родъ покойный новгородскій
о музея В. С. Передольскій.
кромѣ извѣстной уже раньше
ествованіе въ Новгородѣ, въ
становить не только мѣсто-
ость их названій отъ про-
дѣ стоялъ будто бы домъ его.
ко отъ Кукуевской башни, онъ
рѣвшихъ мѣстъ, позволительно
дъ отъ Дѣтинца; тамъ, близъ
тывающаго Дѣтинецъ... стояла
азываемаго въ народѣ Спасомъ
аго Образа, говоритъ онъ далѣе,
другомъ мѣстѣ своей книги онъ
пространство было «невдалекѣ
а церковь», и, считая Андрея Ко-
тъ, что «богатому и, вѣроятно,
ться среди своихъ земляковъ, по-
и въ ихъ числѣ Литовскихъ уро-
устроиться на краю ближайшаго

ска для мѣстныхъ изысканій. Новгородъ. 1898 г. В. I.

Г. С. Ш. о князѣ Аѳа
и XIV вѣковъ, тщате
дящія подъ вопросъ вы
ственной ему осторо
считая это преждевр
дальнѣйшемъ другимъ
ковъ приводитъ къ сл
мужъ, нѣкій Иванъ или
видимому, выходецъ из
Новгородцы отдали въ
Городецъ, Палицъ, Воло
которыхъ уже упомина
князя Аѳанасія Данилов
въ этой статьѣ можно с
недоказанным. Въ прим
наго труда «Бояре Рома
ясно, почему «Иванка» но
«Ивоней». Затѣмъ въ во
тельно не можемъ согласи
въ грамотахъ... на которь
одномъ и томъ же пожало
обѣ написаны въ одно вре
разомъ. Въ первой грамотѣ
Волокъ съ всеми волостьм
дали Иванкови; потомъ Ме
бы заключить, что Иванка
грамота разъясняетъ въ че
родьскые: Волокъ съ всеми
винѣ, а Новгородецъ на поло
княже, держати тивунъ на
А Городецъ (здѣсь пропущен
Иванкоу; а того, ти, княже, н
«Городецъ Палиць» притомъ
Гос. Гр. и Дог., стр. 3) [2]); въ
Иванку уже не упоминается» [3]).

Съ этими замѣчаніями П.
сожалѣнію, они касаются уже
можно считать возможнымъ э
новича Кобылы? Отсутствіе въ
подробностей дѣлаетъ польз
Андреевъ Ивановичей существов
какъ и вообще одинаковыхъ им
двухъ бояръ Ѳедоровъ Андреевич
служившихъ при дворѣ великаго
савшихся на второй духовной кн
отмѣтившихъ своихъ прозвищъ. Г
ловича прозвища Кобылы не нос
это нѣтъ въ приводимыхъ данн
пока только предположеніемъ, пра
предположеніе, что Анна была сес

---

[1]) Собр. Государ. Грам. и Догов. I, стр. I. См. фа
[2]) Факсимиле грамоты стр. 48; текстъ въ прил
[3]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, стр. 3; факсимил

что это преданіе о такомъ родствѣ съ Московскимъ Великокняжескимъ Родомъ не могло бы исчезнуть изъ памяти потомковъ, тѣмъ болѣе что, начиная съ Андрея Ивановича, какъ не разъ уже было отмѣчено выше, весь его родъ, со всѣми вѣтвями, остался навсегда въ Москвѣ, въ Московскомъ Великомъ княженіи. Будь это такъ, какъ намекаетъ Г. С. Ш., то, принимая во вниманіе значеніе и положеніе въ Москвѣ только однихъ Андрея Ивановича и его сына Ѳедора Кошки и родство послѣдняго съ Тверскимъ Великокняжескимъ Домомъ, для памяти потомковъ въ XVI столѣтіи оставалось упомнить или хотя бы только сохранить преданія о родствѣ съ княземъ Аѳанасіемъ Даниловичемъ всего какія-нибудь 100—150 лѣтъ. Срокъ этотъ для памяти родовой того времени нельзя считать большимъ и сглаживающимъ факты такіе крупные, какъ это родство, и росписи XVI вѣка если не Романовыхъ, то хотя бы какихъ-нибудь родственныхъ имъ фамилій сохранили бы непремѣнно эти преданія или вспомнили бы о нихъ и при бракѣ Царя Іоанна Грознаго съ Анастасіей Романовой и при избраніи Царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Тѣмъ не менѣе, при скудости древнихъ документовъ и частомъ умолчаніи, въ существующихъ, различныхъ подробностей, эти предположенія вдумчиваго Г. С. Ш. нельзя не признать очень цѣнными и на самомъ дѣлѣ могущими оказаться, до извѣстной степени, близкими къ истинѣ при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ этомъ направленіи.

Не менѣе интересна и знаменательна и другая сторона статьи Г. С. Ш.— это намеки, къ признанію которыхъ за безусловно достовѣрные, повидимому, склоняется авторъ, на происхожденіе «Иванки» «изъ Прусъ». Въ легендѣ о выѣздѣ прародителя Романовыхъ изъ чужеземныхъ странъ, какъ видно будетъ дальше, фигурируютъ оба эти обстоятельства. Родоначальникъ этотъ выводится «изъ Прусъ» и въ св. крещеніи ему придается имя Іоанна, почему сынъ его Андрей Кобыла и братъ послѣдняго Ѳедоръ Шевляга именуются по отчеству «Ивановичами». Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Гораздо опредѣленнѣе и рѣзче и въ то же время съ крайне слабыми доказательствами и соображеніями высказался въ пользу выѣзда Андрея Ивановича «изъ Прусъ» въ Москву черезъ Новгородъ покойный новгородскій любитель древностей и владѣлецъ извѣстнаго музея В. С. Передольскій. Въ своей книгѣ «Новгородскія древности» [1]) онъ кромѣ извѣстной уже раньше «Кобыльей улицы» [2]) указываетъ еще на существованіе въ Новгородѣ, въ Дѣтинцѣ, «Кобыльяго проѣзда» и пытается установить не только мѣстонахожденіе этихъ двухъ пунктовъ и зависимость ихъ названій отъ прозвища Андрея Ивановича, но даже и мѣсто, гдѣ стоялъ будто бы домъ его. Предполагая, что Кобылья улица была недалеко отъ Кукуевской башни, онъ говоритъ: «Судя по порядку перечисленія погорѣвшихъ мѣстъ, позволительно указать для нея пространство на юго-западъ отъ Дѣтинца; тамъ, близъ Волховскаго берега, около откоса рва, охватывающаго Дѣтинецъ... стояла церковь Нерукотвореннаго Образа, часто называемаго въ народѣ Спасомъ Нерукотвореннымъ. Церковь Нерукотвореннаго Образа, говоритъ онъ далѣе, была недалеко отъ Кукуевской башни». Въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ отмѣчаетъ, что занимаемое этой улицей пространство было «невдалекѣ отъ Дѣтинца, гдѣ башня Кукуй и Образова церковь», и, считая Андрея Кобылу выходцемъ «изъ Прусъ», предполагаетъ, что «богатому и, вѣроятно, родовитому выходцу, пожелавшему поселиться среди своихъ земляковъ, поближе къ дворамъ Прусскихъ и Чудскихъ и въ ихъ числѣ Литовскихъ уроженцевъ, или ихъ потомковъ, пришлось устроиться на краю ближайшаго

---

[1]) В. С. Передольскій. «Новгородскія древности». Записка для мѣстныхъ изысканій. Новгородъ. 1898 г. В. I.
[2]) Д. Прозоровскій. op. cit.

къ землякамъ поселка, небольшимъ гнѣздомъ. Малый ровъ и ровъ около него уже существовалъ въ XIII вѣкѣ. Если пожаръ, вспыхнувшій на Кобыльей улицѣ [1]), началъ свои опустошенія съ Дѣтинца, значитъ эта улица лежала невдалекѣ отъ него... до сноса построекъ здѣсь (на площади между Дѣтинцемъ и землянымъ городомъ, называемой Новинкой) лежала улица Добрынина, предположительно Кобылья».

Далѣе, онъ предполагаетъ, что «Андрей Кобыла устроился на пространствѣ между рвомъ Малаго вала и Ярышкинымъ поселкомъ, въ лѣтописномъ «полѣ», часть котораго и получила названіе Кобыльей улицы». Отъѣздъ же его изъ Новгорода въ Москву В. С. Передольскій, признающій мнѣніе Колычева о происхожденіи Андрея Ивановича изъ рода Видевута, объясняетъ тѣмъ, что онъ оставилъ Новгородъ «должно быть, отъ того, что здѣсь онъ не добился положенія, соотвѣтствующаго своей родовитости, а также и потому, что будто бы его «не пустили для селитьбы въ Загородье».

Взгляды и выводы В. С. Передольскаго, въ общемъ все же подкупающіе своей кажущейся правдоподобностью, послужили основаніемъ для гр. П. Шереметева, который въ интереснѣйшей статьѣ своей «Дворы Грознаго въ Новгородѣ» [2]) сдѣлалъ попытку установить связь между выборомъ Грознымъ Царемъ пунктовъ своихъ остановокъ въ Новгородѣ и происхожденіемъ предка своей первой жены Анастасіи Романовны «изъ Прусъ», черезъ Новгородъ. «Итакъ всѣ мѣста, говоритъ онъ въ концѣ статьи, въ Новгородѣ, гдѣ останавливался во время своихъ пріѣздовъ Царь Иванъ Васильевичъ Грозный: Прусская улица, Буяна и Никитина, суть мѣста, гдѣ селились пріѣзжавшіе въ Новгородъ иноземцы. Оба собственные дворца, выстроенные имъ, находились въ мѣстности, связанной съ иноземными выходцами, и въ этомъ подборѣ мѣстъ, быть можетъ, можно видѣть желаніе подчеркнуть Новгородцамъ, что ему близка память тѣхъ, которые, въ силу недоразумѣній, покинули много лѣтъ передъ тѣмъ Новгородъ и перешли на службу Москвѣ и были предками страстно любимой имъ Анастасіи Романовны. Одинъ дворецъ, на мѣстѣ нѣкогда существовавшей Кобыльей улицы, другой близъ церкви Ѳедора Стратилата, на Ѳедоровскомъ ручьѣ, выстроенный какъ-будто женой Андрея Кобылы и его сыномъ.... Едва ли выборъ этихъ двухъ мѣстъ былъ случаемъ».

Такой выводъ и его доказательства зиждятся у гр. П. Шереметева, главнымъ образомъ, на объясненіяхъ В. С. Передольскаго происхожденія и различнаго назначенія отдѣльныхъ пунктовъ Новгорода, на сопоставленіи нѣкоторыхъ новгородскихъ событій между собою и на убѣжденіи о выѣздѣ предка Андрея Кобылы «изъ Прусъ» и приходитъ онъ къ нему слѣдующимъ путемъ.

Первый пріѣздъ Грознаго въ Новгородъ былъ въ 1546 году и Царь тогда остановился на Прусской улицѣ: «а самъ князь велики стоялъ на Прусской улицѣ, въ Казариновѣ двори Дубровскаго» [3]). Въ этой же мѣстности была, по предположенію Передольскаго, и Кобылья улица. Основываясь на этомъ гр. Шереметевъ замѣчаетъ: «Какъ бы то ни было, но у государя былъ, слѣдовательно, въ той мѣстности свой домъ и домъ этотъ находился въ той именно мѣстности, гдѣ предположительно была Кобылья улица. Гдѣ жилъ въ Новгородѣ Андрей Кобыла не сохранилось точныхъ извѣстій; но само сохранившееся названіе Кобыльей улицы свидѣтельствуетъ, что оно произошло отъ Андрея Кобылы». Такимъ путемъ сближаются авторомъ Прусская и Кобылья улица и Андрей Ивановичъ Кобыла; а отмѣткой, что Казариновъ, въ домѣ котораго остановился Грозный, былъ «долгое время дьякомъ

---

[1]) Въ 1394 году.
[2]) Извѣстія Русск. Генеалогич. О-ва. Вып. 4, стр. 109—119.
[3]) Вторая Новгородская Лѣтопись, 151.

новгородскимъ» и что онъ былъ «у воды» во время бракосочетанія Іоанна съ Анастасіей Романовной, три мѣсяца спустя послѣ этого посѣщенія, именно, въ февралѣ 1547 года, сюда же присоединяется и звено, связующее выборъ мѣста остановки съ памятью объ Андреѣ Ивановичѣ, воскресшей по случаю женитьбы на дѣвушкѣ изъ его рода.

Во второй пріѣздъ въ 1568 году Грозный «стоялъ на Торговой сторонѣ, на Буяновѣ улице». По мнѣнію Передольскаго Буянова улица входила въ составъ поселка Буевища, гдѣ «сѣли» иноземцы, огородивъ свои склады рогатками, откуда будто бы и произошло названіе этой мѣстности «Рогатъ», «Рогатина». Такимъ образомъ и во второй пріѣздъ Грозный выбралъ себѣ мѣстомъ жительства «иноземное» мѣсто.

Наконецъ, въ 1576 году Іоанну построили дворъ на Никитской улицѣ. Эта улица входила въ составъ Плотенскаго конца, куда принадлежала и Буяна улица. И это мѣсто, по мнѣнію Передольскаго, было «иноземное». По поводу этого конца гр. Шереметевъ отмѣчаетъ, что въ 1329 году «загорѣлся дворъ Ондрешковъ въ Плѣтникахъ и погорѣ до Ѳедора святого» и затѣмъ говоритъ: «Плотниковъ же ручей это впослѣдствіи «Ѳедоровскій ручей». Кто же этотъ Андрей и кто упоминаемыя въ актахъ «Андреевы дѣти»? Намекъ на то, что это былъ Андрей Кобыла и его дѣти, находимъ въ изслѣдованіи о князѣ Аѳанасіи Даниловичѣ, братѣ Калиты, высказанный въ рядѣ сопоставленій, равно какъ и то, что жена князя Аѳанасія княгиня Анна была сестра Андрея Кобылы. Не есть ли и далѣе упоминающійся въ лѣтописи Семенъ Андреевичъ строитель съ матерью церкви Ѳедора Стратилата, сынъ Кобылы, Семенъ Андреевичъ Жеребецъ»?

Въ общемъ гр. П. Шереметевъ склоняется къ мнѣнію, что Андрей Ивановичъ былъ потомокъ выѣзжаго «изъ Прусъ», что онъ жилъ въ Новгородѣ, что по его прозвищу названа Кобылья улица и даже что «Ондрешка» 1329 года и былъ онъ самъ, а сынъ его старшій Семенъ Жеребецъ строилъ въ Новгородѣ церковь, и присоединяется къ предположенію Г. С. Ш. о родствѣ Андрея Кобылы съ Московскимъ Дворомъ.

Такъ какъ въ концѣ-концовъ центръ тяжести лежитъ въ «Кобыльей улицѣ», то прежде всего приходится говорить о ней.

Въ лѣтописяхъ Кобылья улица упоминается всего одинъ лишь разъ въ 3-й Новгородской лѣтописи и притомъ въ самомъ концѣ XIV вѣка, подъ 1394 годомъ [1])—«Въ лѣто 6902 бысть въ Великомъ Новгородѣ на Софійской сторонѣ загорѣлся у святого Спаса въ Кобыльи улицы», но въ 1-й Новгородской лѣтописи тотъ же самый пожаръ показанъ на Козьмодемьянской улицѣ и никакого упоминанія о Кобыльей улицѣ вообще въ другихъ лѣтописяхъ и памятникахъ Новгорода не встрѣчается, какъ нѣтъ ея и въ описи Новгорода 1623 года [2]). Такимъ образомъ съ самаго начала является сомнѣніе въ томъ, была ли на самомъ дѣлѣ въ Новгородѣ такая улица вообще, какъ и Кобылій проѣздъ, указанный Передольскимъ, но ничѣмъ не подтвержденный имъ. Затѣмъ, если отмѣтка 3-й Новгородской лѣтописи вѣрна, то вѣдь она относится къ 1394 году, т.-е. къ тому времени, когда и послѣдній сынъ Андрея Кобылы, Ѳедоръ Кошка уже, повидимому, приближался къ концу жизни. Если допустить, что эта улица уже была въ началѣ XIV в. и дѣйствительно получила свое названіе отъ прозвища Андрея Ивановича, то отчего же «Ондрешка» не только не имѣетъ этого прозвища, но и живетъ-то «въ Плѣтникахъ» и прозывается такъ непочтительно? Чѣмъ можно подтвердить, что Андрей Ивановичъ создалъ своимъ прозвищемъ цѣлую улицу? Вѣдь

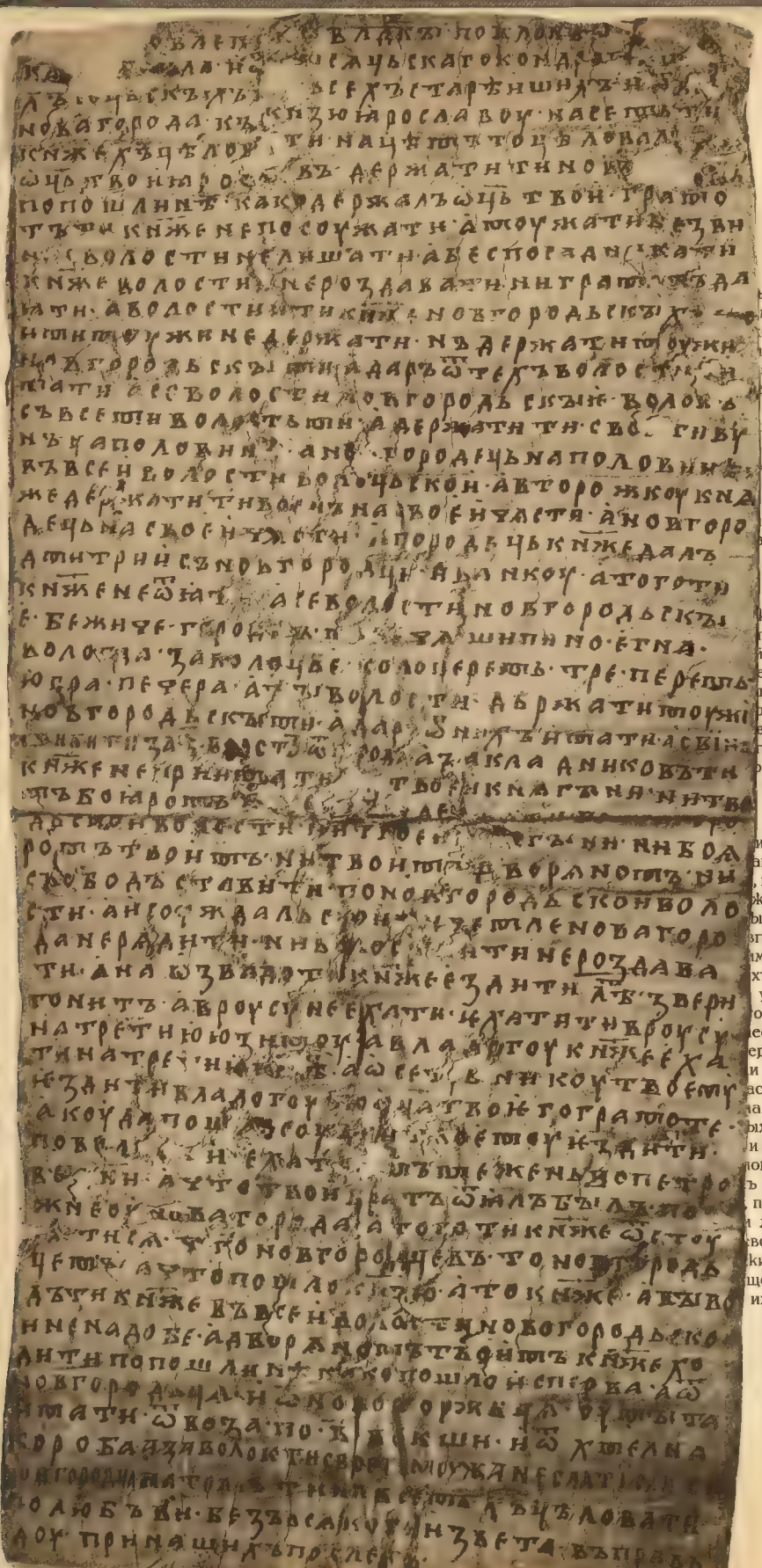
---

[1]) «Новгор. лѣтописи». Изд. Археогр. ком. СПБ. 1879 г., стр. 147.
[2]) Д. Прозоровскій. Op. cit. стр. 33.

Прусская улица существовала до 1610 года, разныя церкви, построенныя на Прусской улицѣ и вблизи ея, въ томъ числѣ и Ѳедора Стратилата, также упоминаются очень долго спустя, а Кобылья улица не имѣетъ ни одной церкви и какъ-то случайно упоминается одинъ только разъ! Если допустить все же, что Андрей Кобыла далъ свое имя цѣлой улицѣ въ началѣ XIV вѣка, когда Новгородъ уже давно представлялъ изъ себя крупнѣйшій установившійся торговый центръ сѣверо-западной Руси, съ давно установившейся администраціей и торговой, и княжеской, и вѣчевой, то значитъ онъ былъ особо-выдающійся дѣятель города, сдѣлавшій такъ много или бывшій такимъ крупнымъ купцомъ, что могъ своимъ прозвищемъ окрестить новую улицу— и гдѣ же? у самаго Дѣтинца, на Софійской сторонѣ, въ самомъ центрѣ и безъ того густо заселенной его административной половины. Однако, какъ купецъ русскій, онъ долженъ былъ бы быть на Торговой сторонѣ, какъ иноземецъ—онъ едва ли могъ бы дать свое имя Новгородской улицѣ, а если бы далъ, то нѣмецкое или какое иностранное, но не отъ русскаго прозвища. Какъ посадника или вообще дѣятеля администраціи Новгорода мы его не знаемъ. Мало того, если онъ былъ гордъ своей родовитостью и ушелъ изъ Новгорода оскорбленный, не получивъ соотвѣтствующаго положенія и разрѣшенія селиться въ Загородьи, то какимъ образомъ могъ бы онъ создать улицу? Да, наконецъ, изъ названій улицъ и концовъ Новгородскихъ мы видимъ, что названія эти шли или отъ именъ, а не прозвищъ, или отъ мѣстоположенія, или отъ профессій ихъ обитателей, или отъ церквей. Прозвищъ совсѣмъ въ нихъ не видно. Правда, неизвѣстно кто были давшіе свои имена Добрыниной, Рядятиной, Иворовой улицамъ, напримѣръ, но всѣ эти названія «именныя и исконныя», сохранявшіяся все время существованія Новгорода, и кромѣ Кобыльей улицы нѣтъ въ исторіи Новгорода ни одной улицы, изъ существовавшихъ до XVI—XVII ст., которыя упоминались бы одинъ лишь разъ и такъ неустойчиво, какъ Кобылья улица. Если и есть такія, то лишь появившіяся послѣ паденія Новгорода, въ XVI и XVII вѣкахъ. Старыя же держались крѣпко.

Разъ не находится никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ предположеній В. С. Передольскаго, высказываемыхъ имъ очень авторитетно, но со слабыми обоснованіями не только о происхожденіи Кобыльей улицы отъ прозвища Андрея Ивановича, но и о существованіи такой улицы, принять его положенія никакъ нельзя. А если такъ, то приходится очень пожалѣть, что пока нѣтъ иныхъ доказательствъ интересной теоріи гр. П. Шереметева. Какъ въ статьѣ Г. С. Ш., такъ и въ «Дворахъ Грознаго въ Новгородѣ» нѣтъ положительныхъ увѣреній ни въ родствѣ Андрея Кобылы съ Московскимъ Великокняжескимъ Домомъ, ни въ существованіи у Кобылы дочери Анны, ни въ тождествѣ «Ондрешки» съ Андреемъ Кобылой. Что же касается до «Семена Андреевича», то онъ могъ быть, конечно, сыномъ и «Ондрешки», хотя опять-таки неизвѣстно, была ли у этого Ондрешки жена Наталія, мать Семена Андреевича. Но совпаденіе имени отца и сына далеко еще не можетъ служить въ пользу отождествленія этихъ Новгородцевъ съ Андреемъ Кобылой и Семеномъ Жеребцомъ. Кромѣ того, «Ондрешка» указываетъ на нѣчто рядовое, Наталія и Семенъ Андреевичъ—на нѣчто высокое. Если бы это дѣйствительно были прародители Романовыхъ, то непремѣнно слѣдовало бы ожидать, хотя бы при одномъ изъ нихъ, его прозвища, въ особенности у «Ондрешки». Человѣкъ знатный, родовитый иноземецъ, отъ своего прозвища создаетъ цѣлую улицу, а лѣтописи зовутъ его просто «Ондрешкой»!

Въ только что законченномъ разсужденіи къ имени Андрея Кобылы нѣсколько разъ приложенъ эпитетъ «купецъ», ибо дѣло шло о Прусской и близкой (?) къ ней Кобыльей улицѣ, гдѣ селились иностранные купцы, торговые люди-«гости». Этотъ эпитетъ наводитъ на вопросъ, весьма въ данномъ случаѣ существенный: въ качествѣ кого могъ проживать въ



ь? Въ качествѣ
го родовитости
ческимъ Дворомъ
ломка владѣтель-
зать? Тогда онъ
если бы это было
указаніе. Однако
нязю въ Новго-
или охраны, не
и исключительно
для родовитаго
стремиться въ
дать, принимая
а Андрея Кобылы
какъ этапѣ на
подъ сильнымъ

кся любовью не
тасіи Романовнѣ,
й разъ еще жени-
е вопросъ!), уже
ь, что Романовы
русь», и вѣрилъ
віи и другія мѣ-
городѣ, если по-
раженія и мысли
и уже далеко не

что и Буянова
и сельбища ино-
ановокъ Грознаго
, то скорѣе можно
женіе Пахоміевой
было бы лишь по
вгородъ въ 1568 и
имся человѣкомъ и
хъ и вездѣ подо-
усвоившимъ себѣ
о же пріѣзда въ
ески невозможно.
ерва его ближай-
и Дѣтинца, какъ
асясь и властей
на волѣ, а не въ
ыхъ ему Новгород-
и всю свою охрану
лова былъ выбранъ,
ъ гр. Шереметевъ
, пользовался бо́ль-
и же и Казариновъ
своей семьей.
кимъ образомъ, къ
щее время и отъ
ихъ подкупающей

Прусская улица с
Прусской улицѣ и
упоминаются оче
церкви и какъ-то
все же, что Анд
когда Новгородъ
шійся торговый
администраціей
особо-выдающійс
крупнымъ купцом
и гдѣ же? у сама
безъ того густо
купецъ русскій, о
земецъ—онъ едва
далъ, то нѣмецк
Какъ посадника
знаемъ. Мало то
Новгорода оскорб
рѣшенія селитьс
улицу? Да, након
димъ, что назван
положенія, или о
совсѣмъ въ нихъ
Добрыниной, Ряд
«именныя и иско
кромѣ Кобыльей
ществовавшихъ
и такъ неустой
появившіяся посл
жались крѣпко.

Разъ не нахо
женій В. С. Пере
слабыми обоснов
прозвища Андрея
его положенія ни
что пока нѣтъ и
тева. Какъ въ сп
нѣтъ положител
скимъ Великокня
Анны, ни въ тож
до «Семена Андре
хотя опять-таки
мать Семена Анд
можетъ служить
Кобылой и Семен
нѣчто рядовое, Н
это дѣйствитель
вало бы ожидать.
ности у «Ондреш
прозвища создает

Въ только чт
сколько разъ при
близкой (?) къ н
торговые люди-«г
въ данномъ случа

Новгородѣ Андрей Ивановичъ или его ближайшій предокъ? Въ качествѣ торговаго человѣка? Едва ли. Тогда всѣ разсужденія объ его родовитости по рожденію, объ его родствѣ съ Московскимъ Великокняжескимъ Дворомъ и т. п. должны были бы совершенно отпасть. Въ качествѣ потомка владѣтельнаго лица, или просто знатнаго выходца, рыцаря, такъ сказать? Тогда онъ могъ бы желать и имѣть цѣлью устроиться близъ князя. Но если бы это было такъ, то лѣтопись сохранила бы объ этомъ хоть какое-нибудь указаніе. Однако стремиться на службу къ не вполнѣ самостоятельному князю въ Новгородѣ, къ номинальному главѣ новгородской администраціи или охраны, не игравшему въ это время никакой почти роли въ богатомъ и исключительно торговомъ городѣ, не было никакого смысла, тѣмъ болѣе для родовитаго иностранца. Для чего же и въ качествѣ кого могъ онъ стремиться въ Новгородъ? На это положительнаго отвѣта никакъ нельзя дать, принимая во вниманіе все, что предполагается и о происхожденіи рода Андрея Кобылы и о немъ самомъ. Поэтому и самая теорія о Новгородѣ, какъ этапѣ на пути рода Кобылы въ Москву «изъ Прусъ», остается подъ сильнымъ сомнѣніемъ.

Затѣмъ, почему Іоаннъ Грозный вдругъ такъ проникся любовью не только къ своей невѣстѣ, а вслѣдъ затѣмъ къ женѣ Анастасіи Романовнѣ, но и къ ея предкамъ, что, пріѣхавъ въ Новгородъ въ первый разъ еще женихомъ (если только онъ былъ имъ въ это время—это еще вопросъ!), уже ищетъ себѣ дворъ на Прусской улицѣ? Значитъ, онъ зналъ, что Романовы тогда еще Юрьевы-Захарьины, ведутъ свой родъ «изъ Прусъ», и вѣрилъ въ это и потому и выбралъ Прусскую улицу, а впослѣдствіи и другія мѣста, также связанныя съ иноземными поселеніями въ Новгородѣ, если повѣритъ на слово В. С. Передольскому? Едва ли такія соображенія и мысли могли прійти въ голову 17-лѣтняго, гордаго, избалованнаго и уже далеко не мягкаго, несмотря на свою молодость, царя.

Ужъ если, съ одной стороны, вѣритъ Передольскому, что и Буянова улица и Никитина, такъ же, какъ Прусская, были мѣстами сельбища иноземцевъ, а съ другой—видѣть въ выборѣ пунктовъ остановокъ Грознаго въ Новгородѣ нѣчто предумышленное и послѣдовательное, то скорѣе можно было бы уже допустить въ этомъ выборѣ какъ бы отраженіе Пахоміевой легенды о Прусѣ. Но и такое предположеніе возможно было бы лишь по отношенію къ двумъ послѣднимъ пріѣздамъ Іоанна въ Новгородъ въ 1568 и 1571 годахъ, когда Грозный былъ вполнѣ уже установившимся человѣкомъ и правителемъ, постоянно опасавшимся за свою жизнь, всѣхъ и вездѣ подозрѣвавшимъ въ заговорахъ и покушеніяхъ на него и уже усвоившимъ себѣ горделивую родословную отъ Кесаря-Августа. Для перваго же пріѣзда въ 1546 году все это для 17-лѣтняго царя было бы фактически невозможно. Думается, скорѣе можно было бы предположить, что сперва его ближайшіе совѣтники, а затѣмъ и онъ самъ умышленно избѣгали Дѣтинца, какъ укрѣпленнаго, огражденнаго и ограниченнаго мѣста, опасаясь и властей Новгородскихъ и самихъ Новгородцевъ. Внѣ Дѣтинца, на волѣ, а не въ крѣпости, быть можетъ, въ мѣстахъ жительствъ вѣрныхъ ему Новгородцевъ, они чувствовали себя безопаснѣе, имѣя подъ рукой и всю свою охрану и возможность свободнаго отступленія. Домъ же Казаринова былъ выбранъ, вѣроятно, потому, что Казариновъ, какъ это отмѣчаетъ гр. Шереметевъ былъ дьякомъ новгородскимъ, т.-е. Москвичемъ, и видимо, пользовался бо́льшимъ довѣріемъ Іоанна и его окружающихъ. Впослѣдствіи же и Казариновъ подвергся обвиненію въ измѣнѣ и былъ казненъ со всей своей семьей.

Все вышеизложенное, взятое вмѣстѣ, приводитъ, такимъ образомъ, къ сожалѣнію, къ необходимости уклониться въ настоящее время и отъ остроумныхъ сближеній гр. П. Шереметева и отъ ихъ подкупающей заманчивости.

Въ результатѣ же приходится, во всякомъ случаѣ, пока отложить всѣ теоріи и предположенія о Тверскомъ, Псковскомъ и Новгородскомъ выѣздахъ и о происхожденіи изъ этихъ мѣстъ Андрея Ивановича Кобылы и даже вообще отъ признанія за нимъ исконнаго, чисто русскаго, происхожденія и искать и то и другое по отношенію къ инымъ странамъ, къ инымъ государствамъ, въ частности въ Пруссіи, ибо къ этому явно склоняются и результаты предыдущаго разбора и наиболѣе вдумчивыя и талантливыя изслѣдованія Г. С. Ш. и гр. П. Шереметева.

II.

Всѣ предположенія и намеки о тверскомъ, новгородскомъ, псковскомъ и вообще о чисто русскомъ происхожденіи Андрея Ивановича Кобылы и его предковъ, какъ это вытекаетъ изъ предыдущаго ихъ разбора, принадлежатъ исключительно ко второй половинѣ XIX вѣка и къ первой, нынѣ уже текущей, четверти XX-го вѣка. Всѣ они основаны, главнымъ образомъ, на недовѣріи къ термину «выѣхалъ изъ Прусъ», на сомнѣніи въ имени и существованіи предполагаемаго отца Андрея Ивановича—Гланды Камбилы Дивоновича, на безусловномъ отрицаніи указываемыхъ сторонниками противоположнаго мнѣнія предковъ и рода этого Гланды и на желаніи во что бы то ни стало вывести Родъ Романовыхъ изъ Древней Руси. Всѣ они являются результатами собственныхъ догадокъ и домысловъ, не имѣющихъ никакихъ подтвержденій или какихъ-либо серьезныхъ точекъ отправленія въ документальныхъ данныхъ, такъ какъ ни лѣтописи, ни родословныя, ни исторія не даютъ ничего такого, что могло бы служить хоть малѣйшимъ указаніемъ на чисто русское происхожденіе Андрея Кобылы, исключая умолчанія въ одномъ—двухъ случаяхъ отмѣтки объ иноземномъ выѣздѣ. Другое дѣло—предположенія и догадки опредѣленныхъ сторонниковъ выѣзда «изъ Прусъ». Несмотря на многое, трудно допустимое и даже баснословное, что встрѣчается въ ихъ разсужденіяхъ, на бездоказательность нѣкоторыхъ ихъ домысловъ или утвержденій, все же точка отправленія ихъ взглядовъ базируется на старыхъ документахъ, на преданіяхъ, сохранившихся въ средѣ нѣкоторыхъ родовъ, также ведущихъ свое происхожденіе отъ Андрея Ивановича Кобылы, и на историческихъ соображеніяхъ, кажущихся не менѣе логичными и послѣдовательными, чѣмъ приводимыя сторонниками его русскаго происхожденія. Поэтому ихъ взглядъ заслуживаетъ еще болѣе тщательнаго и подробнаго безпристрастнаго разбора, и только сопоставленіе результатовъ изученія обѣихъ теорій одно можетъ дать перевѣсъ въ ту или другую сторону. Если послѣдователи русскаго происхожденія рода Андрея Кобылы позволяютъ себѣ бросать подчасъ очень рѣзкіе упреки по адресу и составителей родословныхъ XVI и XVII вѣковъ и изслѣдователей, держащихся взгляда объ иноземномъ выѣздѣ родоначальника, за ихъ «фантазіи, сочиненія и баснословія», то предыдущій разборъ ихъ утвержденій достаточно показалъ и не меньшую слабость обоснованности однихъ и такую же фантастичность другихъ. Поэтому слѣдовать за ними нельзя не разсмотрѣвъ внимательно доводы и положенія взгляда объ иноземномъ «выѣздѣ».

Переходя къ указаніямъ на старинныя родословныя, необходимо сдѣлать одну оговорку. Не всѣ фамиліи, родственныя по своему происхожденію Романовымъ, ведутъ свой родъ отъ Андрея Ивановича Кобылы; нѣкоторыя считаютъ своимъ родоначальникомъ брата его—Ѳедора Ивановича Шевлягу. Поэтому, приводя ниже показанія родословныхъ росписей XVI—XVII вѣковъ,

необходимо упомянуть указывающія не только на Андрея Ивановича, но и на его брата Ѳедора.

Самымъ старымъ спискомъ, въ которомъ можно уже видѣть намекъ на «выѣздъ» Кобылиныхъ, является экземпляръ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, лит. Б., изданный во «Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» и пріурочиваемый издателями къ царствованію Іоанна IV Грознаго, ибо въ заглавіи списка сказано: «Сей книги начало великія Россія, Русскія земли, до Рождества, прежнихъ Государей нашихъ великія Россія, отъ великихъ князя Рюрика и до Государя Царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руссіи, самодержца Русскія земли и до его дѣтей Царевича Ивана, Царевича Ѳедора» [1]. Правда, заглавіе его «Родъ Андрея Ивановича Кобылина да брата его родного Ѳедора Ивановича Шевляги» не содержитъ въ себѣ прямыхъ указаній на «выѣздъ», но тотъ фактъ, что Андрей Ивановичъ названъ здѣсь уже не «Кобыла», а «Кобылинъ», указываетъ косвенно, что «Кобылой» какъ будто назывался его отецъ, или другой ближній родственникъ въ восходящей степени, слѣдовательно, Андрей Ивановичъ уже принадлежалъ ко второму, по крайней мѣрѣ, поколѣнію, къ русскому уже роду и могъ быть сыномъ «выѣзжаго». Кромѣ того, упоминаніе Ѳедора Шевляги, вездѣ въ остальныхъ упоминаніяхъ показываемаго выѣхавшимъ «изъ Прусъ», какъ брата Андрея Ивановича, тоже приводитъ къ мысли, что и это обстоятельство какъ бы молчаливо согласуется съ иноземнымъ происхожденіемъ ихъ отца. Да, наконецъ, слѣдующее по времени упоминаніе, уже ясно говорящее о «выѣздѣ», такъ недалеко отстоитъ отъ этого, что даже и оставленіе перваго въ сторонѣ нисколько не противорѣчило бы дальнѣйшему и не измѣнило бы существа дѣла. Однородный съ этимъ списокъ хранится въ Синодальной библіотекѣ, изданъ тамъ же [2]) и относится къ ближайшей эпохѣ избранія Романовыхъ, къ царствованію царя Василія Ивановича Шуйскаго.

Второй, по древности, списокъ также находится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ [3]) и датируется эпохой царя Ѳеодора Ивановича, «ибо въ немъ списокъ московскихъ Государей оканчивается Ѳеодоромъ Ивановичемъ, а Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ названъ только конюшимъ бояриномъ и слугою, каковыя званія онъ имѣлъ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ» [4]). Заглавіе его ужъ очень опредѣленно: «Родъ Андрея Ивановича Кобылы выѣхалъ изъ Прусскія земли изъ Нѣмецъ, а отъ него пошли Лодыгины, Захарьевы, Шереметевы, Колычевы, Беззубцовы».

Затѣмъ въ родословной книгѣ Русскихъ великихъ и удѣльныхъ князей и дворянскихъ родовъ, писаной полууставомъ XVII вѣка и хранящейся въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной библіотекѣ [5]), прародитель Шереметевыхъ названъ такъ:

«Выѣхалъ изъ Нѣмецъ мужъ честенъ, именемъ Андрей Ивановичъ Кобыла» [6]).

Въ одномъ изъ столбцовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи находится челобитная 1643 года нѣкоего Козьмы Трусова, ведущаго свой родъ отъ Ѳедора Ивановича Шевляги, написанная имъ по случаю «счетнаго», т.-е. мѣстническаго, столкновенія съ сокольничимъ кн. Ѳ. Ѳ. Волконскимъ.

---

[1]) «Временникъ», X, стр. 86—89.
[2]) «Временникъ». Кн. X. 1851 г. Предисловіе, стр. I—IV.
[3]) «Временникъ», т. X, стр. 159—162.
[4]) Ibidem. Предисловіе.
[5]) Собраніе И. П. Сахарова. Ч. IV. 171 л. 165, на оборотѣ А. Б.
[6]) Въ другихъ мѣстахъ родословной онъ названъ Михайловичемъ.

Указывая на преимущества своего рода, какъ болѣе древняго и знатнаго, чѣмъ родъ его соперника, Трусовъ, между прочимъ, пишетъ: «...а нашъ, государь, холопей твоихъ родъ, пошелъ отъ прародителя нашего отъ Ѳедора Ивановича отъ Шевляги. Какъ онъ выѣхалъ изъ Прус...» [1])

Наконецъ, въ 1686 году бояринъ Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ въ поданной имъ въ Разрядъ за собственноручною подписью поколѣнной росписи Шереметевыхъ начинаетъ эту роспись такъ:

«Родъ Прусскаго княженія владѣтеля Андрея Івановича, а прозваніе ему было Кобыла. Пріѣхалъ изъ Прусъ отъ своихъ предѣловъ владѣтель Андрей Ивановичъ, а у него былъ сынъ Ѳедоръ Андреевичъ...»

Таковы данныя родословныхъ XVI и XVII вѣковъ, упоминающія объ Андреѣ Ивановичѣ Кобылѣ. Но есть еще нѣсколько подобныхъ документовъ того же времени, относящихся къ Шереметевымъ и нѣкоторымъ другимъ фамиліямъ, также причисляемымъ къ родственнымъ Романовымъ по общему прародителю, но въ которыхъ имя этого родоначальника иное— Михаилъ, а не Иванъ, почему въ нѣкоторыхъ спискахъ родословій тѣхъ же Шереметевыхъ Андрей Кобыла называется по отчеству попеременно то Ивановичемъ, то Михайловичемъ. Такъ какъ сейчасъ центръ тяжести лежитъ въ терминѣ «выѣзжій изъ Прусъ», а этотъ Михаилъ отмѣченъ таковымъ, то и эти данныя небезынтересно привести тутъ же.

Самымъ старымъ изъ такихъ указаній и единственно опредѣленнымъ являются слова князя Курбскаго въ его извѣстномъ сочиненіи объ Іоаннѣ IV Грозномъ, носящемъ характеръ памфлета: «Потомъ погубилъ родъ Колычевыхъ», говоритъ онъ про Іоанна, «также мужей свѣтлыхъ и нарочитыхъ въ родѣ, единопленныхъ сущихъ Шереметевымъ; бо прародитель ихъ, мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ Нѣмецкія земли выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ, глаголятъ его быти съ роду княжатъ Решскихъ».

Остальныя упоминанія Михаила и Андрея Михайловича всѣ въ разныхъ спискахъ Шереметевыхъ XVII вѣка, при чемъ, какъ это было отмѣчено, это отчество «Михайловичъ» нигдѣ не стоитъ самостоятельно и послѣдовательно, но въ одномъ и томъ же спискѣ чередуется попеременно съ «Ивановичемъ».

За этими документальными матеріалами уже слѣдуютъ литературныя произведенія и работы генеалоговъ, историковъ и т. п. Повторяя указанія XVI и XVII вѣковъ, они считаютъ «выѣздъ изъ Прусъ» или, какъ онъ варьируется въ разныхъ спискахъ,—«изъ Нѣмецъ», «изъ Варягъ» и др., непреложнымъ фактомъ и потому на вопросѣ о возможности и правдоподобности этого указанія совсѣмъ не останавливаются, но зато нѣкоторые изъ нихъ очень много даютъ мѣста генеалогическимъ и историческимъ соображеніямъ о личности Гланды Камбилы, во св. крещеніи Іоанна, и объ его происхожденіи. Въ виду этого, мнѣнія ихъ сейчасъ здѣсь не приводятся, а будутъ разбираться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь же предстоитъ разсмотрѣть вопросъ о пріемлемости термина «изъ Прусъ» какъ по отношенію къ данному случаю, такъ и вообще.

Отрицательное отношеніе противниковъ выѣздовъ «изъ Прусъ», «изъ Нѣмецъ», «изъ Литвы» и т. п. основывается, главнымъ образомъ, на слѣдующихъ положеніяхъ: 1) на томъ, что въ XIII вѣкѣ, эпохѣ, къ которой пріурочивается въѣздъ отца Андрея Ивановича въ Россію, Пруссіи не существовало; 2) на стремленіи представителей русскихъ нетитулованныхъ родовъ путемъ указаній на свое давнее происхожденіе отъ именитыхъ и знатныхъ иностранцевъ сравнять себя съ титулованными потомками удѣльныхъ князей,

---

[1]) Н. П. Лихачевъ. «Разрядные дьяки XVI вѣка». Стр. 312, пр. 2,

ыхъ слугъ», стар-
планъ послѣ того,
зья очутились на
вленіемъ о Москвѣ,
ія мысли, и 4) на
у корню выѣздомъ
о корня, произво-
пораго будто бы

ько всѣ они пріем-
частностяхъ.
провъ. На стр. 3-й
азванной «Вмѣсто
яхъ и Новгородцы
легенды о родона-
ъ изъ Прусъ» или
и страны ветхаго
ъ первомъ случаѣ
ихъ всякія связи съ
была пора, когда
государства и въ
нденбургскаго, до
ie подданные или
никовъ со временъ
ъ яко бы подходя-
нія слова относи-
ъ плѣнъ во время
святою истиною.
о меньше десятка,
ріуроченіе выѣзда
митріевичѣ, сынѣ
даже основатель-
емъ термина «изъ
За этими словами
ложеніе о происхо-
городѣ—Прусской,
сами». Объ этомъ

са о выѣздѣ «изъ
ись найти иныя
такихъ выѣздовъ.
нко, позднѣйшаго
ме и мнѣній его
наиболѣе обстоя-

о раньше посвя-
хъ и Шеремете-
росу.
ни, какъ отмѣчено
властительномъ
Однако, имя Ми-
Романовыхъ, или
дно и искажаетъ
лъ «съ роду кня-
, Решскій значитъ

Указывая на преи
чѣмъ родъ его со
сударь, холопей т
Ивановича отъ Ш

Наконецъ, въ 16
въ поданной имъ
росписи Шеремет

«Родъ Прус
званіе ему было К
ловъ владѣте
Андреевичъ...»

Таковы данныя
Ивановичѣ Кобыл
того же времени
гимъ фамиліямъ,
по общему прарод
Михаилъ, а не Ив
Шереметевыхъ А
Ивановичемъ, то
житъ въ терминѣ
ковымъ, то и эти

Самымъ стар
являются слова к
Грозномъ, носяще
чевыхъ», говорит
въ родѣ, единопле
свѣтлый и знаме
Михаилъ, глаголя

Остальныя у
спискахъ Шереме
это отчество «М
вательно, но въ
«Ивановичемъ».

За этими док
произведенія и ра
XVI и XVII вѣков
варьируется въ р
преложнымъ факт
ности этого указ
изъ нихъ очень
соображеніямъ о
его происхожденіи
а будутъ разбира
разсмотрѣть воп
шенію къ данному

Отрицательн
мецъ», «изъ Литвы
положеніяхъ: 1) на
въѣздъ отца Андр
стремленіи предо
указаній на свое
странцевъ сравня

[1] Н. П. Лихачевъ. «Р

сѥ при нѣхаша послы. Ѿ тѣнгоу тѣмѣ рацра.
гажа тъ ꙗрославъ съ трамо тою. ꙗкы оу. нба
ншн.

«заѣзжавшихъ» представителей стараго боярства, «старыхъ слугъ», старшинствомъ своихъ родовъ и оттѣснявшихъ ихъ на задній планъ послѣ того, какъ удѣлы были уничтожены и бывшіе удѣльные князья очутились на службѣ Московскаго великаго князя; 3) на увлеченіи представленіемъ о Москвѣ, какъ о «третьемъ Римѣ», вселявшемъ въ нихъ горделивыя мысли, и 4) на желаніи какъ бы приравнять себя къ княжескому и царскому корню выѣздомъ «изъ Прусъ», въ виду фантастической родословной этого корня, производящей его отъ Пруса, брата Кесаря-Августа, отъ котораго будто бы произошелъ Рюрикъ и все его потомство.

Интересно разсмотрѣть всѣ эти 4 положенія, насколько всѣ они пріемлемы, насколько можно ихъ оспаривать въ цѣломъ и въ частностяхъ.

Какъ всегда энергичнѣе всѣхъ выступилъ П. Н. Петровъ. На стр. 3-й своей «Исторіи Родовъ Русскаго Дворянства», въ главѣ названной «Вмѣсто вступленія» онъ, подъ заголовкомъ «Басни въ родословіяхъ и Новгородцы въ Москвѣ», говоритъ слѣдующее: «Таковы, напримѣръ, легенды о родоначальникахъ-основателяхъ фамилій въ Москвѣ «выѣзжихъ изъ Прусъ» или «изъ Литвы», а туда «изъ Нѣмецъ», или «отъ Итальянскія страны ветхаго Рима». Легендарная основа обыкновенно прикрываетъ въ первомъ случаѣ «выѣзжихъ изъ Прусъ» Новгородцевъ въ Москвѣ, порвавшихъ всякія связи съ родиною. Время происхожденія рода—XIII вѣкъ; напримѣръ была пора, когда не существовала Пруссія въ смыслѣ самостоятельнаго государства и въ позднѣйшіе вѣка, оказываясь владѣніемъ курфюрста Бранденбургскаго, до 1700 года. Откуда же могли быть въ XIII вѣкѣ прусскіе подданные или прусская народность? Въ переработкѣ московскихъ книжниковъ со временъ Грознаго терминъ «выѣзжій изъ Прусъ» прямо замѣненъ яко бы подходящимъ выраженіемъ «выѣзжій изъ Нѣмецъ». А эти послѣднія слова относительно людей нѣмецкой расы, попадавшихся русскимъ въ плѣнъ во время войны Грознаго царя съ орденомъ Ливонскимъ, были, конечно, святою истиною. Только такихъ выходцевъ-плѣнныхъ можемъ мы насчитать меньше десятка, а родовъ «выѣзжихъ изъ Нѣмецъ»—цѣлыя сотни. Да и пріуроченіе выѣзда изъ Германіи въ Москву при великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ, сынѣ Донского по меньшей мѣрѣ крайне подозрительно, если даже основательность нашего подозрѣнія не поддерживалась бы нахожденіемъ термина «изъ Прусъ» въ другихъ сказаніяхъ о тѣхъ же самыхъ лицахъ». За этими словами автора слѣдуетъ категорическое, но бездоказательное положеніе о происхожденіи выраженія «изъ Прусъ» отъ названія улицы въ Новгородѣ—Прусской, жители которой, будто бы, «постоянно называются Прусами». Объ этомъ домыслѣ покойнаго генеалога уже сказано выше.

Послѣдующіе ученые и историки, касаясь этого вопроса о выѣздѣ «изъ Прусъ», высказались болѣе серьезно и научно и пытались найти иныя соображенія въ пользу своего мнѣнія о недостовѣрности такихъ выѣздовъ. Можно считать слова уважаемаго историка П. Г. Васенко, позднѣйшаго ученаго, высказавшагося по этому вопросу, какъ бы резюме и мнѣній его предшественниковъ, почему здѣсь лучше всего привести наиболѣе обстоятельную выписку изъ его труда.

Приступая къ изложенію своего мнѣнія, онъ немного раньше посвящаетъ нѣсколько строкъ словамъ Курбскаго о Колычевыхъ и Шереметевыхъ, которыя имѣютъ близкое отношеніе къ этому вопросу.

«Слова Курбскаго, говоритъ онъ, очень любопытны. Они, какъ отмѣчено выше, показываютъ, что уже въ XVI вѣкѣ преданіе о властительномъ происхожденіи Андрея Ивановича Кобылы существовало. Однако, имя Михаилъ указываетъ или на болѣе отдаленнаго предка Рода Романовыхъ, или на то, что преданіе о его высокомъ званіи явилось поздно и искажаетъ факты. Кромѣ того, Курбскій говоритъ, что Михаилъ былъ «съ роду княжатъ Решскихъ». По справедливому объясненію Устрялова, Решскій значитъ

имперскій. А такъ какъ Пруссія въ XIII вѣкѣ не входила въ составъ имперскихъ земель, то и все преданіе надо отнести къ болѣе позднему времени...»

Затѣмъ идетъ уже изложеніе его общаго взгляда:

«Считая... преданія о властительскомъ и иноземномъ происхожденіи боярина Андрея Кобылы возникшимъ поздно и внушающимъ большія и основательныя сомнѣнія[1]), мы должны отвѣтить на два вопроса: 1) что было причиной возникновенія подобнаго преданія, 2) что дало поводъ вести родъ Андрея Ивановича изъ Пруссіи?

«Относительно перваго вопроса отвѣтъ подсказывается хотя бы только что приведеннымъ мѣстническимъ случаемъ[2]). Потомки удѣльныхъ и великихъ князей, ставши слугами Московскихъ государей, «заѣзжали» прежнихъ бояръ, служившихъ дому Калиты. Они несомнѣнно кололи имъ глаза своимъ знатнымъ происхожденіемъ и всячески старались ихъ оттѣснить на задній планъ. Трудно было держаться старымъ слугамъ Московскаго князя, и вотъ надо было опереться на какое-нибудь преданіе, которое могло бы ихъ возвысить въ глазахъ аристократически настроенныхъ новыхъ сотоварищей и соперниковъ и поставить нетитулованную знать на одинъ уровень съ титулованной. Воспоминанія о давней близости фамиліи къ Московскимъ князьямъ, постоянной знатности предковъ невольно наводили мысль на гордыя преданія[3]). Притомъ вести себя отъ туземныхъ князей не было возможности и приходилось прибѣгнуть къ предположенію о выѣздѣ предковъ изъ чужихъ земель; на это наталкивали дѣйствительные случаи выѣзда знатныхъ чужеземцевъ въ Москву въ XV и XVI вѣкахъ, не говоря уже о многихъ русскихъ людяхъ, являвшихся изъ другихъ княжествъ и земель служить великому князю Московскому. Поэтому легко было измыслить или добросовѣстно повѣрить въ существованіе какого-нибудь «свѣтлаго и нарочитаго» выѣзжаго предка. Въ результатѣ получилось любопытное явленіе: почти всѣ не княжескіе дворянскіе роды повели свое начало отъ заѣзжихъ выходцевъ[4]). При этомъ многія знатныя фамиліи вели себя отъ Нѣмцевъ, въ частности «изъ Прусъ»[5]).

«Такое предпочтеніе Пруссіи имѣло свое основаніе. Познакомимся съ нимъ. Для этого надо вспомнить, что послѣднія десятилѣтія XV вѣка были началомъ нашей политической самостоятельности и большого внѣшняго могущества. Московскій великій князь, благодаря усиліямъ своихъ предковъ и своимъ собственнымъ усиліямъ и послѣдовательнымъ дѣйствіямъ, освободилъ свою страну отъ нѣкогда грознаго татарскаго ига, соединивъ въ своихъ рукахъ обладаніе почти всей сѣверо-восточной Русью, и къ народной радости и гордости съ большимъ основаніемъ могъ назвать себя государемъ и самодержцемъ всея Руси. Впереди открывались еще болѣе широкія перспективы: окончательное объединеніе русской земли, покореніе татарскихъ ханствъ, стремленіе къ берегамъ Балтійскаго моря, принятіе царскаго титула. Но и къ концу 1400 годовъ русскій великій князь поднялся на головокружительную высоту. Паденіе Византіи дѣлало его политическимъ главою и покровителемъ православія. Естественно поэтому получила большую распространенность и извѣстность горделивая теорія о Москвѣ—

---

[1]) При этомъ онъ дѣлалъ очень интересное и важное примѣчаніе: «Вотъ почему покойный С. М. Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи» ни разу не обмолвился о выѣздѣ Андрея Кобылы изъ Прусъ. Впрочемъ, Ключевскій вѣритъ, что изъ Пруссіи шли Кошкины съ отраслями своими Захарьиными и Беззубцевыми и съ родичами Колычевыми». (Ключевскій, «Дума», стр. 168, курсивы въ подлинникѣ).

[2]) «Мѣстничая въ 1500 г. съ кн. Даніиломъ Щенятевымъ, бояринъ Юрій Захарьевичъ Кошкинъ не ссылался на свое происхожденіе отъ владѣтельнаго князя, что ему было бы очень выгодно сдѣлать». Примѣчаніе П. Г. Васенко въ предыдущемъ абзацѣ.

[3]) «Быть можетъ на такія предположенія наталкивали и выѣзжіе на Русь Греки и Славяне, среди которыхъ были мастера на выдумываніе пышныхъ генеалогій». Примѣчаніе П. Г. Васенко.

[4]) См. Бархатную книгу, ч. II, стр. 281—426. Прим. П. Васенко.

[5]) Ibidem стр. 415 и 419—420.

третьемъ и послѣднемъ Римѣ, выраженная въ краткой формулѣ: «два убо Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быти».

«Гордыя притязанія государей и народа на міровую роль Руси, имѣвшія исторически-жизненное основаніе, хотѣлось подтвердить какими-нибудь историко-правовыми соображеніями. Бракъ Московскаго великаго князя и греческой царевны Софіи Палеологъ давалъ, правда, первому извѣстное право считать себя преемникомъ Византійскихъ или Восточно-Римскихъ императоровъ. Но хотѣлось большаго, хотѣлось, независимо отъ Грековъ, явиться законными наслѣдниками ихъ мірового значенія. Тогда, какъ справедливо отмѣтилъ покойный академикъ И. Н. Ждановъ, оставалось перенести вопросъ на почву генеалогическихъ отношеній и историческихъ связей, отыскать для перенесенія имперіи въ Москву какія-нибудь основанія въ быломъ. Нужно предъявить право на наслѣдство и представить при этомъ оправдательные документы. Тогда-то и возникла легенда о Прусѣ, братѣ «Кесаря Августа», который «разряди вселенную братіи своей...» При этомъ «сему Прусу» тогда поручено было «властодерство въ березехъ Вислы рѣки, городъ Мадборкъ и Торокъ и Хвойница и преславный Гданескъ и ины многи грады и реку, глаголемую Нѣмонъ, впадшую въ море, иже и донынѣ зовется Прусская земля. Отъ сего Пруса сѣмени бяше Рюрикъ и братія его; и егда еще живяху за моремъ и тогда Варяги именовахуся и изъ заморія имяху дань на Чюди и на Словенахъ и на Кривичахъ» [1]). Нетрудно понять, почему Пруссія сочтена была родиной Рюрика. Лѣтопись говорила о племени Руси, жившемъ на берегахъ Балтійскаго моря и имѣвшемъ князьями Рюрика съ братіею. Созвучіе словъ Русь (Руссія) и Пруссія дѣлало для людей XV и XVI вѣковъ, плохихъ филологовъ, не знавшихъ, что подобная этимологія невозможна, отождествленіе ихъ вполнѣ правильнымъ и заманчивымъ. Представленіе о древнемъ Римѣ, какъ всемірной монархіи, позволило считать Августа властителемъ Пруссіи, а распространенный тогда взглядъ на государство, какъ на вотчину, дробившуюся между родственниками властителя-вотчинника, наводилъ на мысль о раздѣлѣ Римской имперіи Кесаремъ-Августомъ въ пользу императорской родни. О томъ, что названіе страны дало имя и миѳическому родоначальнику Пруссіи Прусу, можно было бы не упоминать.

«Легенда о Прусѣ, измышленная, по предположенію Жданова, знаменитымъ писателемъ XV вѣка Пахоміемъ, выходцемъ изъ юго-славянскихъ земель, а, быть можетъ, скажемъ мы, и другимъ досужимъ книжникомъ, отвѣчала помысламъ русскихъ великихъ людей и горделивымъ чаяніямъ русскаго народа. Поэтому она пользовалась большимъ почетомъ въ нашей древней письменности и заслужила полное признаніе и довѣріе со стороны государей и ихъ подданныхъ. Царь Иванъ вполнѣ ей довѣрялъ, вѣрили и другіе русскіе люди XVI—XVII вѣковъ. Какъ соблазнительно и заманчиво, какъ просто и естественно было вывести изъ Пруссіи и себя помощникамъ и слугамъ Московскихъ великихъ князей! Какъ легко повѣрить тому, чему хочется вѣрить!»

Таковы основанія и соображенія противниковъ иноземныхъ выѣздовъ въ родословныхъ XVI и XVII вѣковъ и не только «изъ Прусъ», но и изъ другихъ странъ. На первый взглядъ нельзя не соблазниться ихъ кажущейся стройностью, послѣдовательностью и логичностью, въ особенности въ изложеніи П. Г. Васенко, но чѣмъ ближе начнемъ въ нихъ всматриваться и вдумываться, тѣмъ больше приходитъ сомнѣній и несогласій и, въ концѣ-концовъ, приходится признать, что, быть можетъ, иной взглядъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, на эти выѣзды, болѣе терпимый и снисходительный, окажется и ближе къ истинѣ, и естественнѣе, и справедливѣе.

[1]) П. С. Р. Л. XXI, т. I, стр. 10.

Прежде всего легенда о Прусѣ. Могла ли она, дѣйствительно, имѣть такое практическое значеніе, что не только отвѣчала «горделивымъ чаяніямъ русскаго народа», но и отразилась на нашихъ родословныхъ, и чуть ли не всѣ бросились поэтому только выводить свой родъ изъ чужихъ земель, въ частности «изъ Прусъ»? Едва ли. Сочиненная или «измышленная», по предположенію академика Жданова, выходцемъ изъ юго-славянскихъ племенъ въ XV вѣкѣ, извѣстнымъ Пахоміемъ, она, дѣйствительно, быть можетъ, и льстила самолюбію князей Московскихъ, такъ какъ такимъ образомъ какъ бы пріобщала ихъ къ сонму европейскихъ государей, недвусмысленно ставившихъ себя гораздо выше правителей «Московіи» и доходившихъ до предложенія Максимиліана Австрійскаго, Римскаго императора, дать Іоанну III титулъ императора. Могла она понравиться Іоанну Грозному, человѣку великой гордости, самомнѣнія и честолюбія. Могла заинтересовать и нѣкоторыхъ письменныхъ людей тѣхъ временъ и полюбиться имъ. Могли согласиться съ ней и лица, близкія къ Грозному, но все это далеко не то вліяніе, которое хотѣлось бы видѣть въ ней сторонникамъ сочинительства выѣздовъ изъ чужихъ земель. Для болѣе рядового, служилаго, даже и придворнаго человѣка, она, пожалуй, могла льстить національному самолюбію, но и только. Слишкомъ далекъ былъ вообще русскій человѣкъ, какъ читавшій лишь Священное Писаніе, да и то очень рѣдко, ибо громадное большинство было безграмотно, отъ внесенія такихъ отвлеченныхъ представленій въ жизнь, въ практическую ея сторону. Вѣдь, если даже онъ допускалъ, что Пруссія получила свое названіе отъ Пруса, брата Кесаря-Августа, то все же онъ не могъ не понимать, что Прусъ—это человѣкъ, давшій родъ человѣческій, а Пруссія—страна, земля, гдѣ жили совсѣмъ другіе люди, другой народъ, имѣвшій съ Прусомъ только то общее, что названіе ихъ земли происходитъ отъ его имени. Если бы выѣздъ «изъ Прусъ» какъ бы приближалъ родъ къ роду великаго князя, то неужели же это было бы опущено и родоначальники не выводились бы хотя бы отъ IX—XI вѣковъ, а не XIII, ибо раньше мы не знаемъ прародителей родовъ «изъ Прусъ». Если бы этотъ терминъ «изъ Прусъ» былъ такъ важенъ, то несомнѣнно громадное число родовъ поспѣшили бы приписаться къ нему, но на повѣрку онъ далеко не такъ распространенъ, да и является, главнымъ образомъ, лишь въ концѣ XVII ст., въ эпоху составленія Бархатной книги. Вѣдь, если цѣлый рядъ родовъ указываетъ на одного общаго родоначальника, «выѣхавшаго изъ Прусъ», то это еще далеко не значитъ, что столько же было и «выѣзжихъ изъ Прусъ». Громадное большинство этихъ родовъ идутъ, въ сущности, отъ потомковъ этихъ выходцевъ, всецѣло обрусѣвшихъ, слившихся окончательно съ новой родиной ихъ прародителя, и, строго судя, ихъ родоначальникомъ надо считать именно этого обрусѣвшаго потомка. А такіе родоначальники нерѣдко относятся только къ 3-му, 5-му, а то и къ 6-му колѣну. Но память о главѣ старшей линіи сохранилась, и каждый родъ, подавая отдѣльно свою родословную, поневолѣ долженъ былъ упоминать и общаго родоначальника. Если подвести такой подсчетъ, то такихъ выѣзжихъ окажется далеко не такое большое количество. Отъ Андрея Ивановича Кобылы производятъ свой родъ 28 фамилій, и въ своихъ родословныхъ они указываютъ на него, какъ на родоначальника, а сами свои фамиліи начинаютъ съ разныхъ его потомковъ вплоть до VII колѣна. Но вѣдь это не значитъ же, что было 28 «выѣзжихъ изъ Прусъ», что всѣ эти роды сочинили себѣ такихъ родоначальниковъ. Въ концѣ-концовъ, при такомъ подсчетѣ дѣйствительно «выѣхавшихъ» изъ чужеземныхъ странъ, въ томъ числѣ и «изъ Прусъ», окажется очень мало, настолько мало, что пугаться этого числа и видѣть въ немъ исключительно результатъ умышленнаго стремленія старыхъ русскихъ родовъ произвести себя непремѣнно отъ пришлыхъ «свѣтлыхъ, знаменитыхъ, нарочитыхъ людей», пришлыхъ иностранцевъ, не будетъ ника-

кихъ основаній. А если отсюда вычесть только родоначальниковъ «изъ Прусъ», то таковыхъ выйдетъ такъ мало, что и говорить объ этомъ нечего, и вліяніе, будто бы, на выѣздъ «изъ Прусъ» легенды Пахомія буквально ничѣмъ не подтвердится. Да, наконецъ, эта легенда и среди великихъ князей и царей Московскихъ и среди лѣтописцевъ успѣха имѣла очень мало. Собственно говоря, одинъ лишь Іоаннъ Грозный придавалъ ей какъ-будто значеніе, если вѣрить словамъ Флетчера о томъ, что самъ царь пресерьезно увѣрялъ одного иноземца въ своемъ нѣмецкомъ происхожденіи, но и тогда для этого надо было имѣть такой характеръ, каковъ былъ у него. Да еще разъ встрѣчаемся мы съ этой легендой, однако, безъ упоминанія о Прусѣ, въ грамотѣ объ избраніи Царя Михаила Ѳеодоровича. Но для успокоенія всѣхъ умовъ и для всенароднаго, дѣйствительно, признанія правъ Романовыхъ нужны были всякаго рода доказательства, удовлетворяющія всевозможные требованія и взгляды. Вѣдь, Романовы были близки къ престолу Русскому благодаря Анастасіи Романовнѣ, первой супругѣ Грознаго, вотъ и вспомнили объ его признаваніи этой легенды и помѣстили ее въ актѣ. А потомъ она уже безслѣдно исчезаетъ, если не считать еще одного такого же упоминанія, опять-таки объ одномъ Кесарѣ-Августѣ, при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ [1]).

Не очень благоволила къ этой легендѣ и лѣтописная литература. Изъ всѣхъ лѣтописныхъ и иныхъ сказаній мы ее встрѣчаемъ только въ Сказаніяхъ о князьяхъ Владимірскихъ и въ посланіи Спиридона Саввы, откуда она и перешла въ Московскую офиціальную лѣтопись и въ Степенную книгу, гдѣ, кстати сказать, Прусъ и превратился изъ родственника Кесаря-Августа, какъ онъ названъ въ первоначальной редакціи, въ его брата, но и то, какъ выше отмѣчено, онъ очень быстро исключается изъ дальнѣйшихъ офиціальныхъ ссылокъ на легенду.

Скорѣе можно допустить иное вліяніе этой легенды на наши родословныя—на ихъ техническое построеніе. Изъ этой легенды русскіе люди впервые узнали что такое родословіе, какъ располагаются колѣна и насколько важно и обязательно указывать родоначальника какъ точку отправленія. А родословія или подходящій порядокъ нужны были русскимъ людямъ въ ихъ мѣстническихъ спорахъ. Раньше этой формы они не знали, почему и споры шли безъ родословныхъ въ истинномъ смыслѣ этого слова и указывались сравнительно недавніе предки въ восходящей степени. Поэтому-то и нѣтъ такого родословія и упоминанія о своемъ происхожденіи отъ владѣтельнаго князя въ «счетѣ» боярина Юрія Захарьевича Кошкина въ 1500 г. съ княземъ Даніиломъ Щенятевымъ, какъ нѣтъ и у другихъ. Поэтому-то и родословныя нашихъ старинныхъ фамилій появляются лишь во второй половинѣ XVI в. и раньше списковъ ихъ нѣтъ.

Самая старая родословная книга, такъ называемый «Государевъ Родословецъ», а иногда «Елизаровская книга», относится къ 1555—1556 г., когда думскимъ разряднымъ дьякомъ былъ Иванъ Елизаровъ, но ссылки на этотъ Родословецъ появляются значительно позже. Такъ, одна изъ первыхъ, если не первая ссылка оказывается въ «счетномъ» дѣлѣ Ѳомы Аѳанасьевича Бутурлина съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Тюфякинымъ 1579 г. въ слѣдующемъ видѣ. «И бояре спросили князь Василья ты на государевы разряды и на родословцы шлешься ли? И князь Василій на государевы разряды и на родословецъ слался же ся, да въ томъ оба ша слалися на государевы разряды... На завтрее государь сидѣлъ съ бояры, а то дѣло велѣлъ передъ собой чести и разряды велѣлъ съискати и по Ѳоминымъ памятемъ и по ссылкамъ

[1]) Въ «Проектѣ Устава о служебномъ старшинствѣ бояръ» и т. д. Сообщ. кн. М. Оболенскимъ. Архивъ истор.-юрид. свѣдѣній, относящ. до Россіи, издав. Н. Калачевымъ. СПБ. 1876. Кн. I, отд. II, стр. 21—44.

и по родословцу сошлося...»; въ 1589 г. въ судномъ дѣлѣ Романа Алферьева съ кн. Григоріемъ Засѣкинымъ послѣдній говоритъ: «Чюлокъ мнѣ не далекъ въ роду:—дѣдъ, и мнѣ почему имъ не считатца, а сколь мнѣ это блиско въ томъ шлюсь на Государевъ Родословецъ» [1].

Въ Родословцѣ нѣтъ ни одного выѣзда «изъ Прусъ», а только одинъ «изъ Нѣмецъ»—знаменитаго Радши [2]. Если бы легенда о Прусѣ имѣла бы такое вліяніе, какое ей приписываютъ, то слѣдовало бы ожидать всѣ эти выѣзды именно въ Государевомъ Родословцѣ. А разъ онъ молчитъ, то нечего и говорить о такомъ вліяніи. Всѣ эти выѣзды какъ, сказано выше, являются только въ Бархатной книгѣ, т.-е. болѣе ста лѣтъ спустя, когда могли уже докапываться до первоначальныхъ источниковъ, знакомились съ иностранной литературой и вспоминали семейныя преданія, подгоняя родословныя подъ иностранные образцы. Вѣдь и гербы частныхъ фамилій въ Россіи появляются лишь при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

Упоминанія о какихъ-либо болѣе раннихъ Родословцахъ нѣтъ, и сомнительно чтобы они были. Но что было несомнѣнно, это «памети», т.-е. записи въ разныхъ мѣстническихъ дѣлахъ и ближайшія семейныя свѣдѣнія; на нихъ и основались родословныя [3].

Почему Юрію Захарьевичу Кошкину выгодно было въ спорѣ его съ княземъ Щенятевымъ сослаться на свое происхожденіе отъ знатнаго выѣзжаго «изъ Прусъ»? [4] Потому ли опять, что миѳическій Прусъ далъ свое имя этой странѣ выѣзда его прародителя, или потому, что родъ его становился знатнѣе отъ знатнаго чужеземца? Этого г. Васенко не объясняетъ. Скорѣе послѣднее, какъ это можно вывести изъ того, что онъ при этомъ дѣлаетъ ссылку на «Боярскую Думу» В. Ключевскаго, который говоритъ такъ: «Извѣстенъ мѣстническій случай, когда самъ Иванъ III выразилъ мысль о служебномъ преимуществѣ служилаго князя передъ простымъ, хотя бы и родовитымъ московскимъ бояриномъ... Великій князь напомнилъ ему одинъ служебный случай изъ первыхъ лѣтъ своего княженія: бояринъ Ѳ. Д. Хромой, одного корня съ старинными московскими фамиліями Бутурлиныхъ и Челядниныхъ, командовалъ сторожевымъ полкомъ, когда главнымъ воеводой былъ послѣдній великій князь Ярославскій... Великій князь хотѣлъ сказать Захарьичу этимъ служебнымъ напоминаніемъ, что прежде бояринъ изъ фамиліи родовитой не менѣе Кошкиныхъ не обижался, отступая на низшее мѣсто передъ княземъ Ярославскимъ... Такъ генеалогической знатности стали жертвовать (?) давностью службы».

Вопреки заключенію проф. Ключевскаго, изъ словъ Іоанна III и сравненія случая Хромого съ кн. Ярославскимъ со случаемъ Ю. З. Кошкина съ кн. Щенятевымъ можно вывести, во-первыхъ, что великій князь отдавалъ преимущество служебнымъ заслугамъ, а не родовитости, и, во-вторыхъ, что заслуги кн. Щенятева онъ ставилъ выше заслугъ Кошкина, какъ и заслуги кн. Ярославскаго выше таковыхъ же Хромого. Слѣдовательно, упоминаніе о происхожденіи своемъ отъ знатнаго предка, да еще чужеземца, никакъ не могло бы помочь Кошкину. Кн. Щенятевъ былъ изъ рода Полоцко-Литовскихъ князей, и болѣе древнихъ, и болѣе знатныхъ, и болѣе близкихъ Руси, чѣмъ выѣзжіе «изъ Прусъ», а все же на первый планъ стали его заслуги, а не происхожденіе.

Трудно согласиться и съ тѣмъ, что производство своихъ родовъ отъ пріѣзжихъ знатныхъ иностранцевъ, или «изъ Прусъ», вызвано было также

---

[1] А. М. Савеловъ. «Лекціи по русской генеалогіи», 2-ое полугодіе. М. 1909, стр. 4. Оба случая полнымъ текстомъ взяты оттуда.

[2] Н. П. Лихачевъ. «Разрядные дьяки», стр. 376.

[3] Въ «Мѣстническомъ справочникѣ XVII вѣка» изд. Ю. В. Татищевымъ, Вильна, 1910, отмѣчено лишь одно происхожденіе фамиліи Сукиныхъ, остальное же—указанія на службу ближайшихъ предковъ и только.

[4] См. примѣч. 2, на стр. 54.

и тѣмъ обстоятельствомъ, что потомки великихъ и удѣльныхъ князей «заѣзжали» на московской службѣ «прежнихъ бояръ, служившихъ дому Калиты», и «кололи имъ въ глаза своимъ знатнымъ происхожденіемъ». Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что такіе потомки нерѣдко занимали лучшія и высшія мѣста при дворѣ и въ администраціи. Но тутъ играли немалую роль и родственныя связи съ Московскими великими князьями, и извѣстный опытъ ихъ въ своихъ княжествахъ, и политическія соображенія, а быть можетъ, и желаніе придать Московскому двору бо́льшую пышность привлеченіемъ въ качествѣ «слугъ» прирожденныхъ русскихъ князей. Однако изъ словъ Іоанна III видно, что первое мѣсто занимали служебныя заслуги, и вотъ на этой-то почвѣ, на счетѣ «мѣстами» и основывались главныя жалобы на «заѣзды». При «потерькахъ», при обидѣ въ «отчествѣ» обида наносилась не только «пострадавшему», но и всему его роду, и поэтому-то такъ строго слѣдили всѣ родичи о служебномъ движеніи своихъ сочленовъ. Тягались или «считались» не однѣ родовитыя московскія фамиліи съ нововъѣзжими великими и удѣльными князьями и съ ихъ родичами, но и между собою, тягались и титулованные, и нетитулованные, и тѣ и другіе между собою, тягались и старые московскіе роды съ таковыми же, и новые также, считались даже члены одной семьи между собой. И когда ссылались они въ спорахъ своихъ на своихъ прародителей, то гораздо больше для указанія на служилую древность рода, на то, что онъ по служебнымъ заслугамъ своихъ членовъ, по «мѣстамъ», не ниже другихъ и что члены этого рода занимали высшія мѣста противъ членовъ соперничествующаго рода, чѣмъ на происхожденіе. Чужеземное происхожденіе не играло здѣсь роли, разъ шли противъ прирожденныхъ русскихъ князей, къ тому же родовъ болѣе древнихъ, чѣмъ XIII вѣкъ.

«Такъ какъ отъ извѣстнаго положенія даннаго лица,—говоритъ Л. М. Савеловъ [1]),—зависѣло и положеніе его родичей, то, конечно, эти родичи зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы кто-нибудь изъ ихъ семьи не позволялъ себѣ заѣхать, почему бывали примѣры, когда родичи обойденнаго лица, помимо его, выступали въ защиту родовой чести. Такъ, въ 1598 г. князь Репнинъ-Оболенскій по росписи занималъ въ походѣ мѣсто ниже кн. Сицкаго, чего ему не слѣдовало дѣлать по служебному положенію своего рода и не билъ челомъ царю объ обидѣ на Сицкаго, потому что они съ Сицкимъ были «свояки и великіе други». Тогда на выручку поруганнаго рода выступили всѣ родичи Репнина-Оболенскаго, отъ имени которыхъ кн. Ноготковъ-Оболенскій «во всѣхъ Оболенскихъ князей мѣсто» билъ челомъ, что кн. Репнинъ «то сдѣлалъ, дружась съ кн. Иваномъ, чтобъ тѣмъ его воровскимъ нечелобитьемъ поруху и укоръ учинить всему ихъ роду Оболенскихъ князей отъ всѣхъ чужихъ родовъ». Царь рѣшилъ такъ: «разъ кн. Репнинъ не билъ челомъ по дружбѣ, то виноватъ онъ одинъ лично, а всему роду кн. Оболенскихъ въ томъ порухи отечеству нѣтъ». Изъ этого спора ясно, что все основывалось на служебномъ положеніи кн. Оболенскихъ, большемъ, чѣмъ у кн. Сицкихъ, а не на родословныхъ. Если припомнить теперь то опустошеніе, которое Іоаннъ Грозный произвелъ, главнымъ образомъ, среди титулованныхъ родовъ, потомковъ удѣльныхъ и великихъ князей, то еще очевиднѣе станетъ, что «засилье» было не на почвѣ происхожденія. Мало того, многія фамиліи, титулованныя, не причислялись даже къ московской знати и потому считались «неродословными». Таковъ былъ случай со счетомъ кн. Волконскаго съ бояриномъ Головинымъ. Кн. Волконскій «билъ челомъ, что ему по своей службѣ не вмѣстно быть меньше боярина Головина». Головинъ подалъ жалобу, что кн. Волконскій обезчестилъ и опозорилъ

---

[1]) Op. cit., стр. 8.

его и его родичей и просилъ «дать ему оборонѣ». Бояре разобрали споръ Головина и Волконскаго, объявивши послѣднему, что онъ «человѣкъ не родословный», а по государеву указу неродословнымъ людямъ съ родословными суда и счета въ отечествѣ не бываетъ, а относительно же его службы, то «за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ». Это было въ 1619 году, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда Царь началъ уже сильную борьбу съ мѣстничествомъ и на первый планъ стало выдвигаться положеніе о преимуществахъ московскихъ родовъ и ихъ прежнихъ заслугъ передъ заслугами и знатностью немосковскихъ. Скорѣе на «засилье» могли жаловаться фамиліи бывшихъ удѣльныхъ князей [1]), но никакъ не московская знать, не московскіе старые роды.

Представленіе о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, «а четвертому не быти», еще меньше могло имѣть вліянія на измышленіе родоначальниковъ изъ иноземной знати. Создано оно было искусственно Греками и, главнымъ образомъ, греческимъ духовенствомъ конца XV вѣка, подъ вліяніемъ паденія Византіи и опасности утратить все свое положеніе и значеніе подъ натискомъ, съ одной стороны, ислама, а съ другой—католической пропаганды. Бракъ Зои Палеологъ съ Іоанномъ III, православнымъ, членомъ греческой каѳолической церкви, давалъ защиту и деньги. Надо было только сильнѣе закрѣпить отношенія съ Россіей. И въ результатѣ получилась тѣснѣйшая связь греческой и русской церкви и греческіе вселенскіе патріархи получили въ свои руки новую громадную паству. Они стали духовными судьями русской церкви и даже по учрежденіи патріаршества въ Россіи сохраняли эту власть, такъ что судить патріарха Никона долженъ былъ пріѣхать Макарій, патріархъ Антіохійскій. Отсюда ясно, что вся эта горделивая теорія имѣла значеніе исключительно религіозно-политическое и, быть можетъ, и очень даже практическое, но только для одного греческаго духовенства. Наши предки XV вѣка, да и слѣдующаго за нимъ, будучи людьми очень религіозными, конечно, ничего не имѣли противъ такой теоріи, но въ то же время едва ли могли проникнуться ею до отраженія этого убѣжденія на своихъ родословныхъ, да еще «выѣзжихъ изъ Прусъ» или «изъ Нѣмецъ». Слишкомъ глубоко чтили они свою церковь, чтобы мѣшать ее въ свои споры о «мѣстахъ» и «счеты въ отечествѣ», и слишкомъ далеки были отъ такихъ выспреннихъ сочиненій и мыслей хитроумныхъ Грековъ, чтобы помнить для своихъ родословій легенду о «третьемъ Римѣ», ни съ какой стороны своимъ созданіемъ не помогавшей имъ въ ихъ практической жизни и службѣ.

И эта теорія, и засилье, и легенда о Прусѣ лишь косвенно относятся къ коренному вопросу о Пруссіи и о выѣздѣ «изъ Прусъ». Теперь важно разсмотрѣть эти вопросы по существу.

П. Н. Петровъ, какъ это выше было отмѣчено, говоритъ рѣзко и опредѣленно: «Время происхожденія рода—XIII вѣкъ, напримѣръ, была пора, когда не существовала Пруссія въ смыслѣ самостоятельнаго государства... Откуда же могли быть въ XIII вѣкѣ прусскіе подданные и прусская народность?» П. Г. Васенко выражается осторожнѣе. Указывая, что, по объясненію Устрялова, слово «Решскій» въ памфлетѣ Курбскаго значитъ «имперскій» (отъ Reich) онъ говоритъ: «А такъ какъ Пруссія въ XIII вѣкѣ не входила въ составъ имперскихъ земель, то и все преданіе надо относить къ позднѣйшему времени». Такимъ образомъ, Петровъ отрицаетъ даже существованіе прусской народности въ XIII вѣкѣ, а г. Васенко какъ-будто и признаетъ Пруссію для этой эпохи, но не такой страной, откуда могли бы пріѣхать въ Россію выходцы. Въ обоихъ взглядахъ видно ясно смѣшеніе

---

[1]) Стародубскіе князья—Пожарскіе служатъ при Іоаннѣ IV городничими, Одоевскіе при Іоаннѣ III уже были безъ вотчинъ и служили по разнымъ городамъ, Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе нанимаются въ попы и т. д.

понятій о Пруссіи современной съ Пруссіей или прусской землей XIII вѣка. Да, въ XIII в. самостоятельнаго государства Пруссіи въ нынѣшнемъ смыслѣ не было, но Прусскій народъ былъ и говорилъ на Прусскомъ языкѣ [1]). Судины (Судавія) были извѣстны уже Птоломею, который указываетъ ихъ по Балтійскому побережью. Занимали они ближайшую часть къ Литвѣ со стороны нынѣшней Германіи, между Вислой и Прегелемъ, въ близкомъ сосѣдствѣ и родствѣ съ славянскимъ поморьемъ и съ другими славянскими племенами, жившими далѣе на западъ, отъ которыхъ уцѣлѣли только Лужичане, и говорили на языкѣ, который причислялся къ Литовскому, какъ одно изъ его нарѣчій [2]). Прусовъ, кромѣ того, ставитъ наука въ связь съ Ятвягами, Жмудью, а Эстіи Вульфстона отождествляются съ Прусами. Состояла эта Пруссія изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ областей, носившихъ особыя названія. Таковы, напримѣръ, Погезанія, Помезанія, Самляндія, Натангія, Судавія, Бортеве и другія. Ломейеръ въ своей исторіи Восточной и Западной Пруссіи [3]) говоритъ, что срединное ядро Пруссіи XIII вѣка составляла земля Погезанія, мѣстонахожденіе которой опредѣляется приблизительно городами Лабштадтъ, Вормдитъ, Гутштадтъ и Гейльбергъ. Граница Погезаніи по отношенію къ Варміи была рѣка Пасаре или Серія. Въ XIII вѣкѣ входятъ въ эту область населенныя мѣста Парсукъ, Погезанія, Лаксанія, Прейсишъ-Голландъ, Замброхъ, затѣмъ Очекъ при устьѣ рѣкъ Веска и Веклица, близъ рѣки Роговы. Часть этой области называлась Hackerland-Горной, въ противоположность приморскимъ низинамъ близъ Эльбинга. Въ этой же области была мѣстность Толкемитъ, мѣсто рожденія монаха Симона Грунау, извѣстнаго фальсификатора исторіи Пруссіи. Находки арабскихъ монетъ IX—X вв. указываютъ на сношенія Прусовъ съ Поволжьемъ при посредствѣ Руси.

Знали ли нати предки о существованіи этой Пруссіи? Да, они знали, и очень хорошо. Напримѣръ, въ Уставѣ о мостовыхъ XI в., приписываемомъ Ярославу I, упоминаются не только Готы и Нѣмцы, но и Прусы [4]). Затѣмъ, Ипатьевская лѣтопись такъ говоритъ подъ 1276 годомъ: «Придоша Проуси ко Тройденеви изъ своей земли неволею передъ Нѣмци. Онъ же прия ѣ къ себѣ и посади часть и в Городнѣ а часть ихъ в Вслонимѣ». Второй разъ она уже упоминаетъ о нихъ подъ 1278 годомъ, какъ о защитникахъ Городна отъ татаръ и нашихъ князей, въ особенности отъ Юрія Львовича: «Проуси же и Бортеве выѣхавше изъ города удариша на нѣ ночь и избиша ѣ всѣ, а другихъ изоймаша и в город ведоша, а Тюима на санех везоша, бѣ бо раненъ велми». Эти двѣ выдержки ясно показываютъ, что наши предки не только знали и имя Прусовъ и фактъ ихъ спасенія отъ рыцарей Тевтонскаго Ордена въ Литвѣ, у Тройдена, но и сами приходили съ ними въ близкое соприкосновеніе и даже терпѣли отъ нихъ пораженія.

Вотъ каковы были Прусы и прусская народность въ XIII в. и привлеченіе къ нимъ позднѣйшей Пруссіи, курфюршества Бранденбургскаго и имперскихъ земель совершенно ни на чемъ не основано. Показаніе кн. Курбскаго не можетъ нисколько дискредитировать вопросъ. Онъ, во-первыхъ, не утверждаетъ, что Михаилъ былъ Решскимъ княземъ, а говоритъ осторожно: «Глаголятъ его быти съ роду княжатъ Решскихъ», а во-вторыхъ, и это «княжество Решское», т.-е. имперское, быть можетъ было раньше одной изъ областей въ землѣ Прусовъ, съ присоединеніемъ ея къ владѣніямъ

---

[1]) Всѣ дальнѣйшія указанія и свѣдѣнія взяты у Э. А. Вольтеръ. Слѣды древнихъ Прусовъ и ихъ языка въ Гродненской губ. Изв. Импер. Акад. Наукъ. Отд. русск. яз. и слов. 1911, кн. 4, у Э. Лависса, М. К. Любавскаго и др.

[2]) Новѣйшіе изслѣдователи причисляютъ Литовцевъ безусловно къ славянскому племени, а съ ними и Прусовъ. См. А. А. Погодинъ. Сборникъ статей по археологіи и этнографіи. СПБ. 1902. Гл. IX. Изъ древнѣйшей исторіи Литовскаго племени.

[3]) Lohmeyer. Geschichte von West-Preussen. 1908.

[4]) «Собраніе памятниковъ» Утина и Лазаревскаго, стр. 37—38.

Тевтонскаго Ордена уже потерявшей свое древнее названіе, какъ потеряли его всѣ прусскія области и даже города, переименованные на нѣмецкій ладъ завоевателями. Къ XVI же вѣку древняя Прусская земля уже давно входила въ составъ тогдашнихъ германскихъ земель, имѣвшихъ главою германскаго императора, почему и разныя маркграфства, герцогства, области и т. п. именовались «имперскими землями».

Наконецъ, о «плохихъ филологахъ» XVI и XVII вѣковъ. Дѣйствительно ли они смѣшивали два названія «Прусія» и «Русія» и, на основаніи созвучія ихъ, не дѣлали различія между ними? Указаній на такіе факты что-то не встрѣчалось, иначе они Русь повели бы отъ Пруса. Поэтому, думается, что такая посылка не вѣрна. Изъ предыдущаго ясно, кажется, что о Пруссіи и Прусахъ эти люди имѣли очень хорошее и точное понятіе, а рискнуть на такое сближеніе не рѣшился бы и Пахомій, выдумавшій Пруса.

При переходѣ теперь къ вопросу вообще о выѣзжихъ «изъ Нѣмецъ», «изъ Прусъ» и «изъ Варягъ», изъ «Свеи» и «изъ Литвы» и другихъ, невольно является и желаніе и необходимость выяснить, насколько русскіе люди могли знать всѣ эти страны и различіе между ними и насколько могли бы они быть правдивы какъ въ каждомъ отдѣльномъ такомъ показаніи, такъ и въ смѣшеніи ихъ. Равнымъ образомъ приходится остановиться и на томъ, были ли эти смѣшенія слѣдствіемъ незнанія, безграмотности, или же въ основѣ ихъ лежитъ, наоборотъ, извѣстное знаніе исторіи, хотя бы и не совсѣмъ ясное и затушеванное временемъ.

Не углубляясь слишкомъ далеко, можно указать уже на время, ближайшее послѣ IV вѣка, когда населеніе древней Руси познакомилось ужъ съ «Нѣмцами», какъ ихъ позже называли, а на самомъ дѣлѣ съ Готами. Знакомство это стало очень близкимъ послѣ поселенія Готовъ на Западѣ, о чемъ можно судить уже потому, что и археологическіе памятники свидѣтельствуютъ о томъ и памятники языка. Теперь уже ясно, что, напримѣръ, такое, казалось бы, русское слово, какъ «скотъ», не славянскаго происхожденія, а готское Skatts [1]), ибо у Готовъ наши отдаленнѣйшіе предки впервые познакомились со скотомъ. И это знакомство съ Готами продолжалось долго, и уже въ вполнѣ историческую эпоху Новгородъ отлично продолжалъ торговлю съ Визби, главнымъ городомъ Готланда и зналъ «Готскій берегъ», откуда и получалъ многіе товары и продавалъ свои. Сравнительно скоро послѣ перваго знакомства съ Готами, Русь приходитъ въ столкновеніе съ Скандинавами, съ Варягами, ѣздившими сперва черезъ нее въ Византію, потомъ грабившими ее и ведшими торговлю черезъ ея территорію съ Волжскими Булгарами и съ Арабами и, наконецъ, вошедшими въ нее въ качествѣ военной охраны. Это послѣднее обстоятельство дало нашимъ предкамъ IX вѣка, мирнымъ купцамъ и звѣроловамъ, не только охрану, но и извѣстную власть, положившую начало нашей первой династіи—Рюриковичей. Въ XI—XII вѣкахъ нерѣдко уже «русскіе» князья нанимали себѣ, въ случаѣ нужды, отряды Варяговъ въ 1000 и болѣе человѣкъ. Съ X и вплоть до половины XII вѣка по всей Руси обращаются, за отсутствіемъ своей монеты, монеты нѣмецкихъ городовъ, графовъ, епископовъ, герцогскія, королевскія, императорскія [2]) и др., равно какъ и англосаксонскія [3]), что несомнѣнно указываетъ на тѣсныя, хотя бы только торговыя, сношенія. Но мы знаемъ за это время и браки дочерей кіевскихъ князей съ иностранными принцами и королями [4]). Въ началѣ XIII вѣка югъ и востокъ Руси былъ захваченъ Татарами,

---

[1]) Акад. Ѳ. Е. Коршъ. О нѣк. бытов. слов., заимств. древн. славян. изъ такъ назыв. урало-алтайскихъ языковъ (Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Этногр. т. XXXIV).

[2]) Въ X по XII в. Послѣднія, по времени чеканки, нѣмецкія монеты, найденныя въ Россіи, не заходятъ за 1125 годъ.

[3]) Послѣднія около 1100 г.

[4]) Напримѣръ, дочерей Ярослава I.

ПРИБЫТІЕ КНЯЗЯ ГЛАНДЫ КАМБИЛЫ НА РУСЬ КЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ДАНИИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

[illegible] не вѣрна. Изъ предыдущаго ясно, кажется, что о Пруссіи и Пруссахъ [illegible] имѣли очень хорошее и точное понятіе, а рискнуть [illegible] въ Наѳоми, выдумавшій Пруса [illegible]

[illegible] вообще о выѣзжихъ изъ Нѣмецъ, [illegible] и изъ Литовъ и другихъ, вѣроятно [illegible] безразличности, все же до [illegible] древней Руси [illegible] Ливонцы, а на самомъ дѣлѣ съ Готами. Знакомство это было очень близкимъ послѣ поселенія Готовъ на [illegible], о [illegible] можно судить уже потому, что и археологическіе памятники свидѣ[illegible] о томъ и памятники языка. Теперь уже ясно, что, напримѣръ, [illegible] казалось бы, русское слово, какъ «скотъ», не славянскаго происхо[illegible] знакомились со скотомъ. И это знакомство съ Готами продолжалось [illegible] и тоже въ виолнѣ историческую эпоху. Новгородъ отлично продолжалъ [illegible] съ Визби, главнымъ городомъ Готланда и зналъ «Готскій берегъ», откуда и получалъ многіе товары и продавалъ свои. Сравнительно скоро [illegible] съ Варягами, ѣздившими сперва черезъ нее въ Византію [illegible] бывшими ее и ведшими торговлю черезъ ея территорію съ Волжскими Булгарами и съ Арабами и, наконецъ, вошедшими въ нее въ качествѣ [illegible]. Это послѣднее обстоятельство дало нашимъ предкамъ [illegible] купцамъ и вѣроловамъ, не только охрану, но и извѣст[illegible] въ 1000 и болѣе человѣкъ. Съ X и вплоть до половины XII вѣка по всей Руси обращаются, за отсутствіемъ своей монеты, монеты [illegible] ромейскихъ, греческихъ, епископовъ, герцогскія, королевскія, императорскія [illegible] и др., равно какъ и англосаксонскія [3]), что несомнѣнно указываетъ на вѣсныя, хотя бы только торговыя, сношенія. Но мы имѣемъ за это время и браки дочерей кіевскихъ князей съ иностранными принцами и королями [4]). Въ началѣ XIII вѣка югъ и востокъ Руси былъ захваченъ Татарами,

[illegible] Е. Коршъ. О нѣк. бытов. слов., заимств. древн. [illegible] изъ нѣм. нарѣч. урало-алтайскихъ [illegible] Р. Г. О. по отд. Этногр. т. XXXIV).

[illegible] XII в. Послѣднія, по времени чеканки, нѣмецкія монеты [illegible] въ Россіи, не заходятъ

Пріѣхалъ изъ Пскова отъ своихъ преданыхъ властелъ
Андрей Ивановичь .....

сѣверъ былъ еще пустъ и начавшее выдвигаться Московское великое княженіе осталось при знакомствѣ главнымъ образомъ съ Прусами и Нѣмцами и непосредственно, благодаря Новгороду и Пскову, и черезъ Литву и Польшу. Съ XII вѣка въ Новгородѣ уже становится извѣстной «Прусская» улица, а позже, въ 1270 году въ Новгородѣ уже появляются «скры»—акты, регулирующіе торговлю Новгорода съ Ганзой. Съ Скандинавіей, уже ставшей Швеціей, съ Балтійскимъ побережьемъ, съ Ригой, Ревелемъ и др. сношенія эти и не прекращались. Въ дальнѣйшемъ это сближеніе съ Нѣмцами шло все тѣснѣе и тѣснѣе и если былъ какъ-будто перерывъ въ пользу греко-итальянскаго вліянія при Іоаннѣ III, то почти исключительно въ религіозномъ отношеніи и въ области искусства. Но это продолжалось недолго. А съ XVI вѣка и въ этой области, а также и въ области промышленной, хозяйственной, металлургической, горной, военной и т. д. ясно берутъ верхъ во всемъ Нѣмцы и тѣснѣйшія сношенія съ ними съ тѣхъ поръ не прерываются и до сихъ поръ.

Это знакомство въ теченіе всей своей исторіи Руси съ «Нѣмцами» всѣхъ типовъ и племенныхъ различій не могло, конечно, не отразиться и на пріѣздахъ представителей этихъ странъ и племенъ въ Россію. Но кто могъ, направляясь въ Русь, въ эту страну снѣга и медвѣдей, разсчитывать на успѣхъ и удачу? Не простые рядовые чужеземцы, нищіе, являвшіеся за мелкой службой, безъ авторитета и безъ внѣшности. Выѣзжали на Русь или гонимые Нѣмцами Славяне и Полуславяне, или люди болѣе или менѣе «знатные, нарочитые». Только такіе и могли разсчитывать на благосклонный пріемъ и успѣхъ въ своемъ новомъ отечествѣ. Обмануть своимъ званіемъ и происхожденіемъ имъ было трудно: слишкомъ много и часто было точекъ соприкосновенія древней Руси съ ихъ земляками и ложность ихъ показаній не замедлила бы открыться. Вѣдь пріѣзжали они не на время, а совсѣмъ, принимали св. крещеніе, стремились занять лучшую службу. А при дворахъ нашихъ великихъ и удѣльныхъ князей не такъ-то легко было устроиться неизвѣстному пріѣзжему иновѣрцу. И коренные русскіе люди, и приближенные, и такіе же выѣзжіе, ихъ соперники, и духовенство—всѣ не очень-то ласково приняли бы безвѣстнаго выходца и всячески старались бы провѣрить его показанія.

Принимая все только что сказанное въ соображеніе, невольно приходится утвердительно сказать, что наши предки не могли не разбираться въ терминахъ «выѣзжій изъ Прусъ, изъ Нѣмецъ, изъ Варягъ, изъ Свеи» и т. д. И не могли они также не знать про печальный конецъ Прусовъ, бѣгство части ихъ въ Литву, почему, вѣроятно, и оказался въ одной изъ рукописей выѣздъ Андрея Кобылы «изъ Литвы» и про порабощеніе ихъ Тевтонскимъ Орденомъ, «Нѣмцами», какъ говоритъ объ этомъ Ипатьевская лѣтопись. Мало того, запись въ родословной XVI вѣка по списку А. Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ рода Андрея Ивановича Кобылы: «Родъ Андрея Ивановича Кобылы выѣхалъ изъ Прусскія земли изъ Нѣмецъ»—ясно указываетъ, что они отлично знали, ибо выраженіе «изъ Прусскія земли, изъ Нѣмецъ» вполнѣ соотвѣтствуетъ исторіи: вѣдь земля Прусовъ была въ концѣ XIII вѣка окончательно завоевана Тевтонскимъ Орденомъ и съ тѣхъ поръ вошла въ составъ германскаго, «нѣмецкаго», обладанія.

III.

Выше уже сказано, что мнѣнія Колычева, встрѣтившія поддержку въ XVIII столѣтіи и особенно сильную по отношенію къ Гландѣ Камбилѣ въ началѣ XIX в. у барона Кампенгаузена, въ дальнѣйшемъ мало пользовались почетомъ, а новѣйшіе историки стали относиться къ нимъ исключительно отрицательно, считая все это баснословіемъ или миѳомъ. Тѣмъ не менѣе, основываясь на результатахъ, къ которымъ пришлось прійти при разсмотрѣніи вопроса о «выѣзжихъ изъ Прусъ», представляется далеко небезынтереснымъ познакомиться поближе какъ съ теоріями Колычева, барона Кампенгаузена и др., такъ и ихъ противниковъ. Поэтому здѣсь умѣстно будетъ привести подробнѣе и тѣ и другіе, начавъ съ вопроса о Гландѣ Камбилѣ.

Въ своей «Исторіографіи, вкратцѣ собранной отъ разныхъ хроникъ и лѣтописцевъ» [1]), Ст. Колычевъ утверждалъ, что одинъ изъ потомковъ сына Вейдевуда Недрона Гландосъ Камбила въ 1280 году принялъ у себя на родинѣ крещеніе по католическому обряду, а «въ 1283 году упомянутый Гландосъ Камбила Дивоновъ сынъ, изъ дому Недрона Ведевитовича поколѣніе свое линейно производящій, самъ пріиде къ Московскому князю Данилѣ Александровичу всея Россіи самодержцу и тотъ его крестилъ въ законъ греческаго исповѣданія, понеже онъ и прежде окрещенъ былъ въ Римскую, а изъ Римской въ Греческую, что и нынѣ всуе творятъ Латынники... А что того славнаго Камбилу или Гланда Камбиліона стали нарицать Кобыла и то мню учинено съ недозрѣнія особы его. Въ томъ вѣку нарещи иноземческихъ прозваній многіе не умѣли и съ истиною того прозванія знатно распознавать не умѣли или не хотѣли; а наипаче древніе писари Русскіе, недовольные въ грамматическихъ ученіяхъ, вельми иноземныя прозванья и имена отмѣняли, недописуя вѣрно, или съ прибавкою отъ незнанія писали. Мню, посему, что вмѣсто Камбилы или Камбиліона, написано просто Кабыла отъ древнихъ писцовъ, съ убавленіемъ литеры».

Мальгинъ въ своемъ «Зерцалѣ Русскихъ Государей въ 1794 г.» выражается кратко: «потомство его (Вейдевуда) разрослось до 9 колѣнъ, вплоть до князя Гланды, котораго признаютъ братомъ Прусскаго князя и который въ исходѣ XIII вѣка (а по другимъ въ половинѣ XIII вѣка) прибылъ въ Россію; крестился въ 1283 г. и во св. крещеніи нареченъ Іоанномъ».

Въ Общемъ Гербовникѣ 1797 года, издаваемомъ Департаментомъ Герольдіи, сказано: «Какъ видно изъ представленныхъ выписокъ изъ историковъ древней Пруссіи, изъ Прусскаго гербовника и изысканій въ Архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, основной Родъ Романовыхъ происходитъ отъ Андрея Ивановича Кобылы, потомка короля Прусовъ Вейдевуда... Одинъ изъ потомковъ его (Вейдевуда) четвертаго сына Недро, владѣтель Судавіи, Самогитіи и т. д. Гланда Камбила Дивоновичъ, обезсиленный борьбою съ крестоносцами и ими побѣжденный, удалился съ сыномъ и многими вассалами въ Россію и перешелъ въ подданство къ великому князю Александру Ярославовичу Невскому. Во святомъ крещеніи онъ получилъ имя Ивана, а сынъ его, обыкновенно называемый Кобылою,—имя Андрея».

Баронъ Кампенгаузенъ, предпославъ разсказъ о борьбѣ Прусовъ въ XIII вѣка съ Нѣмецкимъ Орденомъ и о торжествѣ послѣдняго, говоритъ такъ [2]): «По сохранившемуся преданію, многіе князья и полководцы, какъ древней Пруссіи, а такъ и прилегавшихъ къ ней Литовскихъ земель, черезъ кото-

---

[1]) Рукопись 1722 г. А. Барсуковъ. «Родъ Шереметевыхъ», кн. I.

[2]) Какъ этотъ, такъ и послѣдующіе переводы взяты у Н. Н. Селифонтова.

рыхъ размножались потомки прежнихъ державцевъ покоренной страны, частью были лишены свободы и взяты подъ стражу, а частью бѣжали въ сосѣднія государства. Однимъ изъ такихъ бѣглецовъ князей или державцевъ былъ Гланда, сдѣлавшійся потомъ родоначальникомъ Дома Романовыхъ». Въ главѣ, посвященной Гландѣ, онъ пишетъ: «Кто былъ этотъ Гланда до прибытія его въ Россію? Когда онъ прибылъ въ нее? Что его къ этому побудило? Обнаруженное новѣйшими изслѣдованіями по симъ вопросамъ сходство показаній, которыя мы находимъ какъ во многихъ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ, такъ и въ разныхъ историческихъ и семейныхъ матеріалахъ и актахъ, дозволяетъ съ увѣренностью установить, что Гланда (или Гландаль) Камбила Дивоновичъ былъ не только пращуромъ или основателемъ прародительскаго Рода Романовыхъ, но что онъ былъ выходцемъ изъ Самогитіи и сосѣдней съ нею Зюдъ-ауеръ-ландіи (Südauer-Lande), былъ въ этихъ странахъ державцемъ и, по преданію, принадлежалъ къ княжескому роду, съ древнихъ временъ вокняжившемуся надъ Прусско-Литовскими племенами... Указанное выше происхожденіе Гланды было отмѣчено его потомками занесеніемъ въ родовой гербъ такихъ эмблемъ, какъ корона, скипетръ, держава и священный дубъ, бывшій предметомъ особеннаго поклоненія Прусовъ, Самогитовъ, Куроновъ и ихъ князей... Составитель Общаго Гербовника дворянскихъ родовъ... и наши новые писатели возводятъ Гланду въ владѣтели странъ Зюдъ-ауенъ (Süd-auen), Самогитіи и т. д. и при разногласіи въ вопросѣ о томъ, въ которомъ году Гланда прибылъ въ Россію, сходятся между собою въ показаніи, что прибытіе это имѣло мѣсто въ XIII вѣкѣ: И вотъ почему должны обратиться къ Самогитско-Литовской исторіи XII вѣка, которая къ тому времени была бы для обѣихъ странъ общая...» Затѣмъ, разсказавъ исторію столкновенія Литвы и Самогитіи съ Орденами Тевтонскимъ и Меченосцевъ въ Лифляндіи и отмѣтивъ, что среди державцевъ Самогитіи ему не встрѣтилось ни одного съ именемъ Гланды, бар. Кампенгаузенъ высказываетъ предположеніе, что Гланда Камбила могъ быть или главнымъ или удѣльнымъ княземъ въ Самогитіи (или Шамонтіи) или же «владѣть цѣлою Судавской землицей». Затѣмъ онъ переходитъ къ вопросу о времени прибытія Гланды въ Россію и къ мнѣніямъ по этому вопросу и дѣлаетъ выводъ, что прибытіе Гланды скорѣе всего надо отнести «къ послѣдней четверти XIII вѣка, которое и могло послѣдовать или въ великое княженіе Василія Ярославича (съ 1272—1276 гг.) или въ великое княженіе сына Александра Невскаго—Дмитрія Александровича, продолжавшееся съ 1276 по 1294 г.». Что же касается до причины выѣзда Гланды въ Россію, бар. Кампенгаузенъ предполагаетъ, «что Гланду побудили къ удаленію изъ его отечества тѣ разные набѣги, которые рыцари Нѣмецкаго Ордена учиняли въ промежутокъ времени между обоими вышеуказанными событіями 1272—1294 гг. [1]. Если же годъ крещенія Гланды 1287—можетъ быть оспоренъ, то всеконечно покореніе Самогитіи въ 1294 г. было наивѣроятнѣйшею причиною выселенія Гланды, тѣмъ болѣе, что исторія намъ говоритъ, что въ это время покинули свое отечество многіе Самогитскіе знатные люди и властители».

Изъ послѣднихъ по времени изслѣдователей, склоняющихся къ теоріямъ Колычева и бар. Кампенгаузена о Гландѣ Камбилѣ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще объ А. Барсуковѣ [2]), какъ объ одномъ изъ наиболѣе осторожныхъ писателей. Въ своемъ не разъ цитированномъ трудѣ онъ, приведя вкратцѣ разсказъ Колычева, говоритъ такъ: «Вотъ единственный цѣльный разсказъ

---

[1]) Разбитіе Судавіи въ 1271 г. и завоеваніе рыцарями Шамонтіи въ 1294 г.

[2]) Также и о Знаменскомъ архимандритѣ Сергіи, издавшемъ въ 1866 г. «Историч. описаніе Знам. мон., что на старомъ Государевомъ дворѣ». Стр. 6, гл. 5.

серьезныя изданія и этого даже не сдѣлали, то взглядъ А. Е. Прѣснякова опустить нельзя. На страницѣ 31—32 I тома «Трехъ вѣковъ» онъ говоритъ слѣдующее: «Предковъ этой (Романовыхъ) семьи знаемъ съ XIV вѣка въ ближайшемъ окруженіи великихъ князей Московскихъ. Но происхожденіе ея мудрено прослѣдить по нашимъ источникамъ. Извѣстное преданіе, что первый изъ этого рода, кого мы знаемъ по имени Андрей Кобыла, былъ выходцемъ на московскую службу «изъ Прусъ», владѣтелемъ, далеко отъ достовѣрности. Позднѣе, одинъ изъ потомковъ Андрея Кобылы Ст. Ал. Колычевъ, составляя въ 1722 году свою «Исторіографію вкратцѣ», истолковалъ его прозвище, какъ искаженіе имени мнимаго литовскаго князя Камбилы... Сомнительной цѣнности преданіе объ иноземномъ происхожденіи Андрея Кобылы не исключаетъ возможности предположенія, что передъ нами старинная семья княжескихъ бояръ-дружинниковъ».

Таковы существующія въ научной литературѣ важнѣйшіе и наиболѣе обстоятельные взгляды и мнѣнія противниковъ Гланды Камбилы. Дѣйствительно, прямыхъ указаній на Гланду нѣтъ ни въ нашихъ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ фамиліяхъ, производящихъ себя отъ Андрея Кобылы, ни у Колычева или бар. Кампенгаузена и ихъ послѣдователей. Но если бы таковые были, то нечего было бы и спорить и опровергать. Однако, на чемъ-нибудь да основывались и Колычевъ и бар. Кампенгаузенъ? Они упоминаютъ и объ историческихъ памятникахъ и о семейныхъ преданіяхъ, не указывая ихъ точно. Послѣднія, т.-е. семейныя преданія, отыскать или провѣрить, конечно, трудно, почти невозможно. Но историческіе памятники слѣдуетъ просмотрѣть и лишь тогда окончательно высказаться по вопросу. Къ этимъ памятникамъ теперь и будетъ приступлено.

Раньше уже было указано вкратцѣ на исторію Прусовъ и ихъ отношенія къ Нѣмцамъ и Литвѣ и на знакомство древней Руси съ Прусами. Но что извѣстно о бытѣ этого народа, въ особенности по отношенію къ управленію и власти, существовавшей у нихъ? На это находится достаточно указаній въ цитированномъ уже трудѣ проф. М. К. Любавскаго. Такъ, напримѣръ, древнѣйшая польская хроника Мартина Галла, доводящая свой разсказъ до 1113 года, говоритъ, что «земля ихъ (Прусовъ) представляетъ какъ бы острова, окруженные болотами и озерами; эти острова и подѣлены между жителями селеній на наслѣдственные участки». Въ это время, въ XII—XIII вв., говоритъ проф. Любавскій, вся территорія литовскихъ племенъ является подѣленною на постоянные округа, носящіе свои названія. Эти округа остались и впослѣдствіи мелкими областными единицами, получившими въ верхней Литвѣ и Жмуди русское названіе волостей. Каждый изъ этихъ округовъ является территоріею самостоятельнаго общественнаго союза. Эти мелкіе общественные союзы, повидимому, развились изъ родственныхъ союзовъ... Что родственная организація предшествовала политической у Литовцевъ, какъ и у другихъ народовъ, на это прямое указаніе даетъ Петръ Дусбургскій, относя его къ Прусамъ. «Если случается у нихъ убійство,—говоритъ онъ,—то не можетъ быть никакой сдѣлки, пока родственники убитаго не убьютъ убійцу или его родственниковъ». Но эта организація... съ теченіемъ времени превратилась... въ организацію чисто политическую. Родичи размножились, утратили чувство родственной близости, подѣлили землю, приняли въ свою среду чужеродцевъ и въ такомъ видѣ продолжали жить подъ одною властью, дѣйствовать сообща и солидарно въ отношеніи къ сосѣднимъ общинамъ. Въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка мелкіе общественные союзы Литовцевъ были въ большинствѣ, несомнѣнно, уже чисто политическими соединеніями. Въ литовскихъ волостяхъ мы замѣчаемъ раздѣленіе земель... Источники говорятъ, кромѣ того, о лучшихъ людяхъ, о благородныхъ, о знатныхъ, называютъ даже князей и королей въ волостныхъ общественныхъ груп-

пахъ. Петръ Дусбургскій говоритъ, что Жмудь управлялась 70 царьками (septuaginta reguli); въ другомъ мѣстѣ онъ уже говоритъ о «nobiles per quos Sammetia tunc regebatur»,—о знатныхъ, которыми тогда управлялась Саметія (Самогитія). Риѳмованная лифляндская хроника говоритъ о «kunige von Samaiten». Наши лѣтописи XIII вѣка полны извѣстіями о многочисленныхъ князьяхъ литовскихъ. Новгородская лѣтопись сообщаетъ, напримѣръ, что Александръ Невскій въ битвѣ подъ Торопцомъ убилъ 88 князей, а преслѣдуя ихъ далѣе побилъ и остальныхъ. Волынская лѣтопись, описывая битвы Даніила Романовича съ Ятвягами, говоритъ одинъ разъ: «и много князей ятвяжскихъ было избито»; въ другой разъ прямо указываетъ число—40. Петръ Дусбургскій, разсказывая о завоеваніи Пруссіи Нѣмцами, постоянно упоминаетъ о туземныхъ вождяхъ... которые дѣйствуютъ самостоятельно, не подчиняясь одинъ другому. Но кто же такое были эти вожди, къ которымъ Нѣмцы не умѣли примѣнить никакого титула западной феодальной іерархіи и называли ихъ безразлично именами: «rex, regulus, dux, nobilis, magistratus, castellanus, capitaneus» и т. д.? Кто такое были тѣ, кого наши лѣтописи называютъ князьями, а литовскіе источники рикасами (rikai) и кунигасами (kunigai)? Очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ нихъ были потомками родовыхъ старѣйшинъ, происходившими изъ старшихъ линій разросшагося рода «nobiles die Edelsten». Но чаще всего, по всѣмъ признакамъ, это были вожди, избираемые народомъ... Такихъ именно «praepotentes, pociores dominos» изображаетъ постоянно Петръ Дусбургскій въ лицѣ Прусскихъ вождей. Они являются, такъ сказать, естественными предводителями, около которыхъ и подъ власть которыхъ должно было собираться населеніе волости въ случаѣ нападенія извнѣ».

Въ XIII вѣкѣ Нѣмцы, въ лицѣ рыцарей Ордена Меченосцевъ и Прусскаго (Тевтонскаго) Ордена вступили въ упорную и ожесточенную борьбу съ прусскими племенами. Эти послѣднія, будучи не въ силахъ сопротивляться могучему натиску прекрасно организованныхъ и превосходно вооруженныхъ воиновъ, закованныхъ въ латы, предъ которыми безсильны были луки и стрѣлы Прусовъ, невольно были побѣждаемы, завоеваны и изгоняемы изъ родныхъ предѣловъ. Куда имъ было спасаться какъ не въ родныя племена—въ Литву. И вотъ «придоша Проуси ко Тройденеви изъ своей земли неволею передъ Нѣмцы». Это было въ 1276 году. Орденскіе источники «Chronicon terrae Prussiae» Петра фонъ-Дусбурга (Peter von Dusburg) и «Die Kronike von Pruzin lant» Николая фонъ-Іерошина (Nicolaus von Ierochin) подтверждаютъ эти показанія слѣдующими разсказами объ отчаянномъ сопротивленіи Ордену Прусовъ изъ земли или области Погезаніи [1]). «Eodem anno, tempore autumni, fratres iterum armata manu intraverunt praedictam terram Pogesanie et vastata iterum incendio et rapina, captis et occisis omnibus, praeter paucos, qui cum familia sua versus Lithowiam ad territorium castri Garthe secesserunt, ipsam in solitudine redegerunt, т.-е. «въ томъ же году, осенью, братья снова вторглись вооруженною рукою въ вышеупомянутую землю Погезанію и снова, опустошивъ ее пожаромъ и грабежами, взявши въ плѣнъ и убивъ всѣхъ, кромѣ немногихъ, которые съ семьями своими убѣжали въ Литву, въ область Городни, ее (Погезанію) обратили въ пустыню». Почти слово въ слово говоритъ объ этомъ походѣ 1276—1277 гг. рыцарей и риѳмованная хроника Іерошина [2]):

In des selbin jâris vart,
dô dî herbistzit gewart,
di brûdir abir in vreise
stiftin eine reise

---

[1]) Scriptores rerums Prussiae. I. 136.
[2]) Ibid. I. 494.

zu Pogesenin in daz lant
und daz mis creftigir hant
hernde durchtreibitin
und ôt da nicht leibitin,
non habe noch gebuide;
ouch al des landis luide,
jung und alt, wib unde man
sach man si vîl gar irslan
unde van gemeine;
doch genas ir cleine,
di vluchtig intwichin
und kegn Littouwin strichin
in daz gebit zu Gartin
da si sich bewartin
mit irm gesinde vor der nôt.
Sus wart worwust di gegenôt».

Какъ видно изъ Орденской хроники, этотъ походъ рыцарей противъ Прусовъ былъ второй (iterum); первымъ она считаетъ разгромъ возстанія Прусовъ противъ Нѣмцевъ, начавшагося въ 1260 году и закончившагося пораженіемъ возставшихъ въ 1273 году. Предводителемъ этого возстанія былъ въ Погезаніи кунгасъ Autume (отъ литовскаго «auctumas, attumas»—старшина, начальникъ, вождь), а послѣ его смерти Линко. Въ 1273 году возстаніе это кончилось, и всѣ начальники или полководцы Прусовъ были побѣждены. Среди нихъ были; вождь Самландіи—Гланде, вождь Бортеве—Дивоне-Клекинисъ (Divonis Klekinis), вождь Натангіи—Генрихъ Монте, вождь Варміи—Глаппе. Но спустя три года Прусы возстали снова, имѣя во главѣ Погезанцевъ и Бортеве, въ 1273 году ушедшихъ въ Литву «неволею передъ Нѣмци» чтобы сохраниться отъ нѣмецкихъ стѣсненій—da sie sich bewartin mit irm gesinde von der nôt.

Послѣ перваго возстанія часть Прусовъ, Самбиты, Натаганцы и Вармы такъ или иначе подчинились Ордену и приняли христіанство; непримиримыми остались Погезанцы и Бортеве, какъ это только что было указано. Но въ 1284 году, по Орденскимъ источникамъ, все же два Бортина—Дирске (Дерско) и Нумэ (Нумо) измѣнили Литовцамъ и ушли въ Погезанію «et habitaut ibi sicut prius». Перемиріе продолжалось недолго, и уже черезъ два года, въ 1286 году, Прусы снова возстаютъ противъ Ордена подъ общимъ предводительствомъ Руенскаго (Рюгенскаго) князя Вацлава II. И это возстаніе окончилось неудачей Прусовъ. «Хроника земли Пруской» такъ разсказываетъ объ этомъ «уже четвертомъ мятежѣ (apostata quarta)»:.... quod verebar, accidit... Barthenses, qui nuper gracie fratrum fuerant restituti et Pogesani et ceteri di Prussia, volentes secundum solite malicie sue consuetudine iterum fratribus rebellare, confederationem fecerunt cum quibusdam de Prussia, quorum detestabile factum, bene hic meruit, quod eorum nomina in publicam redigentur formam; sed propter status ipsorum reverenciam est obmissum. Convenerunt itaque sub hiis pactis, ut principem Ruyanorum cum valido exercitu invitarunt, ex ejectis fratribus de terra Prussia, ipsum regem et dominum suum constituerunt. Quod factum detestabile in edeficacione Roganite detectum fuit et quilibet de Barthe et Pogesania hujus nefande conspiracionis reus recepit mercedem debitam pro labore», т.-е. «чего я опасался, случилось... Борты, которые недавно были возстановлены милостью братьевъ (т.-е. рыцарей), и Погезанцы и другіе Прусы, желая по своей обычной злостности (коварности) снова возстать противъ братьевъ, заключили союзъ съ нѣкоторыми Прусами, отвратительный поступокъ коихъ очень заслуживалъ того, чтобы имена ихъ были публично обнародованы; но изъ уваженія къ нимъ самимъ это отлагается. Соединились они подъ тѣмъ условіемъ, чтобы пригласить князя Руенскаго съ солиднымъ войскомъ

(составленнымъ) изъ прусскихъ бѣглецовъ и провозгласить его царемъ и господиномъ. Этотъ отвратительный фактъ былъ объявленъ въ Роганитѣ, и виновникъ этого несчастнаго соглашенія принялъ отъ Бортовъ и Погезанцевъ условленную награду за трудъ».

Этихъ выдержекъ вполнѣ достаточно, чтобы прійти къ слѣдующимъ яснымъ выводамъ, а именно:

1. Прусы дѣлились на отдѣльныя области, носившія разныя названія—Погезанія, Бортеве, Варме, Самландія, Руенъ и др.

2. Эти области управлялись особыми главами, которыхъ источники называютъ князьями (kunigas), рикасами (rikai), королями (rex), царьками (regulus), вождями (dux), старѣйшинами, знатными, благородными (nobiles) и т. п.

3. Гонимые Тевтонскимъ Орденомъ, они, въ эпоху 1260—1284 гг., боролись съ Нѣмцами за независимость, въ концѣ-концовъ потеряли ее, и часть ихъ, примирившись съ этимъ, осталась подъ властью Ордена, часть же переселилась въ родственную Литву.

4. Среди переселившихся были: Самляндцы съ своимъ вождемъ Гландой, Бортеве—съ Дивоне-Клекине, Натанцы—съ Генрихомъ Монте, Вармійцы съ Глаппе и Погезанцы съ Липко и др. Изъ нихъ только Бортеве и Погезанцы остались навсегда въ Литвѣ; остальные изъ упомянутыхъ здѣсь племенъ вернулись на родину и приняли христіанство отъ Ордена.

5. Всѣ эти Прусы, какъ и ихъ вожди, переселялись съ своими семействами.

6. Среди вождей Прусовъ оказались имена Гланде и Дивоне, вполнѣ соотвѣтствующія именамъ Гланды и отца его Дивона, на которыхъ указываетъ Колычевъ по семейнымъ преданіямъ.

7. Бортеве поселились въ Литвѣ, какъ объ этомъ говоритъ Ипатьевская лѣтопись и прусскія хроники.

8. Семейныя преданія о времени выѣзда Гланды въ Москву соотвѣтствуютъ исторіи борьбы Прусовъ за независимость.

Итакъ, указанія на выѣздъ «изъ Прусскія земли», «изъ Нѣмецъ» и на имя «Гланды, Дивонова сына» находятъ себѣ въ исторіи: первое—полное подтвержденіе, второе—подтвержденіе существованія «державцевъ, владѣтелей, нарочитыхъ и знатныхъ» людей въ Пруссіи и этихъ именъ—Гланды и Дивона.

Но Колычевъ, а за нимъ бар. Кампенгаузенъ и другіе соединяютъ эти имена въ главное имя и отчество одного лица и придаютъ этому предполагаемому прародителю Романовыхъ еще третье—Камбила или Камбиліонъ, котораго въ указанныхъ источникахъ не оказалось.

Прежде о соединеніи этихъ именъ. Разъ оба эти имени существовали у Прусовъ, разъ ихъ носили ихъ вожди, разъ эти послѣдніе переселились въ Литву съ своими семействами, то ничего нѣтъ невѣроятнаго и невозможнаго въ томъ, что сынъ или одинъ изъ сыновей вождя племени Бортеве—Дивона носилъ имя Гланды. Когда такъ подтверждается исторіей рядъ важнѣйшихъ фактовъ семейнаго преданія, то вполнѣ позволительно сдѣлать это совершенно логическое предположеніе о сынѣ Дивона—Гландѣ. Теперь это уже не можетъ казаться ни сказкой, ни баснословіемъ.

Относительно Камбилы-Камбиліона, сохранившагося тоже только въ преданіи, можно высказать лишь одно, опять-таки вполнѣ возможное и логическое, заключеніе, что это было прозвище, которыми такъ богато было то время и которыя, внѣ христіанства, создавали имена, а въ христіанствѣ—фамиліи. А что это практиковалось и у Прусовъ, то на это ясно указываетъ имя вождя Бортеве—Дивоне-Клекине—Klekinis, изъ котораго первое, т.-е. Дивонъ, было именно имя, а второе—прозвище. По-литовски слово Klokis значитъ «медвѣдь», имя же Дивона имѣетъ корнемъ Dievas—Богъ. Что значитъ Камбила—сказать трудно. Указаніе на Cabilo въ Вар-

минскихъ памятникахъ интересно только въ томъ отношеніи, что имя это звучитъ довольно близко къ «Камбила», относится къ концу XIII вѣка и къ мѣстности несомнѣнно бывшей въ близкомъ соприкосновеніи съ Литвой. Для отождествленія же личности владѣльца Нолабена съ Гландой Камбилой или Андреемъ Кобылой нѣтъ никакихъ данныхъ, какъ на то уже указалъ П. Г. Васенко въ примѣчаніи 19-мъ: «Такая возможность, по нашему мнѣнію, мало вѣроятна. Во всякомъ случаѣ, разстояніе отъ князя, хотя бы и мелкаго, до ничтожнаго вассала, выставлявшаго на службу всего одного всадника (рыцарское «копье» состояло изъ нѣсколькихъ человѣкъ), слишкомъ велико, чтобы можно было сводить вмѣстѣ эти три показанія». Соблазнительнымъ является сопоставленіе прозвища «Камбила», какъ прозвища, съ названіемъ одной изъ древнѣйшихъ шотландскихъ фамилій Campbell. Шотландцы—смѣсь древнихъ Головъ, народа кельтическаго происхожденія, одинаковаго со Скотами (древними ирландцами), Пиктами, Бриттами и Англами, а также съ сильной примѣсью Саксовъ. Кэмпбелли ведутъ свое начало съ континента и родъ свой причисляютъ къ англо-саксонскимъ, удалившимся съ континента подъ натискомъ Нормановъ. Жители низменной части Шотландіи очень часто и сильно напоминаютъ жителей Сѣверной Германіи и, быть можетъ, въ нихъ течетъ и кровь Прусовъ. Это не значитъ еще, конечно, что они именно этого происхожденія, но что древнѣйшія прозвища восточной половины Европы могли перейти и въ древнюю Британію и сохраниться тамъ, это болѣе чѣмъ возможно. Однако, значеніе слова Campbell неизвѣстно. Его сопоставляли съ римскимъ Campus belli, но по смыслу это сочетаніе трудно допустимо, хотя вообще римское вліяніе могло, конечно, отразиться и на прозвищахъ древнихъ народовъ восточной части Европы. Нельзя еще не отмѣтить при этомъ, что дѣленіе Шотландіи на кланы, управлявшіеся отдѣльными вождями, очень походитъ и на дѣленіе Прусовъ на отдѣльныя области съ такимъ же верховнымъ управленіемъ. Во всякомъ случаѣ, сказать сейчасъ что-нибудь о корнѣ, значеніи и происхожденіи прозвища «Камбила» очень трудно. Что же касается до предположенія Колычева, что прозвище Андрея Ивановича—Кобыла—есть искаженіе въ русскомъ уже языкѣ «Камбилы» и что, вмѣсто Камбилы или Камбиліона, написано просто Кобыла, «отъ древнихъ писцовъ съ убавленіемъ литеры», то оно вполнѣ возможно, и противъ такого предположенія почти не протестуютъ и противники его. Къ этому можно прибавить еще слѣдующія соображенія.

Старинныя русскія прозвища или, какъ ихъ нѣкоторые называютъ, имена давались русскимъ народомъ не какъ попало, а вполнѣ сознательно, тонко подмѣчая особо характерные факты и оттѣнки и жизни, и дѣятельности какого-либо лица и внѣшняго вида его, и внутреннихъ качествъ и достоинствъ, и обстоятельствъ его жизни. Всѣ они, въ общемъ, дѣлятся на мужскія и женскія и общія тѣмъ и другимъ съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ окончанія въ мужскомъ и женскомъ родѣ, въ случаѣ надобности. Какъ на примѣръ можно указать на слѣдующія этого типа прозвища—Малюта (муж. и женск.), Досада (тоже), Томило—Томила, Смиренко—Смиренка, Жданъ—Ждана, Некрасъ—Некраса, Нелюбъ—Нелюба и другія. Характернымъ по отношенію къ первымъ двумъ категоріямъ этихъ именъ-прозвищъ является то, что характеризующія мужской родъ прозвища не давались въ качествѣ женскихъ именъ, ни наоборотъ. Такимъ образомъ, нѣтъ и нельзя ожидать встрѣтить, напримѣръ, женщину съ прозвищемъ Жеребецъ, Горланъ, Иноходецъ, Лихачъ, Окунь, Пѣтухъ и т. п. или мужчину—Лебединая Шея [1]), Перепелка, Чернявка и др. И только въ особыхъ случаяхъ,

[1]) Просто «Шея» конечно встрѣчается и у мужчинъ.

можно встрѣтить прозвища у мужчины чисто женскаго характера, или когда оно даетъ общее представленіе о характерѣ человѣка, независимо отъ его пола, какъ, напримѣръ, «Кошка», или же исключительно, какъ бранное, грубое, насмѣшливое прозвище, сохранившееся все же въ документальныхъ данныхъ, какъ «уличное», «базарное», прозвище, единственная отмѣтка даннаго лица. Этого послѣдняго типа прозвища всѣ относятся къ «черному» народу, къ «холопамъ» и «кабальнымъ» людямъ, но никогда никакого грубо-насмѣшливаго прозвища не встрѣчается ни въ одномъ родословіи, ни въ Бархатной книгѣ, ни внѣ ея, кромѣ рѣдкихъ случаевъ въ писцовыхъ книгахъ. Прозвище «Кобыла», примѣненное къ мужчинѣ, какъ разъ является такимъ насмѣшливымъ, и потому, видя его у нѣкоторыхъ новгородскихъ людей XVI вѣка, нельзя найти ни одной женщины съ таковымъ прозвищемъ. И до сихъ поръ въ низшихъ классахъ не рѣдкость слышать это слово, но всегда, какъ презрительное. Какимъ же образомъ оно могло оказаться у мужчины, у боярина, у особо довѣреннаго и приближеннаго лица, посла великаго князя Московскаго Симеона, недаромъ прозваннаго Гордымъ? Какъ оно могло войти и потомъ, въ XVI и XVII вв. въ родословныя такихъ родовъ, какъ Романовы, Шереметевы, Кольчевы и др., когда представители его уже давно писались съ «вичемъ», когда такъ щепетильно и болѣзненно самолюбиво относились представители родовъ къ разнымъ прозвищамъ и уже установили свои фамильныя прозванія?

Единственное объясненіе этому можно видѣть только въ томъ, что это прозвище «Кобыла» было не чисто русское имя-прозвище, а искаженіе какого-либо иностраннаго. А русскій человѣкъ и до сихъ поръ мастеръ искажать иностранныя имена и слова, иной разъ даже до неузнаваемости. Вѣдь превратились же Гамильтоны въ Хомутовыхъ, Стокгольмъ въ Стекольный, герцогъ Зюдерманландскій XVIII в. въ Сидора Ермолаевича и т. д. Поэтому болѣе, чѣмъ возможно, даже навѣрное, что прозвище Андрея Ивановича, боярина Московскаго Двора XIV в., произошло отъ какого-нибудь иноземнаго имени. А разъ семейныя преданія указываютъ на Камбилу, то за принятіе такого объясненія оказывается настолько достаточныхъ основаній, что можно принять и это преданіе, какъ заслуживающее полнаго уваженія.

Въ статьѣ своей «Розысканія Кледена о Славянахъ въ нынѣшней (Браниборской) Бранденбургской области» въ «Сборникѣ» Валуева [1]) А. Хомяковъ говоритъ, что Маріенбургъ, основанный Тевтонскимъ Орденомъ въ 1274 году, назывался по-славянски Kabelitz, и приравниваетъ это слово къ «кобылицѣ». Если это такъ, и kabelitz значило дѣйствительно кобылица, то это, быть можетъ, тоже давало бы путь къ объясненію «Кобылы», но подтвержденія этому нѣтъ, и здѣсь это упоминается лишь для полноты указаній на созвучныя прусско-славянскія и русскія слова XIII вѣка.

Во всякомъ случаѣ, въ конечномъ результатѣ и Гланда, и Камбила, и Дивонъ—всѣ эти имена, эпоха, выѣздъ «изъ Прусскія земли, изъ Нѣмецъ», находятъ себѣ всѣ данныя для ихъ утвержденія и признанія.

Какое же имя получилъ при крещеніи Гланда, Іоаннъ или Михаилъ? За первое говорятъ семейныя преданія Кольчевыхъ и родословныя многихъ родовъ съ Романовыми во главѣ, ведущихъ себя отъ Андрея Ивановича Кобылы; въ пользу второго какъ-будто высказываются и кн. Курбскій и нѣкоторые списки родословныхъ Шереметевыхъ. Это разногласіе въ христіанскомъ имени прародителя Романовыхъ также служило поводомъ къ опорочиванію указаній на его иноземный выѣздъ. Отвѣтить на этотъ вопросъ категорически, такъ, чтобы оспаривать его было невозможно,

---

[1]) Историческій и статистическій сборникъ, изд. Д. Валуевымъ. М. 1846, стр. 229.

конечно, нельзя, и никто не можетъ этого сдѣлать ни за ни противъ. Но опять-таки возможны соображенія, опирающіяся на историческіе факты. Такъ, въ исторіи Прусовъ извѣстно, что Тевтонскій Орденъ принималъ не только военныя, но и всевозможныя мѣры къ покоренію Прусовъ и, въ особенности, къ обращенію ихъ въ христіанство, не отступая при этомъ ни передъ какими жестокостями. Петръ Дусбургскій передаетъ, напримѣръ, что, чувствуя приближеніе возстанія, одинъ изъ сановниковъ Ордена пригласилъ къ себѣ на обѣдъ большое общество знатныхъ Прусовъ, казавшихся ему подозрительными, напоилъ ихъ и, затѣмъ, уйдя и заперевъ всѣ выходы, поджегъ замокъ, который и сгорѣлъ до тла вмѣстѣ съ довѣрчивыми гостями. Дѣтей знатныхъ Прусовъ рыцари хватали, крестили и отдавали въ монастыри на воспитаніе. Однако эти невольные плѣнники при первыхъ же признакахъ возстанія бѣжали на родину и боролись противъ рыцарей еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ и упорствомъ. Отсюда очень вѣроятна возможность, что и Гланда могъ въ молодости оказаться такимъ плѣнникомъ, могъ быть окрещенъ по католическому обряду, получивъ при этомъ имя Михаила, а, быть можетъ, и оба—Михаилъ-Іоаннъ, что такъ распространено въ католическомъ мірѣ, затѣмъ бѣжалъ оттуда, боролся противъ Ордена и удалился съ отцомъ въ Литву. Изъ Литвы же онъ, уже самостоятельный глава рода, перешелъ на Русь, гдѣ и крестился по православному обряду, получивъ имя Іоанна, или же просто сохранилъ его и при этомъ второмъ крещеніи. Такимъ образомъ, и это семейное преданіе Колычева не противорѣчитъ эпохѣ и сопровождавшимъ ее обстоятельствамъ и объясняетъ кажущееся несогласіе въ показаніяхъ кн. Курбскаго и нѣкоторыхъ родословныхъ Шереметевыхъ, съ одной стороны, и всѣхъ остальныхъ родословій потомковъ Андрея Ивановича Кобылы—съ другой. Какъ выше уже было отмѣчено, и осторожный и вдумчивый изслѣдователь Г. С. Ш. въ статьѣ о князѣ Аѳанасіи Даниловичѣ дѣлаетъ весьма ясные намеки на то, что «Иванка» вышелъ изъ «Прусъ». И этотъ выводъ и показанія большинства родословныхъ и древнѣйшихъ упоминаній объ Андреѣ Кобылѣ, по отчеству «Ивановичъ», приводятъ къ вполнѣ естественному заключенію, что въ Россіи Гланда получилъ, несомнѣнно, имя «Ивана», а не Михаила, и это имя и должно остаться за нимъ въ родословныхъ фамиліи Романовыхъ.

IV.

Переходя къ послѣдней части указаній Колычева, къ происхожденію уже рода самого Гланды Камбилы, приходится согласиться съ мнѣніемъ о баснословности его родословной. Уже баронъ Кампенгаузенъ доказалъ ясно несостоятельность ея на основаніи соображеній хронологіи, а также и историческихъ. Разобравъ обстоятельно эту часть разсказа Колычева, онъ въ заключеніе говоритъ: «....я долженъ замѣтить, что если Мальгинъ и другіе русскіе писатели указываютъ на нѣкоего Войдеводу въ началѣ четвертаго столѣтія и производятъ въ 9-мъ отъ него колѣнѣ Гланду, жившаго въ концѣ тринадцатаго вѣка и, конечно, подразумѣвая подъ колѣномъ генеалогическую степень, то они утверждаютъ вещь немыслимую, ибо въ такомъ случаѣ слѣдовало бы допустить, что каждый изъ девяти предковъ Гланды достигалъ 110 лѣтъ, когда замѣнялъ своего предшественника». Эти соображенія несомнѣнно вѣски и серьезны, и единственно, что можно было бы возразить, это то, что такое преданіе быть можетъ основано не только на семейныхъ разсказахъ, но и на народномъ эпосѣ, который очень свободно обращается съ хронологіей и, сохраняя имена, нерѣдко выбираетъ изъ нихъ только почему-либо болѣе произведшія на него впечатлѣнія, или принадле-

жавшія особо памятнымъ людямъ. Какъ-будто въ пользу такого соображенія приводитъ Н. Н. Селифонтовъ на стр. 189—190 своего изданія въ примѣчаніи указаніе на Литовскій эпосъ. Въ виду интереса этого указанія и сравнительной малоизвѣстности его, оно заслуживаетъ быть здѣсь приведеннымъ цѣликомъ. Все примѣчаніе Селифонтова заключается въ слѣдующемъ:

«Здѣсь совершенно кстати легендарныя свѣдѣнія, сообщаемыя Кампенгаузеномъ и найденныя имъ въ древнѣйшей исторіи Пруссіи, дополнитъ Литовскимъ эпосомъ, трактующимъ о томъ же Виндеводѣ или Видевустѣ, который мы нашли въ недавно изданной въ Парижѣ книгѣ подъ заглавіемъ «Niedrischu Widevuts», epopée Lataviennе en 24 chants. Extrait de la Revue des traditions populaires. H. Wissendorf de Wissukuok. Paris. 1897.

«Изъ Латышской эпопеи «Niedrischu Wudewuts» (въ 24 пѣсняхъ), изданной въ 1891 г. (на Латышскомъ языкѣ) приватъ-доцентомъ Юрьевскаго университета Лаутенбахомъ, видно, что герой эпопеи Латышскій царь и жрецъ Ніедришу Видевутсъ происходилъ отъ дѣда Виссукука и богини Кильды (подъ образомъ Сіевалки). Отца Видевутса звали Радагаисомъ-Стипраисомъ, а мать Гіединою, которая была одной изъ дочерей бога Перкуна (пѣсни 1 и 2).

«По удаленіи Гіедины, Радагаисъ-Стипраисъ, съ сыномъ своимъ Ніедришемъ Видевутсомъ и тремя великанами Кускуравейсомъ, Кальнустуменсомъ и Гарбарждисомъ (побѣжденными Ніедришемъ), предпринялъ походъ въ южныя страны (пѣснь 4).

«На возвратномъ пути около острова Рюгена съ Ніедришемъ Видевутсомъ приключается кораблекрушеніе; онъ, однако, спасается и получаетъ пріютъ у царя острова Рюгена-Одина и у жены послѣдняго, царицы Смасдины (пѣснь 5).

«Видевутсъ, гостивъ у царя Одина, разсказывалъ ему о своемъ походѣ съ отцомъ на югъ, сообщилъ, что они доходили до Рима, пробиваясь черезъ много народностей разныхъ характеровъ и обликовъ, съ которыми имъ постоянно приходилось воевать. Въ походѣ этомъ умеръ отецъ Ніедриша Видевутса, которому онъ и наслѣдовалъ, а затѣмъ онъ предпринялъ обратный походъ съ своею дружиною въ свое отечество Сакосъ-Лея (долина рѣки Сакосъ). На обратномъ пути они на седьмое лѣто добрались до береговъ р. Вислы; тамъ они построили морское судно и отправились въ свое отечество и у острова Рюгена потерпѣли вышеуказанное кораблекрушеніе (пѣснь 6).

«Отъ острова Рюгена Видевутсъ продолжалъ свое плаваніе къ своей родинѣ, но тутъ начинается цѣлый рядъ приключеній и задержекъ. Такъ, судно его выбросило въ царство вѣдьмъ и колдуновъ, но отсюда онъ выбрался на проходившемъ мимо суднѣ Семигальскаго князя Мешуотниса, везшаго похищенную имъ свою невѣсту. Посѣтивъ отца Мешуотниса, старика Семигальскаго царя и отпраздновавъ у него свадьбу сына, Видевутсъ влюбился въ сестру Мешуотниса—Скаиститу (пѣсни 7 и 10).

«Исчезновеніе Скаиститы вызвало Видевутса на рядъ поисковъ въ подземномъ царствѣ, въ аду, сопровождавшихся многими приключеніями (пѣсни 11—17).

«Наконецъ, Видевутсъ получилъ руку Скаиститы и отвезъ ее на родину свою въ Сакосъ-Лею, въ замокъ Саулесъ-Нильсъ, въ янтарной странѣ (пѣсни 18—19).

«Видя раздоры и неустройство разныхъ Латышскихъ родовъ, Видевутсъ объединилъ ихъ въ одно государство и былъ избранъ первымъ Латышскимъ царемъ. Онъ устроилъ порядокъ, установилъ религіозные обряды, привелъ въ извѣстность границы Латышскаго государства и дожилъ до 116 лѣтъ отъ рожденія. Двѣнадцать сыновей его были: старшій Литвансъ, затѣмъ Замсъ, Содавсъ, Надравсъ и Залансъ, Нарденгсъ, Баргисъ, Вармисъ, Галиктсъ, Агронсъ, Памажъ и Кулумсъ. Все свое царство Видевутсъ раздѣлилъ между

сыновьями еще при своей жизни, а самъ сдѣлался верховнымъ жрецомъ Криваиту-Кривсъ. Старшему—Литвансу онъ отдалъ землю между рр. Нѣманомъ и Байка (впослѣдствіи вел. кн. Литовское). Литвансъ основалъ замокъ Гарте (Гродно). Второй сынъ Замсъ получилъ Замландію (Samland) до рѣки Скары (впослѣдствіи Пергола). Замсъ построилъ замокъ Гальдъ-Гарби. Содавсъ получилъ землю Венедовъ (впослѣдствіи Судавію). Четвертый сынъ Надравсъ получилъ земли между рр. Вайкою и Русскою съ замкомъ Стаидена; въ предѣлахъ сихъ земель находилось Латышское священное мѣсто Ромова, или Рамава, резиденція верховнаго жреца Криваиту-Кривса (пѣснь 23).

«У Видевутса былъ братъ Прутено, котораго онъ выбралъ себѣ въ преемники по званію верховнаго жреца и сжегъ самъ себя на кострѣ предъ священнымъ дубомъ. Пепелъ его былъ зарытъ на горѣ въ Перкуонѣ подъ камнемъ-великаномъ, посвященнымъ богу Перкуну (пѣснь 24)».

Это поэтическое произведеніе народнаго эпоса на первый взглядъ является какъ бы первоисточникомъ основныхъ свѣдѣній Колычева. Здѣсь и Прутено и Видевутсъ, сдѣлавшійся верховнымъ жрецомъ Криве-Кривейто (Криваиту-Кривсъ), и устройство Пруссіи, ея законодательство, ея организація, и сыновья, давшіе всѣ названія прусскимъ областямъ, и Ромове, и священный дубъ, и Перкунъ. И на основаніи его можно было бы подумать, что въ памяти потомковъ Прусовъ сохранились хотя и смутные, но основанные на дѣйствительности факты и преданія, по обыкновенію всякаго народнаго эпоса перепутавшіе и имена и въ особенности хронологію. Но изслѣдованія проф. А. Ѳ. Мѣржинскаго въ его статьяхъ, посвященныхъ выясненію древней литовской миѳологіи и религіозному культу—«Янъ Ласицкій и его сочиненіе «De diis Samagitorum» [1]), «Прусскій жрецъ Sicco» [2]), «О Надровскомъ жрецѣ огня Криве» [3]) и «Ромове» [4]), вполнѣ доказали, что извѣстія о Прутено и Вейдевутѣ, равно какъ многія подробности жреческаго и религіознаго культа Прусовъ измышлены фальсификаторомъ XVI вѣка монахомъ Грунау. Въ 1526 году Грунау написалъ свою хронику «Preussische Chronik», въ которой, воспользовавшись данными Петра Дугсбургскаго о Прусахъ, онъ ввелъ цѣлый рядъ дополненій и подробностей, яко бы дѣйствительно принадлежавшихъ исторіи Прусовъ, но на самомъ дѣлѣ сочиненныхъ имъ путемъ передѣлки для Прусовъ извѣстій Адама Бременскаго и Вульфстона о Скандинавахъ и заимствованій у другого фальсификатора исторіи Erasmus Stella. Выяснивъ вполнѣ въ статьѣ «О Надровскомъ жрецѣ огня Криве», что это имя Криве было лишь собственное имя прусскаго жреца огня эпохи Дугсбурга, а вовсе не нарицательное имя верховныхъ прусскихъ жрецовъ, которыхъ тамъ никогда не было, проф. Мѣржинскій, въ статьѣ «Ромове», такъ говоритъ относительно Прутено и Вейдевута: «При описаніи Скандинавскихъ божествъ Адамъ Бременскій сообщаетъ, что къ сонму боговъ причисляли также людей, пользовавшихся при жизни большимъ почетомъ: «Colunt et deos ex hominibus factos, quos pro ingenibus factis immortalitate donant—почитаютъ и боговъ, созданныхъ изъ людей, которыхъ одаряютъ безсмертіемъ за высокоумныя дѣянія». Равнымъ образомъ поступаетъ Грунау. Онъ также послѣ описанія трехъ прусскихъ божествъ имѣетъ своихъ знаменитыхъ людей, поставленныхъ за ихъ заслуги на ряду съ богами. Такими являются божества Wurschoyto или Warschayto или Barsskayto и Szwaybrotto или Iszwambrotto. Король Witewuto получилъ послѣ смерти первое имя, а братъ его Bruteno другое: «den Koningk sie nanten Warskayto und den Kirwayto (Bruteno) Iszwambroti». Между тѣмъ доста-

---

[1]) Труды II Археол. Съѣзда въ Кіевѣ, въ 1874 г., т. II. Кіевъ. 1878.
[2]) Труды VIII Арх. Съѣзда въ Москвѣ 1890 г., т. III. М. 1895.
[3]) Труды IX Арх. Съѣзда въ Вильнѣ, 1893 г., т. I. М. 1895.
[4]) Труды X Арх. Съѣзда въ Ригѣ, 1896 г. т. I. М. 1899.

точно извѣстно, что такихъ божествъ никогда не существовало. Virzaitis (такъ слѣдуетъ правильно писать, вмѣсто Wurschayto, Barsskayto и т. п.) назывался жрецъ, всякій разъ избираемый участвующими въ жертвоприношеніи. Szwambroto же и т. п. названія это—два произвольно соединенныя прусскія слова: swais свой и brote или bratis—братъ; слѣдовательно swais brote, swais bratis есть буквальный переводъ нѣмецкаго sein bruder. Названіе Widewutus Грунау заимствовалъ у Erasmus Stella, имя же Bruteno самъ придумалъ».

Въ обширномъ пояснительномъ къ этому примѣчаніи проф. Мѣржинскій говоритъ по поводу этихъ именъ еще слѣдующее: «Brutenus, Brudeno, и т. п., какъ собственное имя личности, первый разъ читается у Грунау. Witewutus, Vitovudus не произошло отъ польскаго Wojewoda, какъ я раньше полагалъ, но отъ имени вел. князя Литовскаго Vitaûtas, которое у писателей XV вѣка подвергалось многимъ видоизмѣненіямъ, напр., Vitoldus, Vitoldt, Wytaudus, Wytaut, Witowt, Witavt и др.» Оставивъ другія видоизмѣненія этого имени, обратимся къ болѣе для него важному. Въ рукописи XV вѣка, найденной профессоромъ Ранке въ библіотекѣ Chigi въ Римѣ и заключающей въ себѣ компиляцію, составляющей краткій очеркъ нѣмецкаго Ордена, читаемъ: «Vitoldum sive Alexandrum Vitovudum, magnum ducem Lytwaniae, fratrem Vladislai Iagellonis in gubernatorem». Въ другой рукописи также XV вѣка, и также компиляціи, и такого же содержанія, что и упомянутая, находящейся въ Геттингенской библіотекѣ, одна часть имѣетъ заглавіемъ «A. d. 1410 15 mensis Julii fer. III ipso die divisionis apostolorum rex Poloniae, dictus Jagello cum fratre Vittowudo, alias Vitolds, iniit certamen cum magistro Prussiae nomine Conrado Jugingen».

«Слѣдовательно, Vitevudus имя вел. кн. литовскаго Vitoldus.

«Сравнивъ же обѣ хроники между собой оказывается, что онѣ въ сообщеніи фактовъ XV вѣка пользовались между прочими однимъ общимъ источникомъ, вѣроятно, хроникой, изъ которой обѣ заимствовали также имя вел. кн. въ формѣ Vitovudus. Слѣдовательно, въ это время читалась форма Vitovudus, по крайней мѣрѣ, въ трехъ хроникахъ и могла быть извѣстной спеціалистамъ. Такимъ спеціалистомъ былъ извѣстный фальсификаторъ исторіи Erasmus Stella, писавшій прусскую исторію съ древнѣйшихъ временъ до призванія нѣмецкаго Ордена въ Пруссію Конрадомъ Мазовецкимъ... Стелла прочиталъ имя Vitovudus въ одной изъ упомянутыхъ хроникъ или въ какомъ-нибудь иномъ документѣ, сократилъ его въ Vidvutus и личности, носившей это имя, приписываетъ всевозможныя установленія, само собой разумѣется, всѣ вымышленныя. Онъ первый знаетъ, что Vitovudus по происхожденію Аланинъ (Alanus; срав. выдуманныхъ Lit-Alani), который, избранный королемъ соединенными съ Алланами Боруссами, издалъ новые законы и ввелъ порядки въ общественную и религіозную жизнь народовъ. Этими данными воспользовался другой не меньшій фальсификаторъ Грунау, который, перенявъ отъ Эразма имя короля Vidvatus въ формѣ Widowutus и т. п., дѣлаетъ его также королемъ и законодателемъ, но только Прусовъ (Bruteni). Не довольствуясь этимъ и желая знать еще больше Эразма, онъ сочиняетъ дальнѣйшія дѣянія Видовута на основаніи фактовъ, сообщенныхъ Св. Писаніемъ о законодательствѣ Моисея, что уже, впрочемъ, и у Эразма замѣтно. Какъ Моисей собираетъ еврейскій народъ и даетъ ему наставленія, точно такъ же дѣйствуетъ и Видевутсъ среди своихъ Брутеновъ... Какъ въ Св. Писаніи Ааронъ былъ братомъ Моисея и въ то же время высшимъ духовнымъ лицомъ евреевъ, точно такъ же придумалъ Грунау для своего Видевуда брата, Брудено, дѣлаетъ его высшимъ жрецомъ Брутеновъ, назвавъ эту должность Kirwaito, наподобіе имени мнимаго высшаго жреца въ Надровіи Criwe, вычитаннаго у Дусбурга. Этимъ и объясняется, почему Грунау, знающій немного Прусскій языкъ, брата Видевута, Брудено, назвалъ по-прусски—Szwambrotto», его (т.-е. Видевута) братъ.

«Изъ всего вышеприведеннаго оказывается: 1) что Vidovutus, Vidvutus, и пр.—изуродованное имя вел. князя Vitautas, 2) что Брудено, братъ Видевута, выдуманъ Грунау и 3) что преданіе о Видевутѣ и Брудено образовалось въ другой половинѣ XV в. и началѣ XVI в. на основаніи ложныхъ данныхъ, вымышленныхъ относительно Видевута отчасти Эразмомъ Стелла, а отчасти Грунау; между тѣмъ какъ Брудено принадлежитъ цѣликомъ къ выдумкамъ Грунау».

Къ этому надо еще прибавить, что Грунау для вящшей убѣдительности постоянно ссылается въ своей хроникѣ на хронику «епископа Христіана», имъ же самимъ и вымышленную, какъ и упоминаемая у этого Христіана «Хроника Ярослава плоцкаго» и «Дневникъ Дивониса».

Хроника Грунау написана была въ 1526 году и въ концѣ XVI столѣтія стала уже достояніемъ тогдашнихъ историковъ Пруссіи, не могшихъ еще разобраться въ этой фальсификаціи. На нее уже ссылаются Каспаръ Геннебергъ въ 1584 и 1595 гг., Каспаръ Schütz въ 1599 г. и М. Вайсселъ въ томъ же году и др. Сопоставляя теперь данныя Латышскаго эпическаго сказанія и Колычевскаго изслѣдованія, приходится сказать, что и то и другое всецѣло основаны на хроникѣ Грунау и его послѣдователей. Если бы еще имя Вейдевута-Видевутса позволяло бы предположить, что названіе вел. кн. Литовскаго Vitoldus sive Alexander Vitovudus наоборотъ было само заимствовано изъ пѣсней и преданій и явилось гораздо раньше XV вѣка, то фактъ упоминанія и въ эпосѣ и у Колычева имени Прутено-Брутено, всецѣло придуманнаго Грунау, вполнѣ убѣждаетъ въ заимствованіи Колычевымъ и Латышской пѣсней всего сказанія о древнѣйшихъ временахъ Прусовъ у Грунау или его послѣдователей. Равнымъ образомъ подтверждается это и другими подробностями у Колычева, какъ, напримѣръ, о верховномъ жрецѣ Прусовъ, о названіи этихъ верховныхъ жрецовъ именемъ Криве-Кривейто, о Ромове, о священномъ дубѣ и т. п. Всѣ эти подробности не оправдываются изслѣдованіями и показаніями современниковъ и находятся только у Грунау. На самомъ же дѣлѣ, у древнихъ Прусовъ главнымъ предметомъ поклоненія—божествомъ считался Огонь, неугасимый, постоянно поддерживаемый жрецами. Этотъ священный огонь назывался Zinice—Жиниче. Это слово въ первоначальномъ своемъ значеніи указываетъ на «мѣсто узнанія о воли боговъ, прорицалище, мѣсто узнанія воли боговъ при посредствѣ огня». Отсюда это названіе было перенесено и на самый огонь. Немалую роль игралъ здѣсь и дымъ, ибо по его направленію и движенію жрецы опредѣляли волю боговъ. Огонь разводился на жертвенникѣ изъ камней, нерѣдко поставленномъ подъ особымъ навѣсомъ или въ особой хижинѣ, для сохраненія его отъ дождя, снѣга и т. п. и для лучшаго поддержанія его во время зимы. Жрецы огня назывались Zincys, а Криве было собственное имя послѣдняго Надровскаго жреца. Эти жрецы были постоянными; для совершенія же жертвоприношеній всякій разъ избирался особый жрецъ, называемый Virsaitis. За огнемъ слѣдовало почитаніе священныхъ деревьевъ, главнымъ образомъ дуба. Въ областяхъ, занимавшихся древними Прусами, дубы достигаютъ иногда громаднѣйшихъ размѣровъ и являются, дѣйствительно исполинами, густо покрытыми зеленой листвой. При выборѣ такого дуба старались найти такой экземпляръ, который, прежде всего, представлялъ бы изъ себя нѣкоторое спеціальное уклоненіе отъ правильнаго роста. Именно искали дубъ, который, идя сперва прямо, затѣмъ развѣтвляется на двѣ главныя вѣтви, которыя выше снова бы срасталисъ, образуя такимъ образомъ овальное отверстіе. Это отверстіе играло важную роль въ признаніи дуба священнымъ: оно было нужно для протаскиванія въ него больныхъ, въ цѣляхъ исцѣленія. Поэтому, извѣстны случаи, что, не найдя такого дуба, обращались къ другимъ деревьямъ, какъ, напримѣръ, къ кленамъ и даже вишнямъ и, не найдя и тамъ искомаго, искусственно развѣтвляли или даже

соединяли въ нужной формѣ два близко стоящихъ дерева и сращивали ихъ, или же въ особо экстреннихъ случаяхъ расщипляли дерево, протаскивали большого черезъ эту щель и снова его сращивали. Таковъ былъ дѣйствительный культъ огня и священнаго дерева. Названіе же священнаго мѣста въ Надровіи—Ромове, какъ единственнаго для всѣхъ Прусовъ, опять-таки оказывается неправильнымъ. Это мѣсто въ переводѣ обозначаетъ «мѣсто спокойствія или успокоенія, умилостивленія боговъ», а отсюда «мѣсто богослуженія, священное мѣсто». Разница со словомъ Zinice заключается въ томъ, что это названіе относилось спеціально къ мѣстамъ для служенія огню, а Romove—вообще къ мѣстамъ для служенія богамъ [1]).

Въ итогѣ вторая часть указаній Колычева и его послѣдователей, какъ основанная на фальшивой хроникѣ Грунау, должна быть отвергнута.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о предположеніи Мещеринова о выѣздѣ прародителя Романовыхъ «изъ Литвы» и о мнѣніи Г. Миллера о происхожденіи Гланды изъ рыцарей-крестоносцевъ.

Первое мнѣніе можно принять вполнѣ, если считать выѣздъ Гланды не изъ родной земли, а изъ новаго своего, хотя и временнаго отечества въ послѣднее. Конечно, онъ не прямо изъ Пруссіи пріѣхалъ въ Москву, а ужъ изъ Литвы, и въ этомъ смыслѣ это мнѣніе, въ сущности, говоритъ то же, что и указанія на выѣздъ изъ Прусъ и лучше всего подтверждаетъ послѣднее, указывая правильный путь въ Москву. Что же касается до мнѣнія Миллера, то на немъ приходится нѣсколько остановиться.

Извѣстный ученый и историкъ конца XVIII столѣтія Гергардъ-Фридрихъ Миллеръ въ своемъ жизнеописаніи фельдмаршала Шереметева такъ высказался о прародителѣ этой фамиліи: «Родословныя книги, намъ извѣстныя, сыздавна и постепенно составлявшіяся и выяснявшія происхожденіе извѣстныхъ русскихъ родовъ, указываютъ для Романовыхъ и Шереметевыхъ одного общаго родоначальника, признавая въ немъ то Варяга, то Пруса, то Нѣмца (въ старину этими названіями обозначалось одно и то же родовое племя). Выходъ въ Россію этого общаго родоначальника Родословныя книги пріурочиваютъ къ правленію великаго князя Іоанна Даниловича Калиты или ко времени сына его великаго князя Симеона Іоанновича Гордаго и, такимъ образомъ, мало расходятся въ хронологіи, такъ какъ первый вступилъ на престолъ въ 1341 г. [2]), а послѣдній умеръ въ 1353 г. Въ то время, говорятъ Родословныя книги, прибылъ въ Москву на службу великаго князя знатный мужъ Андрей Ивановичъ, по прозвищу Кобыла...

«Тогда же крестоносцы, въ заботахъ о распространеніи христіанства и своего благополучія, вели войны въ Лифляндіи, а Россія, угнетенная Татарами, привлекала къ себѣ храбрыхъ воиновъ, обѣщая значительное за это вознагражденіе; отсюда можно предположить, что предокъ Романовыхъ и Шереметевыхъ былъ не кто иной какъ рыцарь-крестоносецъ (Kreuzbruder), который изъ Германіи пришелъ въ землю Прусовъ, потомъ въ Россію, имѣя въ виду вновь сраженія съ невѣрными». Эта версія въ свое время нашла многихъ послѣдователей, впрочемъ, исключительно за границей.

Уже баронъ Кампенгаузенъ высказалъ сильныя сомнѣнія по поводу предположеній Миллера, указавъ на странность прихода рыцаря Тевтонскаго Ордена въ Россію кружнымъ путемъ, черезъ Лифляндію, на невѣроятность того, чтобы «Нѣмецкій рыцарь тогдашняго времени въ стремленіи своемъ

---

[1]) Древне-русскіе Славяне также почитали огонь и священный дубъ, изъ котораго дѣлали статуи своихъ боговъ—Перуна и др. Храмовъ также не имѣли, а дѣлали «капища», повидимому, такой же навѣсъ, какъ и у Литовцевъ и Прусовъ. «Огнище» звучитъ близко къ «зиниче»—мѣсту служенія огню.

[2]) Явный анахронизмъ: вел. кн. Иванъ Даниловичъ Калита скончался уже въ 1340 году.

распространить христіанскую вѣру и улучшить свой быть рѣшился бы промѣнять Пруссію и Лифляндію на Россію и подъ русскими знаменами бился съ невѣрными... На родинѣ онъ былъ господиномъ, въ Россіи—наемникомъ или служилымъ человѣкомъ; тамъ ему подражали, здѣсь онъ долженъ былъ примѣняться къ чуждымъ ему нравамъ, обычаямъ, языку и т. д. Наконецъ, онъ стремился къ распространенію католицизма, а никакъ не греческой церкви. Единственно еще почему онъ могъ бы прійти въ Россію, это если бы онъ былъ изгнанъ изъ Ордена или вслѣдствіе полнаго разрыва съ товарищами». Наконецъ, Миллеръ считаетъ, что именно Андрей Кобыла выѣхалъ «изъ Нѣмецъ», что бар. Кампенгаузенъ также отвергаетъ за отсутствіемъ для того данныхъ.

Къ этому можно еще прибавить, что около 1400 г., въ эпоху наибольшаго могущества Ордена, рыцарей насчитывалось лишь 1000 человѣкъ. Раньше же, въ XIII ст., ихъ было еще меньше. Извѣстно, напримѣръ, что въ 1240 году, рыцари изъ Кульма три раза посылали въ Реденъ просить одного рыцаря прійти къ нимъ на помощь. Затѣмъ они послали пословъ въ Германію, Чехію и Австрію все съ просьбой о помощи, и имъ насилу могли собрать 10 рыцарей. Этого, впрочемъ, оказалось достаточно для спасенія Кульма [1]). При такихъ обстоятельствахъ трудно вообще допустить уходъ рыцарей изъ своихъ Орденовъ въ чужеземную страну на службу. Кромѣ того, всѣ рыцари принадлежали къ благороднымъ или знатнымъ фамиліямъ, родились, выросли и дѣйствовали въ совершенно иной культурной обстановкѣ, имѣли всюду родственныя связи съ лучшими семьями, пользовались вездѣ большимъ почетомъ и уваженіемъ и глубоко были проникнуты и задачами, и дѣломъ, и уставомъ Ордена, и культурными привычками, и вѣяніями своего времени. Скорѣе еще можно было допустить переходъ такого рыцаря изъ Германіи въ родственную ей и по языку и по происхожденію Лифляндію, или, въ крайнемъ случаѣ, въ Литву, уже сильно приблизившуюся въ культурномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ къ Европѣ, чѣмъ въ Россію. Россія, а въ особенности далекая Москва была для рыцарей страной не менѣе варварской, чѣмъ Прусы, да и греческая ея церковь казалась убѣжденнымъ послѣдователямъ римскаго исповѣданія не лучше язычества.

Чтобы совсѣмъ закончить вопросъ о Гландѣ Камбилѣ, сынѣ Дивона Клекиниса, остается рѣшить вопросъ о времени появленія его на Руси. Бар. Кампенгаузенъ считаетъ, что онъ переселился въ Россію или въ княженіе Василія Ярославовича, т.-е. между 1272—1276 годами или же при вел. кн. Дмитріи Александровичѣ въ 1276—1294 годахъ, но скорѣе склоняется, повидимому, къ послѣднему, ибо уже положительно утверждаетъ, что «Гланда съ сыномъ своимъ крестился въ послѣднее княженіе, т.-е. Дмитрія Александровича, въ 1287 году». Кольчевъ отмѣчаетъ иныя даты. «Гландосъ Камбила, говоритъ онъ, въ 1289 году принялъ у себя на родинѣ крещеніе по католическому обряду, а «въ 1283 году упомянутый Гландосъ Камбила Дивоновъ сынъ, изъ дома Нодрона Ведевитовича поколѣніе свое линейно производящій, самъ пріиде къ Московскому великому князю Данилу Александровичу всея Россіи самодержцу, и тотъ его крестилъ въ законъ греческаго исповѣданія...» Конечно, отмѣтить или вывести какъ-нибудь точно годъ крещенія Гланды, какъ то дѣлаетъ баронъ Кампенгаузенъ, немыслимо. Можно только пытаться установить лишь приблизительную дату, т.-е. строго судя дату его прибытія въ Москву, и въ этомъ отношеніи Кольчевъ осторожнѣе своего энергичнаго послѣдователя, хотя и указываетъ на 1283 годъ, какъ на первое крещеніе Гланды еще на родинѣ. Если теперь припомнить, что было раньше

---

[1]) Эрнестъ Лависсъ. «Очерки по исторіи Пруссіи». М. 1897.

сказано о появленіи вождя Бортеве съ своими подданными въ Литвѣ, то получится такая картина. Бортеве, имѣя во главѣ своего князя Дивона Клекиниса ушли въ Литву въ 1273 году. Три года спустя, въ 1276 г., они изъ Литвы принимаютъ участіе въ возстаніи Прусовъ противъ рыцарей, но вынуждены снова уйти въ Литву. Въ 1278 г. они упоминаются Ипатьевской лѣтописью, какъ защитники, вмѣстѣ съ другими «Проусями», Городни отъ Татаръ и Русскихъ. Въ 1284 г. было четвертое возстаніе подъ предводительствомъ Рюгенскаго князя Вацлава II, и послѣ этого Прусы были окончательно завоеваны Орденомъ. Принимая теперь во вниманіе страстную и неустанную борьбу Прусовъ вообще и въ частности Бортеве за родину и окончательное пораженіе ихъ въ 1286 году, надо думать, что Гланда могъ появиться на Руси только въ эпоху великаго княженія Даніила Александровича и, во всякомъ случаѣ, послѣ этого 1286 года. Имѣлъ ли бар. Кампенгаузенъ какія-либо точныя основанія указывать на 1287 годъ, сказать нельзя, ибо онъ ихъ не указываетъ, но датированіе имъ времени крещенія Гланды болѣе соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ, чѣмъ предложенное Колычевымъ. Съ другой же стороны, болѣе правъ Колычевъ, пріурочивая появленіе Гланды въ Россіи къ эпохѣ великаго князя Даніила Александровича.

Еще одно замѣчаніе. Почему бояринъ Петръ Большой Шереметевъ въ росписи своей 1686 г. не упоминаетъ имени отца Андрея Кобылы, а Колычевъ въ 1722 г. называетъ его? Да потому, что Шереметевъ представилъ лишь обычную «роспись», а Колычевъ написалъ «Исторіографію»; Шереметевъ жилъ въ концѣ XVII в., когда съ западной литературой, да еще такой спеціальной наши предки почти не были знакомы и не занимались историческими изысканіями, а Колычевъ работалъ въ концѣ первой четверти XVIII ст.—въ эпоху уже сильнаго увлеченія Западомъ, такъ рѣзко ворвавшимся на Русь въ «окно», пробитое въ Европу Петромъ I. Шереметевъ держался «памятей», да «разрядовъ», а Колычевъ—кромѣ того семейныхъ преданій и искалъ подтвержденій ихъ въ западныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Наконецъ Шереметевы могли не сохранить семейнаго преданія или не придавать ему значенія, а Колычевы его сохранили и Степанъ Колычевъ не только придалъ ему значеніе, но и задумалъ исторически разработать, будучи человѣкомъ уже иного склада, воспитанія, образованія и взглядовъ, чѣмъ его почтенный родичъ 1686 года.

Подводя итоги всему вышесказанному и допуская не только полную возможность, но и полную вѣроятность результатовъ разбора мнѣній и предположеній о происхожденіи и именахъ предковъ Дома Романовыхъ можно будетъ представить исторію ихъ въ слѣдующемъ видѣ.

Первымъ болѣе или менѣе историческимъ ихъ предкомъ, ихъ прародителемъ является вождь или глава прусской, иначе говоря, одной изъ древнѣйшихъ славянскихъ народностей—Бортеве, по имени Дивонъ (Divone), носившій прозвище Медвѣдь (Klekinis) [1]. Въ послѣдней четверти XIII ст., точнѣе въ 1273 году, подъ натискомъ рыцарей Тевтонскаго Ордена, завоевывавшихъ его страну, онъ прибылъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Литву, къ Тройдену. Не сдаваясь ни на какія предложенія и соблазны Ордена, онъ отсюда продолжалъ энергично бороться за независимость и своей области и вообще Прусской земли и, быть можетъ, палъ въ послѣднемъ кровопролитномъ возстаніи Прусовъ 1286 года, рѣшившемъ окончательно судьбу прусскихъ областей въ пользу Ордена.

Его сынъ, по имени Гланда, также имѣвшій прозвище, но уже иное и доселѣ необъяснимое Камбила, надо думать родился еще въ Пруссіи, въ эпоху независимости Бортеве. По предположенію, былъ въ малолѣтствѣ

---

[1] Scriptores rerum Prussiae. v. I.

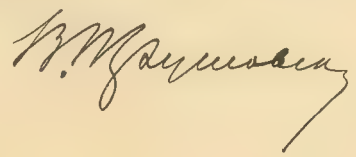
крещенъ рыцарями по римско-католическому обряду подъ именемъ Михаила и у нихъ же получилъ воспитаніе и образованіе. Живя въ Литвѣ съ отцомъ боролся вмѣстѣ съ нимъ за независимостъ, а послѣ его смерти и разгрома Пруссіи покинулъ Литву, направляясь въ Русь. Если онъ прошелъ прямо въ Москву, то здѣсь онъ появился, повидимому, еще при великомъ князѣ Даніилѣ Александровичѣ, но во всякомъ случаѣ послѣ 1286 года. Здѣсь получилъ второе крещеніе, уже по греко-православному обряду подъ именемъ Іоанна.

Если слѣдовать указаніямъ всѣхъ вообще родословныхъ фамилій родственныхъ Дому Романовыхъ по происхожденію отъ одного и того же корня, то у Гланды Камбилы было два сына—Андрей, прозвищемъ Кобыла, и Ѳедоръ, прозванный Шевляга. О послѣднемъ, кромѣ упоминаній въ нѣкоторыхъ родословныхъ, какъ, напримѣръ, Трусовыхъ, не сохранилось никакихъ другихъ извѣстій, ни прямыхъ ни косвенныхъ. Зато Андрей Ивановичъ Кобыла является лицомъ уже вполнѣ историческимъ.

Свое прозвище Андрей Ивановичъ, бояринъ при дворѣ великаго князя Московскаго Симеона Гордаго, получилъ отъ прозвища отца Камбила, передѣланнаго въ Россіи въ Кобылу, и во многихъ родословныхъ, наиболѣе древнихъ называется потому Кобылинъ. О немъ сохранилось хотя и одно единственное, но уже лѣтописное слѣдующее указаніе: «Въ лѣто 6855... князь великій Семенъ Ивановичъ, внукъ Даниловъ, женился втретьи; взялъ за себя княжну Марью, дщерь великаго князя Александра Михайловича Тверскаго, а ѣздилъ по неѣ, во Тверь Андрей Кобыла да Алексѣй Босоволковъ» [1].

Кромѣ этого краткаго лѣтописнаго извѣстія есть еще только отмѣтки въ разныхъ родословіяхъ объ его иностранномъ выѣздѣ: «...выѣхалъ изъ Прусскія земли изъ Нѣмецъ (XVI ст.)»; «родъ Прусскаго княженія владѣтеля Андрея Івановича, а прозваніе ему было Кобыла».«Пріѣхалъ изъ Пруссъ отъ своихъ предѣловъ владѣтель... (XVII ст.)» и т. п., уже не разъ упомянутыя выше. Такимъ образомъ, свѣдѣнія о немъ вообще должны считаться очень скудными, и изъ нихъ можно лишь вывести заключеніе, что въ 1347 г., когда онъ ѣздилъ за великокняжеской невѣстой въ сосѣднее великое же княженіе, не послали бы молодого боярина и незаслуженнаго, а потому можно думать, что въ 1347 г. ему было, во всякомъ случаѣ, отъ 50 до 60 лѣтъ. Если принять эти цифры, то годъ его рожденія надо было бы отнести къ эпохѣ 1287-го—1297-го годовъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ десятилѣтній періодъ вполнѣ соотвѣтствуетъ предположенію о прибытіи его отца въ Россію не ранѣе 1286 года. Если онъ родился, когда отецъ его не принималъ еще православной вѣры, то можно предположить, что католическое имя его было Генрихъ. Одинъ изъ равноправныхъ его дѣду Дивону прусскихъ вождей—вождь Натангіи, былъ Монте, по имени Генрихъ. А это имя всегда въ Россіи при крещеніи замѣняется Андреемъ. А можетъ быть онъ родился уже въ Москвѣ и былъ названъ имъ во имя Св. Андрея Первозваннаго, или же въ честь великаго князя Владимірскаго, или всея Руси, Андрея Александровича, вступившаго на престолъ въ 1294 году и скончавшагося въ 1304 году. Въ послѣднемъ случаѣ пріобрѣтаетъ бо́льшую вѣроятность предположеніе о рожденіи Андрея Ивановича въ девяностыхъ годахъ XIII ст.

Съ Андрея Ивановича начинается уже періодъ вполнѣ историческій дальнѣйшихъ предковъ Рода Романовыхъ.



[1] П. С. Р. Л. т. X. стр. 218.

НОВОГОРОДСКІЯ ГРАМОТЫ XIII ВѢКА.

1.

Договорная Грамота Новагорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ (первая), учиненная при Посадникѣ Михаилѣ: на какихъ условіяхъ владѣть ему Князю Новымъ-городомъ.—Писана въ началѣ 1265 года.

† Благословление отъ владыкы, покланяние отъ посадника Михаила и отъ тысяцьскаго Кондрата, и отъ всѣго Нова-города, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ, къ князю Ярославоу. На семь, княже, цѣлоуй хрестъ къ всѣмоу Новоугородоу на цѣмь-то цѣловали дѣди и отци, и отецъ твой Ярославъ. Новъгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостий всѣхъ Новгородьскыхъ, того ти, княже, не держати своими моужи, нъ дѣржати моужи Новгородьскыми; а даръ имати тобе отъ техъ волостий. А бес посадника тобѣ волостий не раздавати: а комоу раздаялъ волости братъ твой Александръ, или Дмитрій съ Новгородци, тобе техъ волостий безъ вины не лишати. А что ти, княже, пошло на Торожку и на Волоцѣ тивоунъ свой дѣржати, на своей чясти дѣржати, а Новъгородьцѣ на своей чясти дѣржати. А въ Бежицахъ, княже, тобе, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не дѣржати, ни купити, ни даромъ приимати и по всей волости Новгородьской. А се, княже, волости Новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми, Тържькъ, Бежицѣ, городьцѣ Палицѣ, а то есме дали Иванкови; потомъ Мелѣчя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра. А в Русу ти, княже, ездити осень, а лѣтѣ не ездити; ездити на озвадо звѣри гонитъ. А в Ладогоу ти, княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамотѣ отця своего Ярослава. А соудъ, княже, отдалъ Дмитрий съ Новгородци Бежичяномъ и Обонижаномъ на г҃ лѣта, соудье не слати. А из Бежицѣ, княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородьской, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни княгыни твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцины. А без вины ти моужа волости не лишити; а грамоты ти, княже, не посуживати. А пожне, княже, что пошло тобе и твоимъ моужемъ, то твое; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожне, а то ти, княже, ненадобѣ. А что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насилие на Новѣгородѣ, а того ся, княже, отстоупи. Дворяномъ твоимъ и тивоунимъ погонъ имати, како то пошло. А на томъ ти, княже, на всѣмь хрестъ цѣловати, бес перевода, при нашихъ послѣхъ: а мы ти ся, господине княже, кланяемъ. А что, княже, мытъ по твоей земли, и по иной волости, и по всей Суждальской земли; а то, княже, имати по ѿ векши отъ лодье, и отъ воза, и отъ лну, и отъ хмелна короба. А дворяномъ твоимъ по селомъ оу коупцевъ повозовъ не имати, разве ратной вести. Тако, княже господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отець, и отъ твоихъ, и отъ нашихъ, и отъ твоего отця Ярослава.

Грамота писана на пергаментѣ; есть слѣды печати, которая не сохранилась.

С. Г. Г. и Д. т. I, № 1, стр. 1—2.

2.

Договорная Грамота Новагорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ (вторая), при Посадникѣ Михаилѣ—съ нѣкоторыми противъ первой Грамоты прибавленіями: о позволеніи Новгородцамъ братъ дары; о запрещеніи бить свиней близь Новагорода; о закладникахъ Новгородскихъ, и о нестроеніи слободъ. Писана 1265 года.

† Благословление отъ Владыкы, поклонъ отъ посадника Михаила, и отъ тысяцьскаго Кондрата, и отъ всехъ соцьскыхъ, и отъ всехъ старѣйшихъ, и отъ всего Новагорода, къ князю Ярославоу. На семь ти, княже, хрестъ цѣловати, на цѣмъ-то цѣловали дѣди и

отецъ твой Ярославъ. Держати ти Новъгородъ по пошлинѣ, како держалъ отецъ твой. Грамотъ ти, княже, не посоужати; а моужа ти без винѣ волости не лишати; а бес посадника ти, княже, волостий не роздавати, ни грамотъ даяти. А волостий ти, княже, Новгородьскыхъ своими моужи не держати, нъ держати моужи Новгородьскыми, а даръ отъ техъ волостий имати. А се волости Новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми. А держати ти свой тивунъ на половинѣ, а Новгородецъ на половинѣ въ всей волости Волоцьской; а въ Торожкоу, княже, держати тивоунъ на своей чясти, а Новгородецъ на своей чясти. А Городецъ, княже, далъ Дмитрий съ Новгородци Иванкоу; а того ти, княже, не отъяти. А се волости Новгородьскые: Бежиче, Городецъ, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ти волости дѣржати моужи Новгородьскыми, а даръ отъ нихъ имати. А свінѣи ти бити за $\frac{2}{3}$ верстъ отъ города. А закладниковъ ти, княже, не приимати, ни твоей княгѣни, ни твоимъ бояромъ; ни селъ ти держати по Новгородьской волости, ни твоей княгѣни, ни бояромъ твоимъ, ни твоимъ дворяномъ; ни свободъ ставити по Новгородьской волости. А и Соуждальской ти земле Новагорода не рядити, ни волостий ти не роздавати. А на озвадо ти, княже, ездити лѣтѣ звери гонитъ, а въ Роусу не ехати; ехати ти въ Роусу на третиюю зимоу, а въ Ладогу, княже, ехати на третиее лѣто. А осетрьнику твоему ездити в Ладогу, во отца твоего грамоте. А коуда пошло соудии твоему ездити по волости, ехати имъ меженѣ во Петровѣ дни. А что твой братъ отъялъ былъ пожне у Новагорода, а того ти, княже, отступитися: что Новгородцевъ, то Новгородьцемъ, а что пошло князю, а то княже. А выводъ ти, княже, въ всей волости Новогородьской ненадобе. А дворяномъ твоимъ, княже, ходити по пошлинѣ, како пошло и сперва. А отъ Новгородьця и отъ Новоторжьця у мыта имати, отъ воза по $\overline{\text{в}}$ векши, и отъ хмелна короба. А за Волокъ ти своего моужа не слати, слати Новгородца. На томъ ти на всемъ хрестъ цѣловати по любъви, безъ всякаго извета, въ правьдоу, при нашихъ послехъ.

У грамоты печать не сохранилась; остались одни слѣды.

С. Г. Г. и Д., т. I, № 2, стр. 2–3.

3.

Договорная Грамота Новагорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ (третья), учиненная при посадникѣ Павше, и при Крымскихъ Послахъ: на какихъ условіяхъ владѣть ему Князю Новымъ-городомъ.—Писана 1270 года.

† Благословление отъ Владыкы, поклонъ отъ посадника Павше, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меншихъ, и отъ всего Новагорода, къ господиноу князю Ярославоу. На семь, княже, цѣлоуй хрестъ къ всему Новоугородоу на цѣмь-то цѣловали дѣди и отецъ твой Ярославъ. Новгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостий всехъ Новгородьскыхъ, тѣхъ волостий, княже, не держати ти своими моужи, нъ держати моужи Новгородьскыми; а даръ, княже, тобе имати отъ техъ волостий. А бес Посадника ти, княже, соуда не судити, ни волостий раздавати, ни грамотъ ти даяти: а комоу волости роздаялъ Дмитрій съ Новгородци, и Александръ братъ твой, тѣхъ волостий тобе без винѣ не лишати. А что ти, княже, пошло на Торожкоу и на Волочѣ, тивоунъ свой дѣржати на своей чясти, а Новгородецъ на своей чясти. А въ Бежичяхъ тобе, Княже, ни твоей княгѣни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слоугамъ селъ не держати, ни коупити, ни даромъ приимати, и по всей волости Новгородьской. А се, княже, волости Новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми, Торжекъ, Бежиче, городецъ Палицъ, Мелечя, Шипино, Егна, Заволочье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра, Вологда. А въ Роусу ти, княже, ездити на третиюю зиму, а лѣтѣ, княже, ездити на озвадо звери гонитъ. А в Ладогоу, княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамоте отца своего Ярослава: а тоу грамоту, княже отъялъ еси, а та грамота, княже, дати ти назадъ; а в Ладогоу, княже, ездити на третиее лѣто. А из Бежицъ, княже, людий нѣ выводити въ свою волость, ни изъ иной волости Новгородьской; ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни твоей княгѣни, ни бояромъ твоимъ, ни слоугамъ твоимъ, ни смерда, ни коупцины. А без винѣ ти, княже, мужа без винѣ не лишати волости; а грамотъ ти не посоужати. А пожне, княже, что твое и твоихъ моужь пошло, то твое и твоихъ моужь; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожне, то ти ненадобе. А что, княже, грамоты посоудилъ еси отца своего и брата своего, а свое грамоты подаялъ еси на ты грамоты; ты грамоты отъимати, а старые оправливати. А что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насилие на Новегородѣ, того ти ся отсту-

пити. А дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ имати отъ князя по є коунъ, а отъ тивоуна по ѯ коуне. А что, княже, мытъ по Соуждальской земли, и въ твоей волости, отъ воза имати по в векши, и отъ лодье, и отъ хмѣлна короба, и отъ лияна. А дворяномъ твоимъ оу коупчевъ повозовъ не имати, разве ратной вести. А свободъ ти, ни мытъ на Новгородьской волости, не ставити; а на Имоволозьскомъ погосте коуны ти имати и на Важаньскомъ. А что еси, княже, отъимъ оу Кюрили Хотуниче, далъ еси попоу святаго Михаила, а городискымъ попомъ не пошло дани имать на Новгородьскомъ погосте; вдай опять. А холопъ или роба почнеть вадити на господоу, тому ти вѣры не яти. А на Низу, княже, Новгородца не судити, ни даний ти раздавати. А что, княже, тобе было гнѣва на посадника и на всь Новгородъ, то ти, княже, все нелюбье отложити, и отъ мала и отъ велика не мщати ти, ни соудомъ, ни чимже: а кто почнеть вадити к тобе, томоу ти веры не яти. А про послы, княже, и про коупче Новгородьскые, что въ Костромѣ и по иным городомъ, то исправивъ, поусти въ Новъгородъ съ товаромъ. А въ Немецьскомъ дворѣ тобе торговати нашею братиею, а двора ти не затварити, а приставовъ ти не присталивати. А про полонъ, кто кде заточенъ, или человѣкъ, или конь Русьскый и Новгородьскый, то исправи. А село святой Софии исправи къ святой Софии. А до Влыдыкы отча нашего гнѣва ти не держати. На томь, господине, на всемь крестъ цѣлоуй къ всему Новоугороду. А гости нашемоу гостити по Суждальской земли, безъ роубежа, по Царевѣ грамоте. А судье слати на Петровъ день, тако пошло. А вывода ти, княже, межи Соуждальскою землею и Новымъгородомъ не чинити. А что закладниковъ за Гюргомъ на Торожкоу, или за тобою, или за княгынею, или за мужи твоими, кто купець, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ потягнеть въ свой погостъ: тако пошло въ Новегородѣ; отпусти всихъ проць.

Къ этой грамотѣ привѣшены были три печати, но сохранилась лишь одна свинцовая:

На оборотѣ грамоты подписано:

«Се приехаша послы отъ Менгутемеря Царя сажать Ярослава съ грамотою Чевгу и Баиши».

С. Г. Г. и Д., т. I, № 3 стр. 13—14.

Примѣчаніе. Текстъ всѣхъ грамотъ, изданный въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, провѣренъ и исправленъ по подлинникамъ; титла раскрыты.

5-